

A man in a blue martial arts gi (karate uniform) stands against a dark background. He is holding a long wooden staff (jo) vertically in his right hand. He has a white sash (obi) around his waist, which is tied in a knot. He is wearing a black and red wristband on his left wrist. The lighting is dramatic, highlighting the texture of his gi and the wood of the staff.

Наталья Гриневич

ТАИНА

«ЧЕРНОГО ЛОТОСА»

Annotation

Кто бы знал, что случайная встреча с монахом станет судьбоносной и позволит восьмилетнему пацану встать на путь героя.

Глава 1

В бумагу огонь не завернешь

Предрассветные сумерки еще не отпустили из своих объятий рыбацкую деревню, а двое, отец и сын, уже торопливо шли к берегу моря, к старенькой лодке. Вернее, торопился отец.

— Донг, шевелись! Просыпайся! Вон уже соседи встали, — подгонял он восьмилетнего сына.

Ему хотелось первым выйти в море и занять удачное место для ловли. Закинуть сети и ждать.

Бо привык ждать — рыбу, погоду, удачу. Как ждал его отец и отец его отца, и будут ждать — о царственное Небо, будь милостиво! — его сыновья.

Он спешил. Он всегда спешил. Может, поэтому удача отворачивалась от него не так часто.

Почти неделю Бо не выходил в море. Только вчера закончился шторм, бушевавший три дня. А до этого он подвернул ногу, да так, что и сейчас прихрамывал, но старался идти быстрее.

— Донг, запрыгивай в лодку. Я сам отвяжу.

Море, как игрушку, подхватило одномачтовую джонку и, покачивая, понесло по заливу. Сегодня будет хороший день, сегодня будет удачная рыбалка.

Донг сидел в лодке и ни о чем не спрашивал отца. Он знал, что отец во время ловли не любит лишних разговоров. По движению джонки Донг понял, что они направляются к двум большим скалам, выступающим из воды сразу у входа в залив.

Три весны прошло, как там после шторма нашли чужака. Это их сосед Минь во время рыбалки заметил торчащую из воды руку. Человек пытался удержаться за каменный выступ. Голова его то выныривала, то снова погружалась в воду. У него не хватало сил сделать последнее усилие: подтянуться и спастись. Так рассказывал Минь.

Чужак был настолько слаб, что никто не верил в его исцеление. Он долго лежал в заброшенной хижине, где ему отвели место: бредил, затихал и снова начинал метаться, погружаясь в жар.

По лицу можно было сказать, что он старик. Но тело его совсем не выглядело дряхлым. На шее чужака висела зангя — нить-оберег с диковинной монетой в форме мотыги. Впрочем, деревенские долго гадали и высказывали предположения, на что похожа монета. Сошлись на мотыге.

Минь принес старую циновку, а жена Бо — Суин стала приносить воду и еду.

И однажды именно она оповестила всех в их маленькой деревне, что чужак наконец-то очнулся и сразу спросил, где он.

Много любопытных набилось тогда в хижину, но старейшина деревни приказал всем выйти и вынести чужака на воздух.

Здесь его и начали расспрашивать: как зовут, откуда он и что с ним приключилось. А чужак только слабым голосом благодарил за спасение и больше ничего вразумительного рассказать не смог. Он потерял память.

— Донг, шевелись. Перебирай сети. Смотри, сколько рыбы! — радовался Бо, обращаясь к сыну.

Рыбы было не так уж много, даже и совсем не много. Но таков уж был отец.

— Донг, если ты не будешь шевелиться, я в следующий раз возьму твоего брата Фенга.

«Да, шестилетний Фенг куда проворнее, да еще и поспать не любит, — поерничал Донг про себя, а вслух ничего не сказал — отец часто обещает так сделать. — Еще бы Шучун взял». При воспоминании о трехлетней сестренке Донг улыбнулся. Красивая у него сестренка и бегаёт за ним как хвостик.

Снова закинули сети. И снова Донг стал думать о чужаке.

Все в деревне постепенно привыкли к нему. И даже дали имя — Дэй, что переводится как «напряжение». Чужак так и жил в старой хижине. Помогал рыбакам ловить рыбу. Иногда на месяц-два уходил из деревни — говорил, на заработки. Но всегда возвращался. И часто сидел на берегу моря, подолгу смотрел вдаль, как будто или ждал кого-то, или хотел разгадать тайну. Так казалось Донгу.

Они подружились. Донг, маленького роста, нерасторопный, уступал в мальчишеских разборках, не мог как следует дать сдачи и вообще не любил драться. Дэй сначала утешал его, а потом показал пару диковинных приемов: как защититься от нападения.

Донг помнил и тот день, когда Дэй хотели побить. Это случилось в первую осень, как нашли чужака.

К соседу Миню на праздники приехали родственники из Большой деревни, что в десяти ли от их Маленькой деревни. Один из мужчин решил прогуляться и встретил чужака. Никто не понял, что они не поделили. Только началась драка, если можно так сказать.

Подвыпивший родственник пытался схватить своего противника, но только хватал руками воздух. Он наверняка считал, что справится со стариком, злился и все время бросался вперед. Чужак еле заметно отступал то назад, то вбок. Родственник Миня спотыкался, падал и тут же вставал и снова шел в атаку. Так они и кружили по пятаку, который образовали любопытные сельчане. А потом чужак и вовсе упал на колени, сложил руки и стал молить о пощаде. Многие пожалели старика и хотели разнять дерущихся, хотя были и такие, кто хотел досмотреть поединок до конца — не часто увидишь такое развлечение. Родственник Миня, увидев старика на коленях, наверное, подумал, что сейчас-то прочит его, а то уже люди начали смеяться. Но ему так и не удалось ничего сделать. Чужак в последний момент как бы нечаянно повалился с колен вбок на землю, тут же откатился и вскочил на ноги, а родственник Миня, бросившийся на него, остался лежать. Его потом подняли и унесли в дом к Миню. Все подумали, что он перепил хуанцзю — желтого вина.

А Донг знал, ведь он стоял совсем рядом с дерущимися, что чужак просто ловко изображал слабого старика.

— Донг! Опять уснул. Хватит на сегодня. Возвращаемся.

Они всегда возвращались позже всех. Так было и в этот раз. Залив пересекала только их джонка.

— Донг! — в голосе отца Донг уловил беспокойство. — Что там так ярко светится? Пожар?

Донг приподнялся и тоже стал смотреть в сторону берега, где расположилась неровным полукругом их маленькая деревня.

— Там всё горит, дада! — Донг вскочил и стал махать рукой в направлении деревни.

— Сынок! — теперь в голосе отца Донг уловил растерянность и тревогу. — Сынок, нам нельзя плыть прямо к берегу. Мы уйдем чуть левее, вернее ты уйдешь, а я выясню, что происходит в деревне. Жди меня возле больших кустов. Смотри за рыбой и лодкой. Но если что... прячься, уходи в Большую деревню.

Донг чуть не плача провожал глазами отца, который быстро, мощными гребками, плыл к берегу. Он остался один, чувство бессилия и одиночества охватило его.

Донг управлял джонкой не так ловко, как отец, но всё же сумел причалить к берегу в нужном месте. Ему хотелось побежать в деревню, понять, что там произошло, но он не мог послушаться отца.

Донг не знал, сколько времени пробыл на берегу. Надвигалась ночь, а отца всё не было. Тревога сменялась усталостью, усталость — желанием поест и подремать, и снова поднималась тревога.

Что там могло произойти? Неужели на деревню напали «горные люди»? Или «вольные люди» — так они себя называли. На самом деле обыкновенные разбойники на конях — мацзэй.

Отец рассказывал, что пять весен назад, когда Донг был совсем маленьким и когда их семья только перебралась в Маленькую деревню из Большой деревни, на них тоже напали. Но тогда удалось отбиться. К тому же пошел очень сильный дождь. Такой, что ничего не стало видно вокруг. И враги отступили. Ведь само Небо было на стороне жителей деревни. Да и чем можно было поживиться в Маленькой деревне? Вот на Большую деревню нападали чаще. Так рассказывал отец.

Совсем стемнело. Ночь показалась Донгу старухой с длинными тонкими руками, которыми она постепенно захватывала всё вокруг. Страх подступил к горлу. И Донг, подгоняемый страхом и желанием наконец-то узнать, что произошло и почему о нем забыли, медленно, осторожно, часто оглядываясь и прислушиваясь, пошел к деревне.

Он уже различал контуры уцелевших домов, как внезапно чья-то сильная рука схватила его, повалив на песок.

Донг от неожиданности вскрикнул, сердце ушло в пятки. Всё произошло так быстро, что он и не понял, как его руки обхватила жесткая веревка, а сам он лежал на животе, лицом в песок.

— Попался, гаденьш! — радовался бандит с жидкой бородкой, в грязной шапке. — А я тебе говорил, Лонгвей, что надо подождать, — обратился он к своему товарищу. — Кто-нибудь да вернется в деревню. Теперь и я с добычей.

— Так, может, он не один? Ну-ка спроси, где они прячутся. — Второму бандиту тоже хотелось поживиться.

От бессилия и безысходности Донга душили слезы — так глупо попался.

Тот, что с жидкой бородкой, грубо перевернул Донга на спину.

— Где оста... — бандит замер на полуслове и повалился на ничего не понимающего Донга.

Потом чьи-то руки отбросили бандита и, перевернув Донга на живот, стали развязывать веревку.

— Тише. Не кричи, — шепотом произнес спаситель.

И Донг узнал голос — это же Дэй! Дэй спас его, теперь он не один. Наверное, Дэй вернулся в деревню, а тут...

Донг радостно кинулся к Дэю, но сразу же остановился, опасливо посмотрев на лежащие тела бандитов. Бандит с жидкой бородкой уткнулся лицом в песок. Его шапка отлетела в сторону. Второй, неестественно поджав колени и раскинув руки, лежал на спине.

— Донг, пойдем. Надо забрать их лошадей, — Дэй говорил негромко, но повелительно. — Шевелись.

Они, отвязав лошадей, пошли прочь от деревни.

Пахло гарью, горем и невозвратностью — пахло смертью.

Старик и мальчик двигались молча, прислушиваясь. Лошади фыркали, но послушно шли за ними.

Наконец, Донг увидел оставленную на берегу джонку. Сердце его сжалось — отец.

Донг хотел спросить Дэя, что случилось с отцом, со всей его семьей — где они? И боялся. Боялся услышать ответ.

Когда наскоро перекусили тем, что было в сумках у бандитов, Дэй сам завел разговор:

— Донг, мне очень жаль... Ты уже большой. Ты... Твой отец пытался защитить свою семью. Он смелый человек. Но их было слишком много...

Донг молча слушал, вытирая слезы.

— Я не видел там твою мать, брата и сестру. Скорее всего, их взяли с собой.

— Но мы же можем их спасти! Они не ушли далеко. Мы догоним их на лошадях! — встрепенулся Донг.

— Это не наша битва, Донг. — Дэй вздохнул. — Я слишком стар, а ты слишком молод. Завтра мы вернемся в деревню. Возможно, кто-то еще уцелел. А потом поедem в Большук деревню. К твоим родственникам. Лошадей можно продать. Будут деньги. И у тебя еще есть джонка. Сможешь рыбачить, как твой отец. А сейчас надо немного поспать. Слишком долгим и тяжелым был этот день.

Донг ничего не сказал, проглотив подступившие к горлу слезы.

Они улеглись на песке в разросшихся мангровых зарослях, надежно скрывавших их, чтобы забыться предрассветным сном. Привязанные лошади мирно паслись рядом.

Глава 2

Большая рыба всегда выскочит из рук

Дэй проснулся резко, как будто кто-то неведомый толкнул его в бок. Он приподнял голову, осмотрелся. Рядом никого не оказалось. Не было и одной лошади.

«Вот глупый упрямец, — чертыхнулся Дэй, быстро поднимаясь на ноги. — Что ж, Донг, ты выбрал свой путь. А я-то, старый, всё проспал».

Дэй наспех перекусил, обдумывая, что предпринять, взял лошадь и по следам направился в ту сторону, где скрылся Донг. Он не мог бросить мальчишку. Наверняка тот снова попадет в руки бандитов. Что ж, может, именно для этого Дэй прошел долгий и трудный путь воина. Путь воина, который заканчивается только со смертью. И может быть, это будет его самый важный поединок. Впрочем, каждый поединок — главный. Так их учили в монастыре.

Ехал не спеша, осматривая дорогу, а потом и вовсе спешился, оставив лошадь пастись на лугу. Еще в зарослях мангра он нашел себе крепкую палку, и теперь шел, опираясь не нее, как на посох. Одежда на нем была простая: старые штаны и рубаха, на голове платок, концы которого ниспадали на плечи и спину. Дэй вполне походил на бедного странствующего старика. Что с него взять?

Наверное, поэтому Дэя не остановили дозорные, скрытно расположившиеся вокруг лагеря.

А лагерь бандитов после дележки добычи и ночного кутежа притих, только изредка доносились возгласы готовивших еду на кострах.

Дэй направился к самому большому шатру, внимательно осматривая все вокруг. Именно там должен находиться главарь банды. Дэй еще на подходе к лагерю по следам понял, что Донга схватили дозорные и отвели в лагерь. Дэй бросал быстрые взгляды по сторонам, стараясь делать это незаметно, — он искал Донга. Наверняка его связали и посадили где-нибудь возле телеги, чтобы потом решить, что с ним делать дальше и чья это добыча.

— Эй, старик! Чего тебе здесь надо? — окликнул его сонный стражник, охранявший большой белый шатер. — Если ты хочешь поесть, то иди вон к тому костру, там тебе нальют похлебки.

— Спасибо, дае, — как можно подобострастнее ответил Дэй.

Стражник, которого называли господином, довольно усмехнулся.

— Иди-иди. Незачем здесь тебе топтаться.

— Как скажешь, господин! Но я бы хотел переговорить с вашим главным господином.

— Ишь чего захотел! А захочет ли он с тобой говорить? Зачем мне беспокоить своего господина? И кто ты вообще такой? — с этими словами стражник подошел к Дэю и начал его обыскивать. Ничего не обнаружив такого, что бы заслуживало внимания, он снова стал прогонять старика.

— Господин, но у меня важный разговор, — не сдавался Дэй.

В этот момент из шатра, шурясь от солнца, вышел невысокого роста, плотный мужчина. По его уверенным движениям и тому, как он взглянул на стражника и старика, можно было понять, что это и есть самый главный.

Стражник тут же стал оправдываться, но главарь даже не повернул головы в его сторону. Он пристально смотрел на старика, внешний вид которого вроде бы не должен был

вызвать интерес. Но привыкший часто встречаться с опасностью, главарь банды, которого звали Шен, что в переводе означает «осторожность», ощутил беспокойство. И беспокойство это возникло от щуплого старика.

Из шатра тем временем вышли еще трое мужчин, вероятно, приближенные главаря. Они тоже, кто с любопытством, кто с раздражением — наверняка пришел просить за схваченных родственников, уставились на старика.

Дэй, наклонив голову и прижав правую руку к груди, заговорил первым.

— Приветствую тебя, о многоуважаемый господин! Я бы не посмел потревожить тебя и твоих людей, но у меня безвыходное положение. Я странник, ходил один, но силы мои стали убывать, поэтому три весны назад взял себе в помощники мальчика из бедной многодетной крестьянской семьи. — Дэй помолчал немного, как бы собираясь с духом, чтобы высказать свою главную просьбу. — Не сочти за дерзость, господин, но твои дозорные схватили глупого мальчишку, который решил взять нашу единственную лошадь и прокатиться, удрав от меня.

— Ты хочешь, старик, чтобы я отдал тебе мальчишку и лошадь? — усмехаясь, спросил Шен.

Из толпы любопытных, собравшейся вокруг, раздались смешки и возгласы неодобрения.

— Нет, господин, лошадь ты можешь оставить себе, а мне отдай мальчика.

— Ха-ха! Я могу оставить себе всё и всех, — засмеялся Шен и тут же угрожающе добавил: — И тебя тоже, старик.

Толпа одобрительно загудела — как может какой-то старик ставить условие их главарю.

— Хорошо, господин, я выкуплю мальчика, — спокойно согласился Дэй.

— У тебя есть деньги, старик? — с сомнением произнес Шен, внимательно оглядывая старика. — «Но, может быть, деньги у него припрятаны. Он так уверенно держится, этот старик», — подумал Шен.

— Нет, денег у меня нет.

В толпе снова послышались смешки и раздраженные возгласы.

— Но я могу предложить тебе сделку: моя жизнь за свободу мальчика.

— Твоя жизнь ничего не стоит, старик, — отрезал, раздражаясь, главарь, раздражаясь, что он глупо тратит время на какого-то старика.

— Прикажи своим трем лучшим стрелкам по команде пустить в меня стрелы. Если я останусь в живых, то ты отдашь мне мальчишку.

— А что буду иметь я, если ты умрешь?

— Ты увидишь то, что ни твои люди, ни ты никогда не видели.

Толпа загудела: всем хотелось посмотреть, как же будет выкручиваться старик. Начали делать ставки.

Шен, подгоняемый любопытством и желанием своих подчиненных посмотреть на зрелище, приказал подготовиться стрелкам. В конце концов куда денется старик.

Дэй в ожидании команды «Стрелять!» стоял в расслабленной позе и даже, казалось, прикрыл глаза.

Стреляющие встали в одну линию и натянули луки.

Толпа затихла, пристально наблюдая за всем происходящим.

Шен, наслаждаясь моментом, — он был уверен, что сейчас старик умрет, — махнул рукой, приказав стрелять.

Все напряженно наблюдали за полетом стрел и за стариком, который вдруг поднял

посох и начал бешено вращать его перед собой. Две стрелы, задев посох, отскочили в стороны, а третья прошла через посох, застряла в нем, неглубоко ранив старика в плечо, а потом упала ему под ноги.

Толпа ахнула и загудела. Но еще больше она загудела, когда главарь Шен, не привыкший уступать, да еще какому-то старику, выхватил лук у стоящего рядом стрельца, судорожно натянул тетиву и пустил еще одну стрелу.

И снова все замерли, теперь уже наверняка зная, что увидят пробитое стрелой тело старика.

Но Дэй как будто знал, что представление не закончилось. Он ловко забрался по посоху вверх и застыл на нем на мгновение, стоя на одной ноге и балансируя руками.

Стрела пролетела в нескольких сантиметрах от его ноги и опустилась рядом с посохом.

Раздались крики восхищения и даже радости.

Теперь уже Шен точно не мог приказать убить старика, иначе его авторитет будет подорван, но и уступить он не мог.

Дэй как будто прочитал мысли главаря. Он с ничего не выражающими лицом и голосом сказал:

— Господин, если ты не против, я покажу еще одно чудо. Надеюсь, оно с лихвой окупит твои потери. Прикажи привести самого сильного коня и поставить его здесь. Прикажи привести и мальчика и посадить его рядом с конем. Я перепрыгну через твой шатер, не задев его, и опущусь как раз в седло твоего коня. А потом мы уйдем. Да будут долгими твои годы, господин. Да благоволит тебе Небо!

В толпе послышались одобрительные возгласы, снова начали делать ставки, теперь уже больше ставили на старика.

Шену ничего не оставалось, как согласиться. Да и как сможет старик перепрыгнуть его большой — более двух жэнь (2,5 м) в длину, да еще в высоту один жэнь — шатер.

Привели коня — красавца с шелковистой гривой, примерно полтора метра в холке, гнедой масти.

Привели и Донга. Мальчишка шел с опущенной головой, не зная, что с ним будет и, конечно, кляня свою невезучесть — как он умудрился второй раз попасть в руки бандитов. Донг, приподняв голову, увидел толпу и... Дэй! Как? Откуда он здесь? Неужели пришел спасать его?! Пришедшая радость тут же сменилась унынием: как старик справиться с такой большой толпой бандитов?

А Дэй подошел сначала к коню. Погладил его по морде, что-то шепнул в ухо. Осмотрел седло, проверил, надежно ли оно закреплено. Потом, сделав суровое лицо, как будто он хотел отругать непослушного мальчишку, медленно стал двигаться в его сторону, постепенно ускоряя шаги.

То, что произошло после, Донг плохо помнил — он ничего не успел толком понять. Дэй сильной рукой схватил его и, оттолкнувшись, мощным броском прыгнул в седло, одновременно закинув на коня Донга. Они помчались, только ветер засвистел в ушах.

Бандиты сначала онемели от удивления, потом раздался угрожающий рев и тут же команда «Догнать!».

Конь легко перепрыгнул через круг стоящих телег, которые огораживали лагерь. Донг не свалился только потому, что крепко вцепился в седло. Они выскочили в поле. Дэй направил коня в сторону реки — там заросли и огромные валуны. Есть где укрыться.

Погоня отставала от них, и этим воспользовался Дэй: он решил не рисковать — не прятаться в зарослях, а направить коня в реку.

Река подхватила их и понесла. Беглецы крепко держались за коня. Дэй рассчитывал на то, что они успеют скрыться за поворотом реки и бандиты их не увидят.

Так и случилось.

Мокрые и уставшие, беглецы только после третьего поворота петлявшей между холмами реки решились выйти на берег. Они долго лежали на песке, переводя дыхание. Конь пасся рядом. Солнце уже клонилось к закату, когда Дэй и Донг, обсохнув, решили поискать убежище на ночь.

Дэй не ругал мальчика за то, что тот не послушал его. Но Донг при этом чувствовал вину еще больше — лучше бы его отругали.

Наконец, Донг, не выдержав, решил объясниться:

— Дэй, я не хотел... то есть я хотел...

— Донг, я понимаю тебя, — прервал своего подопечного Дэй, потом улыбнулся и продолжил: — И, надеюсь, мне не придется спасать тебя в третий раз.

Донг облегченно выдохнул. Помолчали.

— Дэй, а ты и правда смог бы перепрыгнуть через шатер?

— Ну, если только с разбега, — сдерживая смех, ответил Дэй. — А с места навряд ли, — уже не сдерживаясь, засмеялся он. — Вот еще бы лет тридцать скинуть, тогда бы точно перепрыгнул. Ах, Донг, побеждает не всегда сильный и умелый, часто побеждает умный. Запомни это.

Они нашли небольшую пещеру, даже не пещеру, а углубление в скале, сделанное ветром и дождем. Коня решили оставить возле реки — слишком приметный и притягивающий к себе взгляды. С ним они далеко не уйдут, он может их выдать. А седло и узду взяли с собой. Возможно, всё это они смогут продать и купить еду или обменять на еду.

Ночь неожиданно быстро охватила горизонт, как будто хотела спрятать беглецов понадежнее.

Донг лег на бок и, поджав колени к животу, уснул сразу. А Дэй еще долго ворочался, пока не принял решение, и только тогда закрыл глаза.

Глава 3

Если есть деньги, можно и с богами договориться

Дэй проснулся рано — где-то совсем рядом блеяли овцы и покрикивали, шелкая кнутами, пастухи. Он сел и посмотрел на крепко спящего Донга. Будить его не хотелось, но надо было пообщаться с пастухами, возможно, раздобыть еды, узнать, где они находятся. Когда-то давно, очень давно Дэй был в этих местах, но сейчас всё казалось не таким или совсем не таким.

— Донг, — негромко произнес Дэй, чтобы разбудить мальчика. — Просыпайся. Ну, вставай же. — Дэй потряс Донга за плечо.

Донг очнулся. Ничего не понимая, он смотрел на Дэя, и на лице его появилось испуганное выражение.

— Донг, рядом с нами пастухи гонят овец. Наверное, к реке. Я сейчас пойду к ним, может быть, раздобуду еды. Посиди пока здесь. И... никогда не показывай свой страх. На твоём лице должно быть спокойствие, уверенность, сила, безразличие — что угодно, но только не страх. Ты даешь соблазн тем, кто находится рядом, проверить тебя на прочность. Иногда ради забавы. Потому что ты показываешь слабость, а слабого легко победить. Так уж устроены люди. Так устроен мир. И вообще, ты уже большой, будь сдержаннее.

Донг молча кивнул. И на лице его появилось выражение сосредоточенности.

Дэй улыбнулся.

— Если, конечно, ты не хочешь устроить представление.

Пастухов оказалось двое. Один в возрасте, но не в таком, чтобы спотыкаться. Другой молодой, очевидно, его помощник. Они действительно гнали небольшую отару к реке. Подошедшего к ним старика встретили доброжелательно — какой от него вред. И потом, не часто встречаешь путника на дороге. Интересно поговорить с новым человеком.

Обменялись приветствиями. Дэй сказал, что не один, и позвал Донга, который вышел из пещеры с таким выражением доброжелательности на лице, что Дэй еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

Пастухи предложили разделить с ними нехитрый завтрак — рисовые лепешки. Когда немного утолили голод, завели разговор.

— Когда-то, очень давно, я был здесь. Но время всё меняет, — начал свой расспрос Дэй.

Пастухи согласились и дальше слушали молча, не перебивая.

— Мы направляемся к деревне, что находится у подножия Священной горы Хэншань. Скоро начнется Праздник середины осени, и нам бы успеть попасть на него. Вы не знаете, по какой дороге нам лучше пойти, чтобы успеть к празднику?

После некоторых раздумий старший пастух ответил:

— Да, этот праздник начнется через три дня. И путь у вас не близкий. Можно сократить дорогу, чтобы успеть. — Он взял веточку и стал чертить дорогу, рисовать горы, дома с крышами, очевидно, это было обозначение селений. — Вам все время нужно двигаться так, чтобы горы были у вас с левой стороны. И только когда покажется Священная Южная гора — Хэншань, сверните на горную тропу. А там совсем недалеко и деревня, которая вам нужна.

— Спасибо. Не согласитесь ли вы взять у нас седло в обмен на еду и сумку?

Пастухи переглянулись — это был неравноценный обмен, седло стоило дороже, но

видно так нужно путникам.

— Пожалуй, мы поделимся с вами едой, — произнес старший. — И дадим сумку. — Пастухи встали, пора гнать овец дальше. — Пусть будет легкой ваша дорога. Да благоволит вам Небо!

Поблагодарив пастухов, Дэй и Донг отправились в путь. Коня они так и не увидели, наверное, он далеко ушел от реки. Сбрую взяли с собой. Может быть, удастся обменять и ее на еду. Наверняка не только они одни пойдут к священной горе на праздник. Можно будет влиться в толпу паломников и дойти вместе с ними. Лишь бы не встретить кто-то из тех, кто был в лагере бандитов. Но это маловероятно. Так рассуждал Дэй.

В первый день пути им не повезло с погодой — моросил холодный непрекращающийся дождь. И чтобы совсем не промокнуть, путники прятались в небольших каменных углублениях или под редкими деревьями. И теряли драгоценное время. К полудню дождь прекратился. И они зашагали веселее, обсыхая на солнце. По пути им встречались то одинокие странники, то крестьяне, везущие на телегах продукты на продажу, а то и конники. Тогда Вэй и Донг опускали головы и старались быть незаметными.

И все-таки они шли медленно, очень медленно. Дэй прикинул, что если они с такой скоростью будут двигаться и дальше, то не успеют в деревню к празднику. И наверняка Донг скоро начнет уставать — ребенок. Надо было что-то придумать, чтобы его план удался. А что тут думать — нужна лошадь.

И Небо услышало их. На одном из поворотов Дэй увидел пасущегося жеребца. Это же тот гнедой, что спас их от бандитов! Раздумывать, как жеребец попал сюда, было некогда. Дэй с Донгом приблизились к коню, который, конечно, узнал недавних всадников и разрешил надень на себя узду. Они — хорошо, что стемнело — представляли собой интересное зрелище: два оборванца ехали на породистом, дорогом коне. И если бы не ночь, то наверняка кто-нибудь поинтересовался, откуда у бедного старика и мальчишки такая лошадь.

Дэй решил всю ночь и раннее утро провести в дороге, рассчитывая таким образом быстрее добраться до места. Это как раз была середина их пути.

Когда на дороге стало тесно от путников — а это говорило о скором появлении большого поселения, Дэй с Донгом свернули в поле. Там они сняли с коня узду, оставили его пасть и пошли пешком.

Город встретил их таким же шумом, движением и пестротой, как на дороге.

Донг никогда не был в городе. Он только успевал вертеть головой — всё ему было интересно, всё в диковинку.

Одноэтажные глинобитные дома с загнутыми вверх карнизами, с желтыми, красными и синими крышами.

Множество людей — в дорогих и попроще ханьфу, мужчины и женщины — деловито шагали по своим делам. Кричали разносчики еды, то тут, то там сновали подростки в шапках-колпачках. Молодой китаец с очень темной кожей продавал диковинные игрушки. Возле него толпились ребятишки. Донгу хотелось подойти к игрушкам и рассмотреть их. Но он не мог отстать от Дэя. И вообще он уже большой.

Дэй и Донг подходили к базару. Здесь им пришлось пробираться сквозь толпу. Терпко пахло специями, рыбой, жареным мясом, луком... Донг, глядя на лотки с едой, глотал слюны — он очень хотел есть, но молчал, стараясь не отставать от Дэя. А Дэй как будто прочитал его мысли.

— Не отставай, Донг. Сейчас мы продадим узду и пойдем в харчевню поедим. Смотри, вот ряд, где продают конную утварь.

Дэй решил не идти вглубь торгового ряда. Он остановился, как только увидел продавца, который продавал то, что им было нужно.

— Ни хао, уважаемый! — начал Дэй с приветствия.

Продавец, полноватый, с узкими хитроватыми глазками, в шляпе из бамбуковой щепы, задумчиво ответил на приветствие, стараясь в то же время понять: что хочет от него этот бедно одетый старик?

«А, он достает из сумки уздечку. И какого качества! — Лицо продавца озарилось подобострастной улыбкой. — Здесь можно заработать!»

— Не купишь ли, уважаемый, у меня узду? — спросил Дэй, расправляя свой товар.

— Можно и купить, — ответил продавец, взяв узду. Он разглядывал ее с сомнением на лице, мял в руках, наконец, сказал самое главное — цену: — Десять юаней. Больше не могу.

Дэй не стал торговаться, хотя цена явно была занижена больше чем наполовину. Но им хватит на оставшуюся дорогу.

Дэй взял деньги и поспешил в ближайшую харчевню.

— Дэй, но, по-моему, нам мало заплатили! — возмутился Донг, еле поспевая за своим спутником.

— Ты хочешь, чтобы я торговался, или заставил заплатить больше, или пошел к другому продавцу?

— Но нас обманули! — возмутился Донг. — Это несправедливо!

— Ах, Донг, какой ты еще маленький! Эмоции выпускай, но не руководствуйся ими. Думай, прежде чем сделать шаг. Просчитывай последствия своих шагов. Иногда от этого будет зависеть твоя жизнь и не только твоя. Продавец вообще мог поднять шум и сказать, что мы, нищие, украли узду. И ведь действительно она не наша. — Дэй с улыбкой посмотрел на мальчика. — Нас могли прогнать, тогда бы мы вообще ничего не получили, задержать или, того хуже, посадить в тюрьму. Но наша цель другая, понимаешь?

— Да, — буркнул Донг, который толком не знал, зачем они направляются в деревню у подножия Священной горы на праздник, и всё хотел при удобном случае расспросить об этом Дэя.

Вскоре они подошли к одной из харчевен, которых много располагалось возле базара. Внутри было полутемно. Стояли небольшие столики, за которыми на маленьких табуретках — дунь уже сидели желающие поесть и выпить. Но посетителей было немного — начиналась дневная жара, и те, кто хотел позавтракать, уже позавтракали, а ужинать принято вечером.

Прислуживающий мальчик лет двенадцати, скорее всего, сын хозяина, провел Дэя и Донга к свободному столику, спросил, что они будут заказывать. Вскоре он же принес им жареную лапшу, овощи и чай.

В харчевне было спокойно, пока туда не ввалилась, судя по разговорам об удачной утренней торговле, компания молодых подвыпивших продавцов. Они заказали вина и продолжили пиршество, громко разговаривая и смеясь.

Одному из них — парню лет двадцати двух, широкоплечему, с короткими усиками, в помятой ханьфу — видимо, в голову сильно ударило вино. Он стал оглядываться, осматривать посетителей. Потом встал и, пошатываясь, направился к столику у выхода. Там сидел, неторопливо прожевывая еду, паренек из деревни, судя по одежде, манерам и

немного растерянному и удивленному взгляду.

Донг перестал есть и уставился на них. Он знал, что сейчас может произойти. Он не раз видел пьяные драки в их Маленькой деревне, особенно на праздники. Дэй же продолжал спокойно есть.

Детина с усиками сначала что-то втолковывал деревенскому, предлагал выпить, а потом неожиданно опрокинул стол и с размаху ударил паренька в грудь. Тот упал. К детине подбежал мальчик-слуга, уговаривая успокоиться и сесть за свой стол, но вскоре и он отлетел к стене.

Донг посмотрел на Дэя.

— Ешь быстрее, — проворчал тот. — И не смотри туда.

Детина оглядел харчевню и, не найдя лучшей кандидатуры для продолжения драки, направился к столику Дэя и Донга. Судя по его стеклянному взгляду, соображал он уже плохо, но дурная энергия, удвоенная алкоголем, била через край и искала выхода. И этому поиску выхода быстро помог Дэй.

Не успел детина подойти к ним, как Дэй резким, неуловимым движением ткнул посохом дебоширу в живот. Тот на мгновение застыл, глотая воздух, не в силах что-либо произнести. И тут же стал кашлять и захлебываться содержимым своего желудка, которое фонтаном полилось на его одежду и пол. Но это зрелище Дэй и Донг не увидели — они торопливо вышли из харчевни и направились к выходу из города.

Дэй решил, что они переждут жару, отдохнут в какой-нибудь забегаловке в пригороде, купят еды и отправятся дальше — у них есть всего одна ночь, день и еще одна ночь, чтобы добраться до места. Так и сделали.

Вечером старик и мальчик бодро вышагивали по опустевшей дороге. И никому до них не было дела. Только луна и яркие звезды помогали им, освещая путь.

Глава 4

Вороны везде черные

— Дэй, а зачем мы идем так далеко, в эту деревню? — наконец-то решился спросить Донг.

— Может быть, я неправ, Донг, Небо рассудит. Но так я подумал и хочу сделать. И если я прав и всё делаю правильно, то удача будет на твоей стороне.

Донг опять ничего не понял и снова спросил:

— Дэй, расскажи мне. Я не понимаю.

— Да, мне многое надо тебе рассказать. И лучше это сделать сейчас.

Первый рассказ Дзя

Когда-то давно, когда я прожил всего шесть весен, мой отец одним ранним утром привел меня к Священной горе, как раз на праздник. Он хотел отдать меня в монастырь, к монахам. Мы были бедные. Он не мог прокормить восемь детей. Мы часто голодали. Теперь я понимаю его. Он хотел для меня лучшей доли. Я должен был пройти испытание. Монахи брали только мальчиков пяти-шести лет, здоровых, сильных, тех, кто проходил испытание.

Таких мальчиков набиралось из близлежащих деревень и городов много. Нам нужно было сразиться между собой. Тот, кто побеждал, — а нужно было уложить соперника на землю и удержать, пока монах-судья не зачтет победу, — проходил отбор на второй круг. И снова между оставшимися шла борьба. И опять те, кто побеждал, дрались между собой. Так оставалось восемь-десять «счастливицков». За соревнованиями внимательно следили двое монахов. Потом они забирали мальчиков, лучших из лучших, тех, что одержали большего всего побед, и уводили с собой навсегда. И никто не знал, что с ними и как они живут. Считалось, что в тепле и сытости постигают науку монашества, а после служат в разных монастырях.

Я рос сильным, задиристым. Всегда верховодил среди своих сверстников и даже постарше. Поэтому первый круг отбора прошел легко. На втором мне не повезло — я слегка подвернул ногу и мне достался соперник, равный по силе. Мы долго кружили, не уступая друг другу. Но в конце концов я оказался на земле, а мой соперник сидел на мне, готовый заявить о победе. Он, конечно, расслабился, не зная мое упрямство. Я же собрался с силами и скинул его с себя. Теперь уже ничто не могло меня остановить. Я победил.

Но надо было пройти через еще одно сражение, а сил оставалось совсем мало. Тогда я пошел на

хитрость. А если называть вещи своими именами — на подлость. Я как бы нечаянно наступил на ногу своему сопернику, который взвыл от боли и, конечно, потерял энергию ци, равновесие души и тела, и уступил мне бой. Так я попал в монастырь.

В монастырь «Черный лотос».

Когда-то давно, наверное, тысячу и более лет назад, появился монастырь «Лотос», или «Цветок лотоса». Но, как это часто бывает, под влиянием других культур и знаний, а больше из-за гордыни и соперничества среди монахов высшей касты начался разлад, и они разделились на «белых» и «черных».

Монастыри «Белого лотоса» расположены в основном на севере Китая, а «Черного

лотоса» — на юге. Ты понял, почему они разделились, а теперь спроси: в чем их отличие? Но сначала я расскажу тебе, почему выбрали именно этот цветок для названия.

Лотос — необычный цветок. Он растет в грязной воде, но всегда чистый и сухой. Вода стекает с его лепестков, покрытых воском. Он настолько сильный, что способен согреть себя в холодную погоду. Он — приближенный, расцветает в день рождения Будды. Он способен лечить — лотосовый чай самый целебный из всех чаев мира.

Монахи «Белого лотоса» всегда шли и идут путем честным и справедливым. Только поединок лицом к лицу, а не удар исподтишка. Только путь воина, который нужно пройти до конца и не замарать себя. «Черные» — считают, что во имя Неба и защиты государства все средства хороши: обман, предательство, яд, стрела в спину, разжигание ненависти и раздора. Вот в чем их отличие.

Ты можешь спросить, как они ладят между собой. По неписаным правилам, они стараются не сталкиваться друг с другом, а тем более не враждовать. У них одна задача — защита интересов своего государства, защита Поднебесной империи.

Я жил и учился в «Черном лотосе». Порядок и распорядок в монастырях примерно одинаковый. Он не меняется много веков. Это монастырские правила «Бай Чжан».

Я был крепким и старался выполнять все, что от меня требовалось. Не скажу, что это далось мне легко, но я прошел через все испытания. Через четырнадцать лет упорных тренировок я сдал все экзамены и рвался в бой.

Так начался мой путь монаха-воина.

— Эй, Донг? Да ты никак засыпаешь на ходу! — воскликнул Дэй. — Совсем рассвело. Давай свернем с дороги и отдохнем. У тебя должны быть силы, чтобы победить в поединках и попасть в монастырь.

— Но мне же восемь лет. Меня не возьмут в монахи, — откликнулся Донг.

— А кто об этом знает? — усмехнулся Дэй. — Ты невысокий, а если сказать прямо — маленького роста и худой. Вполне сойдешь за шестилетнего. Обман не всегда зло, обман может быть во благо.

Они хорошо выспались, позавтракали припасенной едой. А затем отправились дальше.

День прошел без приключений. Дорога была заполонена паломниками разных сословий. Попадались и крестьяне с детьми. Наверное, их тоже везли для того, чтобы отдать в монахи.

У Дэя и Донга оставалась последняя ночь — к утру они доберутся до Священной горы.

Донг обратил внимание на мальчика, который устал идти, но отец его всё время подгонял:

— Киу, не отставай! Мы не можем так часто отдыхать — опоздаем. Ну, Киу, осталось совсем немного.

А Дэю еще о многом нужно было рассказать Донгу и, главное... Может быть, Небо услышит и всё случится так, как хочется Дэй.

Второй рассказ Дэя

Молодость, знания и умения переполняли меня. Думаю, я был хорошим воином. Мне часто сопутствовала удача, хотя, не скрою, были и провалы.

Так прошло больше двадцати лет. И однажды мной овладела болезнь. Да-да, Донг, и

у монахов-воинов есть болезни. И одни их них «болезнь меча» и «болезнь тихого дома». Одержимость убийством и одержимость тихой жизнью. Убивать — нетрудно, трудно — не убивать. Иногда война настигает безумие убийства — он не может остановиться, теряет рассудок, ему нужно убивать. И пока он этого не сделает, не успокоится. И всё повторяется снова и снова. Это «болезнь меча». Таких или отправляют сражаться в армию, где почти каждый день битва, или умертвляют. К счастью, мной овладела «болезнь тихого дома» — я больше не хотел вести ту жизнь, которую вел. Необъяснимая тоска поселилась в моем сердце. Я слонялся по улицам, заходил в харчевни и лавки, гулял по базару и посещал «синие дома», но ничто не приносило мне покоя и облегчения. Я хотел любить, я хотел семью и детей.

И однажды я встретил ее — девушку, которую полюбил. Ее звали Аи. Она была дочерью мелкого чиновника. Мы познакомились, когда на их семью напала банда уличных бродяг. Мне, конечно, не составило большого труда раскидать нападавших. Аи так благодарно смотрела на меня. А я потерял покой и сон. В конце концов мы стали встречаться, тайно от ее родителей. И тайно от учителей монастыря.

Так не могло долго продолжаться. Меня в любой момент могли отправить с заданием. Как раз на севере участились набеги варваров. Нужно было что-то решать, на что-то решиться. Но я не мог открыто уйти из монастыря. Я — монах-воин, и мой путь предопределен.

Тогда я решился сбежать вместе с Аи. Неважно куда, лишь бы быть вместе. Так мы скитались, не задерживаясь нигде больше одной весны, около пяти лет. Нам повезло — таких отступников находят гораздо раньше и наказывают. Вскоре Аи родила дочку. Мы назвали ее Роу — «нежная».

И все шло хорошо. Я так любил свою жену и дочку!.. Но нас все же выследили «черные».

Однажды после работы я зашел в портовый кабачок — поужинать. Я сразу заметил «черного». Мы много лет проводим в монастыре и становимся похожими друг на друга — по мягким, рациональным движениям, выражению лица, хотя часто оно ничего не выражает, по скользкому, казалось бы, ничего не замечающему взгляду, но в то же время этот взгляд видит всё. К тому же мы не пьем спиртное и не едим мяса.

Я долго не задержался в кабачке, и всё время оглядывался, не идет ли кто за мной. Пошел домой окольными путями. Я чувствовал опасность. Жена уверяла, что мне это кажется и никакой опасности нет.

Но я — монах-воин, я натренирован не только видеть и слышать, но и чувствовать. Мы быстро собрались, я договорился с хозяином трехмачтовой джонки, что он перевезет нас в другое место, где мы были бы в безопасности. Сначала он отказывался, но я хорошо ему заплатил — двойную цену.

Рано утром мы вышли из дома, чтобы идти к морю, и я увидел их. Все-таки меня выследили. Один постарше, с еле заметной усмешкой на лице. Второй — молодой, видимо, недавно перешедший в касту воинов.

Я велел жене взять дочку и бежать к берегу, где нас ждала джонка. Она плакала и не хотела бросать меня. Тогда я ударил ее по щеке. Так надо было Донг, и мне до сих пор больно про это вспоминать. Я должен был задержать этих двоих, чтобы мои родные ушли. Я оказался прав: «черные» не стали преследовать мою семью, их интересовал я.

Мы начали биться.

Я решил сначала вывести из битвы молодого, и, к моему счастью, это не составило особого труда. Я подловил его на очень простом приеме: сделал фальшивый выпад и создал впечатление, что поскользнулся и падаю. Молодой, радуясь возможности легкой победы, кинулся ко мне и тут же рухнул от моего резкого удара. Его голова крутанулась в сторону больше, чем надо для жизни, и он затих.

Всё произошло очень быстро, так быстро, что второй не успел ему помочь. И вот тогда началась серьезная битва. Старший был хорошо подготовленным бойцом, но и я не уступал ему в мастерстве. Однако мне мешало чувство тревоги и ответственности за семью — я не мог полностью сосредоточиться на бое, но это же чувство дало мне силы победить.

Хотя сейчас я думаю, что не победил его.

Мы начали медленно, прощупывая друг друга: выпад — защита, удар — блок. Так мы могли бы долго кружить, но меня ждали. Я сказал жене, что если не вернусь до полного восхода солнца, то пусть плывут без меня. Поэтому мне надо было рискнуть. Но обмануть опытного бойца труднее. Он не велся на мои уловки и обманные выпады. И один раз почти подловил меня, но каким-то чудом я удержал равновесие, откинувшись назад, и смертельный удар прошел по касательной. Тогда я решился на свой коронный удар ногой с разворота. Однако в последний момент, как будто Небо подсказало мне, я прыгнул и двумя ногами ударил его в голову. Мы упали на землю. Я тут же вскочил, а мой противник остался лежать — он упал на камень.

Всё закончилось, я бросился к спасительному берегу. И вскоре джонка отчалила.

Море было спокойным, дул попутный ветер. Мы радовались. Но, видимо, и тут Небо решило вмешаться и вернуть меня к тому, что мне было предназначено с рождения. Начался шторм. Джонку бросало, как щепку в горном ручье, из стороны в сторону. Волны обрушивались на палубу, сметая всё на своем пути.

В один из таких моментов я не смог устоять на ногах, и меня смыло за борт. Я отчаянно пытался добраться до джонки, но море уносило меня всё дальше. Остальное ты знаешь.

Я нарушил закон — закон равновесия и предопределения жизни. Поэтому и был наказан. Но я не жалею ни о чем, потому что я был любим и счастлив.

— Донг, ты слушаешь меня?

— Да, Дэй. Но я не понял, почему ты не победил.

— Потому что мне помог камень, но главное — потому что я остался без жены и дочери. Без того, в чем был смысл моей жизни. Я искал их, надеясь, что они не погибли, но...

— Так ты уходил не на заработки!

— Донг! — Дэй взял мальчика за плечи и повернул к себе. — Завтра утром, что бы ни случилось, ты придешь в деревню и примешь участие в соревнованиях. Ты победишь и будешь жить в монастыре. — Дэй, не отрываясь, смотрел подопечному в глаза. — Когда ты станешь монахом-воином, ты найдешь и мою дочь, и своих родных, — четко проговорил Дэй, делая ударение на каждом слове.

— Ты так говоришь, как будто это уже свершилось...

— Так надо, Донг. Я даю тебе путь, я «ставлю» тебя на путь. — Дэй помолчал и добавил: — Хотя и вмешиваюсь в дела Неба. И еще, — Дэй поднял руку и показал маленькое черное пятнышко на запястье левой руки. — Это татуировка — цветок черного лотоса. У «белых» лотос нарисован одной линией, у нас он покрашен черным. Здесь есть и едва заметная точка над лотосом, вверху — это путь к просветлению. Точка под лотосом, внизу

— означает конец пути, смерть. Монах сам ставит эти точки. Он сам выбирает и когда ему умереть, вернее чувствует это. Воин может не поставить точку под лотосом, тогда он становится бессмертным. Но таких очень мало. Они гуляют по всему свету и могут прийти на помощь в трудную минуту, если позвать, но сильно на них не надеются.

— А как отличить просто монаха от монаха бессмертного? — спросил заинтригованный Донг.

— Можно прикоснуться к нему. Ты не почувствуешь ни тепла, ни холода — ничего. Пустота. Это не просто объяснить, потом поймешь сам. Можно даже пройти сквозь бессмертного, но лучше этого не делать.

Донгу о многом хотелось расспросить Дэя, но он не решался, да и голова пухла от стольких знаний.

— И надень вот это. — Дэй снял с себя талисман-монету в форме мотыги. — Такой же есть у моей дочери Роу. Сейчас ей, я очень надеюсь, семь лет. А теперь нам нужно немного поспать и набраться сил. Завтра будет трудный день — предопределяющий день.

Глава 5

Проверяя глубину ручья, не делай этого обеими ногами

Солнце только показало свой алый краешек, а Дэй и Донг уже бодро шагали по дороге. У них оставалось немного еды, и Дэй почти всё отдал мальчику — ему нужны силы, чтобы преодолеть все испытания дня.

Чем ближе они продвигались к Священной горе, тем больше дорога становилась похожа на базар. Тот же шум, скрип, разноголосие, та же пестрая, разноцветная толпа жаждущих посетить гору Хэншань.

Вот и тропа, ведущая к бамбуковой роще. Однако никто не сворачивал с дороги на тропинку, чтобы сократить путь. И только потом Дэй и Донг поняли почему.

Бамбуковая роща сильно заросла. В некоторых местах приходилось продирааться сквозь крепкие стволы бамбука. Их высокие вершины смыкались, закрывая небо. Тропинка петляла, то и дело раздваиваясь. В этой роще можно было запросто потеряться.

Донг вертел головой и едва поспевал за Дэем. Ему казалось, что он попал в страшную сказку, которая никак не заканчивалась. Бамбук рос всё гуще и гуще. Солнца становилось всё меньше и меньше. Порыв ветра поднимал листья, и тогда раздавался шуршащий тревожный звук.

Вдруг Дэй резко остановился и замер, присев, призывая то же самое сделать и Донга, которому в нос ударил запах дыма. Дэй ящерицей прополз по стволу стоящего рядом с ними бамбука. То, что он увидел, его не обрадовало: четыре шалаша и костер. Рядом с костром сидели двое — варили похлебку. А сколько их спит в шалашах — неизвестно.

— Донг, — прошептал слезший с бамбука Дэй. — Нам не обойти их — слишком густо растет бамбук в этом месте. Надо пройти мимо них незамеченными. Это «веселые люди» — бродяги и беглые. Послушай меня внимательно и сделай всё, как я скажу.

Донг старался не показать, что он испугался, и сосредоточенно слушал Дэя.

— Донг, представь, что ты лист, и медленно плывешь в воздухе, подгоняемый слабым ветерком. Нужно смотреть внутрь себя и ни в коем случае не реагировать на внешний мир. Я понимаю, что это трудно без медитации и тренировок. Но постарайся. Иди за мной, плавно покачиваясь при каждом шаге, и смотри только на мою спину. Мы пройдем мимо, и они не заметят нас. Закрой глаза и представь себя листком. Молодец! — Дэй легонько, нежно провел руками по голове и лицу мальчика, отчего на того напала сонливость. Он зевнул, глаза его стали слипаться. — Теперь медленно, плавно иди за мной, — прошептал Дэй, начиная раскачиваться.

И они пошли.

До бродяг было примерно шесть жэнь и столько же, чтобы пройти поляну и скрыться в роще. Сидящие у костра тихо переговаривались, подбрасывая в костер дрова и пробуя варево. Они не замечали, как двое шли близко мимо них. И не заметили бы и потом, если бы не досадная случайность — резкий крик фазана. Донг очнулся и невольно посмотрел на сидящих у костра — и это когда до спасения оставалось совсем немного. Бродяги от удивления открыли рты, замерли на мгновение и тут же, вскакивая, закричали. На шум из шалашей прибежали остальные.

— Донг, быстро беги в деревню и не оглядывайся. Я задержу их.

Взгляд Донга неожиданно упал на запястье левой руки Дэй. Он увидел черную точку под лотосом.

Слезы брызнули из глаз — сначала погиб отец, а теперь умрет Дэй. Но почему? Почему такой сильный, ловкий и умный Дэй должен умереть?! Зачем он нарисовал эту точку?!

Дэй, казалось, всё прочел по лицу мальчика.

— Ты потом всё поймешь. А сейчас беги, Донг, и не забудь, о чем я тебе говорил. — Дэй подтолкнул мальчика в спину.

И Донг побежал. Он не увидел, как Дэй уложил подошедших к нему слишком близко двоих бродяг. Донг не услышал вопли еще двух, брошенных в костер. И он не почувствовал боль Дэй, когда две стрелы пронзили его тело.

Но Дэй бился — и еще двое бродяг не встали с земли. Он бился, пока не понял, что силы покидают его. Тогда он взобрался на бамбук и стал перелетать, словно большая сказочная птица, с одного дерева на другое, уходя от стрел.

Это зрелище настолько поразило бродяг, что они, не сговариваясь, закричали: «Демон! Демон!» И сколько ни пытался главарь заставить догнать Дэй, никто не сдвинулся с места.

Дэй, увидев, что его никто не преследует, решил спуститься вниз и найти Донга. Он, забыв о золотом правиле воина — не расслабляться, особенно на последнем моменте битвы, — прыгнул на небольшую поляну. Это была ловушка для зверей — вырытая глубокая яма, внизу которой стояли заостренные бамбуковые палки.

Дэй, не успев осознать свою ошибку, полетел вниз...

Бамбуковые палки пронзили его сильное мускулистое тело. Оно обмякло и повисло.

Голова запрокинулась.

Последний осмысленный взгляд прошел сквозь верхушки бамбука — синее небо, похожее на синее море... Его Аи и Роу, его девочки...

На левой руке черная точка под лотосом стала умышаться, а над лотосом — увеличиваться.

И Дэй медленно двинулся по просветленному пути, уходя всё дальше и дальше.

Только листья бамбука, шурша и покачиваясь, опускались, провожая Дэй — великого воина.

* * *

Донг бежал не оборачиваясь, стараясь не свернуть с тропинки. Но вскоре он устал и, тяжело дыша, упал в заросли папоротника. Донг потерял счет времени. Ему показалось, что он много дней петляет по этой злобещей бамбуковой роще и никак не может покинуть ее.

Вдруг чья-то сильная рука подняла его и поставила на тропинку. «Беги, Донг, беги. Ты всё преодолеешь и всё сможешь», — зазвучало в голове Донга. И он, повинувшись неведомому голосу, снова побежал.

Роща осталась позади. Донг поднялся на холм, с которого была видна раскинувшаяся, как на ладони, деревня. Рядом проходила дорога, где двигавшиеся люди казались ему муравьями.

Донг стал спускаться к деревне, стараясь не думать о Дэй и не плакать.

Деревня в преддверии праздника принарядилась. Она встретила Донга радостным

возбуждением, приятной суетой и запахом еды. Мальчик понял, что сильно проголодался. А сумку, где еще оставалось немного еды, Донг потерял в бамбуковой роще.

Донг жадно смотрел на прилавки со всевозможными вкусностями. И даже подумал: а не стащить ли чего-нибудь, когда продавец отвернется. Но вовремя остановился. Он пришел сюда, чтобы принять участие в испытаниях, победить и попасть в монастырь «Черный лотос», а его могут поймать как воришку, да и на сытый желудок биться труднее.

Донг стал расспрашивать, где монахи отбирают мальчиков в свой монастырь. Ему сказали, при этом спросив, сколько ему лет. Донг был маленького роста, но он так повзрослел за эти несколько дней, что ему можно было дать и десять, и двенадцать.

Донг, как учил его Дэй, немного опустил плечи, чтобы казаться еще меньше, и сделал «глуповатое», детское лицо, потому что мальчиков его возраста монахи не брали к себе — только 4–6-летних, а Донгу еще зимой исполнилось восемь.

Донг поднялся на небольшую возвышенность в форме круга и обратился к пожилому монаху с просьбой поучаствовать в отборе. Монах внимательно осмотрел его, заглянул в глаза и, видимо, не найдя повода для отказа, кивнул в знак согласия и определил во второй ряд, стоящих друг перед другом уже отобранных мальчиков. Донг не стал смотреть на своего противника и тем более строить ему рожи и показывать язык, как это делали другие. Он сосредоточился и продышался — так начинал каждое утро Дэй.

Второй монах, молодой, улыбчивый, но тоже немногословный, попросил выйти на середину круга слудующую пару. По правилам нужно было повалить соперника на землю и удерживать, пока молодой монах не скажет, что поединок закончен.

Донг внимательно наблюдал за борьбой. Учитывал ошибки и удачные приемы, хотя какие могут быть особые приемы у детей, но всё же это помогло ему сосредоточиться и больше ни о чем не думать.

И вот дошла очередь до Донга и мальчика, стоящего напротив. Его соперник был тихим, на его печальном лице были видны следы слез — видимо, он совсем не хотел попасть в монастырь и стать монахом, а хотел жить со своей семьей. Донгу даже стало жаль его. Отец мальчика находился рядом и всё время пытался подбодрить сына, но это мало помогало. Донг без особых усилий уложил его на землю, потянув на себя и подставив подножку. Мальчик упал, заплакал, а монах присудил победу Донгу.

Во втором круге отбора Донгу предстояло сразиться с рослым мальчишкой, с длинными руками, которыми он размахивал направо и налево, яростно наступая. Донг сначала пятился назад и даже один раз запнулся, но устоял. Потом, низко наклонив голову, ловко поднырнул под правую руку соперника, развернулся и повалил его на землю. Они стали барахтаться, не уступая друг другу. То Донг удерживал соперника, то соперник скидывал Донга с себя и удерживал его. Но удача и в этот раз не отвернулась от Донга — монах присудил победу ему.

Предстоял последний поединок — теперь остались только сильные соперники. Двенадцать мальчиков. И шестеро из них уйдут в монастырь, чтобы стать монахами и больше никогда не вернуться к своим родным.

Донг устал и очень хотел поесть и отдохнуть, но расслабляться было нельзя.

Начался третий круг поединков, занимавших гораздо больше времени, — здесь никто не хотел уступить и проиграть.

Настала очередь Донга снова выяснять, кто сильнее. Ему достался на вид медлительный мальчишка, но он брал взрывными, настолько быстрыми атаками, что соперники не успевали опомниться, как оказывались на земле. Вот и в этот раз мальчик, показавшийся

Донгу смутно знакомым, стоял, преминаясь с ноги на ногу, как бы приглашая Донга начать поединок первым. Донг осторожничал: у него не было такой быстрой реакции, как у соперника. Он не хотел глупо подставиться с первых минут и проиграть.

Так они кружили, делая короткие выпады и тут же отскакивая друг от друга на безопасное расстояние. Вскоре Донг почувствовал усталость, сказались большое напряжение, потери и тревоги прошедшего утра, — надо было на что-то решиться, пока есть силы.

И Донг решился. Дэй научил его нескольким приемам, правда, не нападения, а защиты. Но это не меняло дела.

Донг быстро отступил немного назад, потом, резко оттолкнувшись, прыгнул всем телом вперед на удивленного соперника. Оба упали и стали кататься по земле, пока Донг, собрав остатки сил, не оседлал соперника. Он удерживал его, но монах почему-то медлил останавливать поединок. Мальчишка в конце концов скинул с себя Донга и теперь восседал на нем. Донг понимал, что он больше не в состоянии бороться и сейчас проиграет. Неужели всё закончилось? Но он же обещал Дэю! Он должен стать воином. Он же должен найти своих родных!

Донг увидел, как к ним направляется молодой монах, чтобы засчитать победу, потом перевел взгляд на своего соперника, узнал мальчишку и даже вспомнил имя. Он видел его на дороге с отцом.

— Киу, я не могу проиграть. Поверь, мне очень нужно попасть в монастырь. От этого зависит жизнь многих людей. — Это всё, что мог сказать Донг.

Тем временем монах остановился перед ними и...

Киу вдруг резко упал на землю и распластался рядом с Донгом. Они так и лежали рядом, не двигаясь, — у Донга не было сил, а Киу просто поверил своему сопернику и пожалел его.

Кому присуждать победу?

Молодой монах посмотрел на старшего, явно не зная, как разрешить ситуацию. Тот, внимательно наблюдавший за всеми поединками, сделал знак рукой, и оба мальчика попали в монастырь.

Глава 6

У сладкой дыни горькая ботва, целиком прекрасного не бывает

Дорогу к самому монастырю Донг помнил смутно — так сильно он устал. Они — два монаха и семь мальчиков — шли сначала по широкой дороге, потом по узким тропинкам, иногда поднимавшимся почти вертикально вверх. И тогда Киу, идущий всё время рядом, помогал ослабевшему Донгу. Наконец тропинка уткнулась в высокие скалы. Там, между ними, находился узкий проход, невидимый постороннему глазу.

Молодой монах уверенно провел мальчиков сквозь скалы. И когда они вышли, перед ними открылась невероятная картина: простирались величественные горы, поросшие лесом и кустарником. Некоторые вершины скрылись в тумане. И лишь птицы парили высоко и гордо.

У Донга дух захватило от такого зрелища. Да и другие мальчики только успевали вертеть головой.

Впереди на большом утесе виднелись монастырские пещеры. К ним вела лестница с каменными ступенями. Но сначала предстояло пройти по веревочному мосту, который был перекинут через горную речку и шатался от любого прикосновения.

Молодой монах привычно ступил на потрепанные, стершиеся от многочисленных хождений и непогоды веревки, показывая пример остальным. Он легко прошел, если не сказать пробежал, через мост.

Тут же самый смелый из мальчиков последовал за монахом, стараясь не терять равновесия и не расшатывать мост. Он благополучно перешел на другой берег реки, и это подстегнуло остальных.

Донг шел в числе последних. Он старался не смотреть вниз — на бурлящую реку, и все же не удержался. Голова у него закружилась, но он устоял, схватившись за веревки, и перешел на другой берег.

Теперь им предстояло подняться по каменным, выщербленным временем ступеням. Лестница вела их всё выше и выше. Она становилась всё круче и круче, пока не уперлась в скалу. До пещер наверху оставалось чуть больше одного жэня. До них можно было добраться только по веревочной лестнице, которую сбросил, очевидно, наблюдавший за ними другой монах.

Донг с трудом преодолел очередное препятствие — в конце ему подал руку монах, который и сбросил им лестницу.

В скале было девять соединенных между собой пещер. Возле них висели надстройки, держащиеся на деревянных сваях. Одна, самая большая надстройка, держалась на камнях. Надстройки имели желтые крыши из бамбука, с загнутыми краями и украшенные драконами.

Все с любопытством рассматривали храмовый комплекс, но было видно, что мальчишки устали.

Молодой монах привел их в одну из комнат-пещер без надстройки, где мальчикам представили будущих учителей — молодого улыбчивого монаха, одного из тех, что вел состязания, его звали Ю, и другого, возраст которого Донг не разобрал, но почувствовал

исходящую от него силу и... опасность.

Он не мог себе объяснить, откуда и почему возникло чувство опасности. Монах, обритый наголо, как и все в монастыре, был в коричневом просторном халате-кимоно с широким воротником и рукавами, на ногах — коричневые, плотно облегающие тапочки.

Его звали Шифу. Лицо монаха ничего не выражало. Он коротко объяснил мальчикам, зачем они здесь и какой путь им предстоит пройти, распорядок дня, который не менялся больше тысячи лет, и какие наказания ждут воспитанников в случае непослушания.

После заката солнца, примерно к семи часам вечера, мальчиков повели в столовую — просторную комнату с циновками на полу. Во время трапезы здесь собирались все обитатели монастыря.

Еда была простой — рисовые лепешки, овощи и фрукты. Все сидели на циновках, скрестив ноги.

Донг так проголодался, что тут же набросился на еду, проглатывая ее целыми кусками, но, почувствовав взгляд Шифу, стал есть аккуратно.

Он оглядел сидящих рядом монахов и понял, что так едят все, что есть нужно именно так: мало, медленно, тщательно прожевывая пищу. Это был первый урок, который Донг получил в монастыре.

После ужина у монахов были свободные часы. Донг и Киу с разрешения Ю решили осмотреть весь монастырь. Ничего нового они не обнаружили — везде похожие комнаты и площадки для занятий: три спальни, столовая, библиотека, храм для поклонения и молитв, две комнаты для лекций по медицине и религии, о жизненном пути и пути просветления, комната старейшин монастыря. Монахи не сидели без дела — у каждого были или тренировки, или занятия, или работа по хозяйству.

— И это таинственный монастырь «Черный лотос»? — разочарованно произнес Донг, глядя на своего друга Киу.

— Может, мы чего-то не знаем или не заметили, — предположил Киу. — Подожди, всему своё время.

— Мне кажется, в одной из комнат есть потайная дверь, и не одна, — шепотом сказал Донг.

— А мне кажется, что с другой стороны скалы тоже есть помещения, — тоже прошептал Киу.

Донг преисполнился тайной, которую они обязательно разгадают.

— А как тебе наши наставники? — решил выяснить и другой, мучавший его вопрос Донг.

— Хм, наставники как наставники. Шифу, по-моему, строгий. Но так и должно быть. А иначе попробуй заставь нас что-нибудь делать, — рассудил Киу. — А Ю добрый.

Вскоре мальчиков позвали в комнату для сна. Здесь тоже всё было аскетично: только циновки на полу, разложенные рядами.

Донг так устал, что лег и тут же провалился в сон. Ему снилось море, отец, родная деревня. И Дэй. Донг не знал, что случилось с Дзем, но раз тот не появился в деревне значит он уже отправился в Царство мертвых.

На следующий день всех мальчиков подстригли наголо и всем выдали монастырскую одежду: белые короткие штаны и рубаху, а еще халат-кимоно серого цвета.

Учитель Шифу заметил висящий на шее Донга талисман — древнюю монету в форме мотыги. Он буквально вспыхнул, но быстро взял себя в руки. Однако Донг успел заметить

его интерес и тоже не подал вида, что заметил.

Каждое утро в монастыре начиналось с подъема в пять часов. Потом — двухчасовая медитация. Монахи-наставники следили, чтобы никто не засыпал. Провинившегося наказывали двумя ударами шестом по спине. При этом «соня» должен был поблагодарить за учебу. Если он этого не делал, то получал еще два удара.

После начинались занятия на растяжку и гибкость тела. Следом лекции об основных религиях Китая. Затем снова физические упражнения — теперь на развитие мышц. Потом тренировки по боевым искусствам. В два часа дня все обедали. И снова учеба в разных комнатах и на воздухе, а также монастырская работа.

Ужинали в семь часов вечера. И вот тогда можно было расслабиться и делать что захочется, но почти все монахи продолжали до поздней ночи совершенствовать свои умения и навыки.

Донгу было трудно, очень трудно, его не раз били шестом и отправляли делать хозяйственную работу. Не все монахи становились воинами, часть из них, кто не смог преодолеть себя и премудрости военного дела, шли по пути монахов-молитвенников, а не воинов. Но Донг обещал Дэю, и он должен всё выдержать и пройти все испытания, чтобы достичь своих целей.

* * *

Так прошло пять лет.

Донг и Киу стали выше ростом, возмужали. Донг полюбил ходить в библиотеку и читать книги по медицине и религии, а Киу всё больше изучал и совершенствовал боевые искусства. Конечно, никакой потайной двери они не нашли, хотя обстучали все стены и даже потолки. И правильно было бы предложить, такая дверь есть в комнате старейшин. Но пробраться туда незамеченными и потом выйти не так-то легко. К тому же Киу предлагал по-другому разгадать тайну — обойти скалу сверху. Однако в случае неудачи они свалились бы в пропасть, а вернее упали бы в лес, растущий у подножия горы, что, в общем-то, одно и то же. Донг не мог так рисковать.

— Ты просто боишься! — подначивал Киу друга. — Ты должен преодолеть свой страх. Ты только не смотри вниз...

— Да, боюсь. Боюсь, что из-за этой рискованной затеи я не смогу пройти свой путь и исполнить предначертанное мне.

— Ох, поначитался ты книжек! — с досадой сказал Киу. — Тогда я сам пойду.

— Киу, можно сорваться в любой момент, даже от порыва ветра, или крика птицы, или от неправильно сделанного шага.

— Спасибо, что предупредил, — съехидничал Киу.

За разговором они не сразу заметили, как за их спиной появился монах — это был Шифу. Прошлым летом он ушел в касту старейшин и теперь не был их непосредственным учителем, но по статусу внимательно следил за всеми и всем происходящим в монастыре.

— Вы хотите знать, что находится с другой стороны скалы? — спросил Шифу, глядя на воспитанников.

Донг и Киу почтительно молчали, склонив головы. Они так глупо попались — в пылу спора не заметили, как стали разговаривать громко.

— Да! — осмелился сказать Киу, не могли же они просто промолчать.

— В свое время вы всё узнаете, если, конечно, будете прилежными учениками. А сейчас будете наказаны за несмирение, нетерпение и... — Шифу помолчал, оглядывая мальчиков, и добавил: — За неумение быть осторожными. Донг — десять ударов, Киу — пятнадцать.

— Но... — запротестовал Киу.

— Еще два удара, Киу.

Это было тяжелое наказание. Так их еще не наказывали.

Донг и Киу лежали на животах и постанывали. Лечь на спины они не могли — было очень больно.

— Я всё равно проберусь туда! — твердо сказал Киу.

— Тебе же сказали, и так всё узнаешь. Наверняка монахи-воины делятся еще на две касты. И те, кто попадают в высшую касту, проходят обучение отдельно от остальных.

— Почему отдельно? — спросил Киу.

— Потому что наверняка это тайные знания. Не для всех. Понимаешь?

— А что за знания? Другие интересные приемы?

— И не только. Думаешь, зачем я часто хожу в библиотеку? Кстати, и тебе бы не помешало. Там такие... — Донг огляделся и продолжил: — Короче, все эти легенды про монахов, скорее всего, и не сказки. Ты заметил, что лучшие бойцы через некоторое время исчезают из монастыря?

— Ну да. Их отправляют защищать нашу империю, — ответил Киу.

— Да, но не всех. Кто-то продолжает обучение.

— Зачем?

— Ох, Киу! Затем, что есть тайные знания.

— Тайные-тайные!.. И что?

— А то! Нам надо стать хорошими, нет, лучшими монахами-воинами, тогда мы попадем туда, за эту скалу, и всё узнаем.

— Так бы и сказал. — Киу хотел повернуться, но вскрикнул от боли и снова лег на живот.

Донг, конечно, знал больше. Что-то прочитал, что-то успел рассказать ему Дэй, до чего-то додумался сам. Но он не мог всё выложить прямолинейному, быстрому на дело Киу — это не его, Донга, тайны. Киу лучше потом всё узнает. И про Дэя он тоже ничего пока не рассказывал. А Киу и не спрашивал ни о чем. Он даже, наверное, и забыл, почему Донг умолял его проиграть поединок и почему от этого зависели чьи-то жизни.

Глава 7

То, что было спрятано в кроне золотого дерева, то, чего не знал Донг

Суин и Шучун

Суин, постаревшая и сторбившаяся, любила мыть посуду. Ее никто не трогал в это время, и она могла предаваться воспоминаниям. Сегодня вечером у ее господина Энлэя было много гостей. Зарезали двух барашков. Ели, пили, состязались в умении стрелять из лука. Суин ничего этого, разумеется, не видела. Она помогала в приготовлении еды, а сейчас моет посуду, вспоминая свое житье с мужем Бо в Маленькой деревне. И только река слушает ее, и то не очень внимательно:

'Да, Бо... как ты защищал нас, как хотел спасти. Не смог. Прости меня, Бо. Я тоже не уберегла нашего младшего сына Фенга.

На рынке рабов, куда нас привели бандиты, было так шумно и... страшно. Слышались щелканье бичей, резкие голоса продающих живой товар и крики, крики тех, кого навсегда разлучали с родными. Я так боялась за детей. Шучун всё время плакала и просилась домой — в Маленькую деревню. Фенг держался, но было видно, что и ему не по себе. Возле нас останавливались покупатели — сразу видно, богатые люди. И всякий раз у меня замирало сердце — вот сейчас кому-то из этих богатых людей понравится Фенг или Шучун, и их отберут у меня. Но, видимо, плач Шучун раздражал и отпугивал покупателей. Никто надолго не останавливался перед нами.

Солнце уже стояло высоко. Хотелось есть и пить, но нам не давали. Тогда я набралась смелости и попросила воды, чтобы дочка не плакала, а покупатели не уходили, ведь не все переносят детский плач. И мне сунули глиняную чашку с водой. Я всё отдала детям. Шучун, напившись, успокоилась и задремала у меня на плече. Фенг по-прежнему стоял рядом. Я видела, что ему очень хочется сесть, но он стоял. Так прошел день.

Вечером тоже покупали рабов, но меньше — при плохом освещении трудно разглядеть, насколько здоров раб. На ночь нас отвели в старую грязную хибару, чтобы утром снова выставить на рынке. Я почти не спала. Дети лежали возле меня. Я думала, что, может быть, будет лучше, если Фенг убежит. Но нас охраняли, да и слишком маленьким был наш шестилетний сын Фенг.

Рано утром мы снова очутились на рынке, только на этот раз стояли в другом месте. Шучун опять плакала — нас так и не покормили. И вот появился он — тот господин, что купил Фенга. По гладкой речи я поняла, что он не купец, а скорее чиновник. И глаза у него были незлые. Тогда я подумала, что, может быть, всё обойдется и наш сын попадет в добрую семью.

Фенг, как ни держался, все-таки заплакал, когда мы прощались. И всё смотрел на меня, как будто я могла его защитить. А я, Бо, не могла. Ах, если бы я могла...

Так увели нашего сына. И я молила Небо, чтобы меня не разлучили с Шучун. И, видимо Небо услышало меня. Ближе к вечеру нас с дочкой присмотрел богатый землевладелец — это господин Энлэй. Он искал женскую прислугу. Не молодую, но и не старую, к тому же Шучун отдали ему почти бесплатно. И когда девочка подрастет, тоже будет прислугой. А

продавцам лучше быстрее продать: раб может заболеть, да и кормить его надо, а это дополнительные расходы'.

— Суин, чего ты так медленно моешь? Звезды уже скоро покинут небо, — проворчала, подойдя к Суин, старшая служанка Мей.

Она редко наказывала Суин — та делала много работы, не роптала и даже помогала тем, кто не успевал.

Суин ничего не ответила, но стала работать быстрее.

— Как закончишь, подмети еще в большом шатре.

— Слушаюсь, Мей.

Когда Мей ушла, Суин посмотрела в сторону кустов, где спала, закутавшись в рваный плед, дочь.

Шучун недавно исполнилось восемь лет. И мать, как могла, оберегала дочь. Всюду брала ее с собой как помощницу. Специально мазала красивой Шучун лицо, одевала в тряпье, делая из нее замарашку. Вот и сейчас подумала: оставить Шучун здесь, у реки, или разбудить и взять с собой подметать шатер? Решила оставить — кто пойдет к реке ночью. А она быстро управится. И может быть, удастся принести что-нибудь вкусенькое дочери — там, бывает, остается столько еды. Да и не только еды. Однажды Суин нашла медную монету. Сначала хотела отдать, но потом решила, что пригодится для ее девочки. И таких монет Суин скопила уже четыре.

Ах, четыре — несчастливое число, число смерти.

Суин подхватила часть посуды, остальное соберет, когда придет за дочерью, и направилась к главному шатру. Завтра гости, оставшиеся на ночлег, придут сюда завтракать. Нужно всё хорошо подмести и прибрать.

Суин работала, как всегда, быстро, сноровисто. За что ее и ценили. Вот и дело сделано. Можно идти на берег.

Она пошла быстрыми шагами. Еще на подходе к реке услышала пьяную мужскую ругань и еле слышные всхлипы дочери. Суин побежала, и то, что она увидела, привело ее сначала в ступор, а потом в бешенство: молодой мужчина, вероятно, гость хозяина, раздевал ее Шучун, ее девочку.

Суин бросилась на незнакомца, как дикая кошка, что обитает в здешних горах. Она одним рывком стащила его с Шучун, приказав дочери бежать. Но всё же силы были неравны. Гость хозяина быстро опомнился и, вытащив нож, бросился на Суин.

Что она могла сделать — только задержать насильника, чтобы дочь смогла добежать до стоянки.

Суин схватила первый попавшийся под руку камень и бросила его во врага. Нападавший отклонил голову, и камень пролетел мимо. Тогда Суин, выставив вперед руки, прыгнула и, обхватив шею противника, накрепко сжала руки. Нападавший пытался стащить с себя Суин, но у него ничего не получалось. Женщина, как привязанная, болталась из стороны в сторону, но рук не разжимала. Тогда разозленный противник несколько раз ударил Суин ножом. Ее тело обмякло, пальцы рук чуть расслабились и снова сжались, теперь уже навсегда.

— Ох, Фенг, какой ты стал сильный и ловкий! — Сию, не первый раз радовался успехам Фенга.

Он не ошибся тогда, пять лет назад, когда купил мальчика на рынке рабов. Мальчишка оказался способным и прилежным — быстро всё схватывал и, главное, хотел учиться.

И жена повеселела — ведь у них не было детей.

«Может быть, взять еще одного мальчика. Надо посоветоваться с Чунтао. Но наверняка она захочет девочку», — подумал Сию, а вслух сказал:

— Ну всё, Фенг, хватит. Ты победил. Сдаюсь.

— Спасибо за науку, Сию-гэ, — произнес Фенг, кланяясь.

Вот уже пятую весну Фенг живет в городе Пекине в семье Сию-гэ. И ему всё нравится. Его никто не обижает и не заставляет работать, наоборот, учат чтению и письму, а еще боевому искусству — мужчина должен уметь постоять за себя и защитить свою семью.

Живут они в достатке: Сию-гэ — большой чиновник при дворе пятого императора Цзяцина династии Цин. У них в доме часто бывают важные гости. Да и сам дом огромный огороженный высокой стеной.

Во дворе есть сад, где любит отдыхать госпожа Чунтао. Золотые рыбки резвятся в пруду, в нем же цветут священные лотосы. А еще в саду растут розы, любимые цветы госпожи, ирисы и пионы, а также деревья счастья — персик и слива.

Когда Фенг смотрит на рыбок, он всегда вспоминает свой дом в Маленькой деревне и море, огромное и сильное. Фенг знает, что, когда вырастет, обязательно найдет своих родных. Он уже просил об этом доброго Сию-гэ, но тот ответил, что найти его родных трудно, но придет время, и они обязательно попробуют это сделать. Только бы побыстрее вырасти, а уж он, Фенг, постарается стать сильным и умным.

Аи и Роу

Аи и сама толком не понимала, как она выжила с дочкой в этом ужасном шторме, когда огромные волны обрушивались на их суденышко и швыряли его, стараясь разбить и утопить. Дэй, ее любимый муж, был подхвачен одной из таких волн — видимо, так было угодно Небу. Она не видела, как его смыло в море. Аи крепко держала Роу, стараясь успокоить ее, и молилась. А что еще она могла сделать.

Им повезло — их разбитую джонку с оборванным парусом прибило к одной из рыбацких деревень. Они выжили, а Дэй погиб.

Всё потеряло смысл для Аи, лишь дочка заставляла ее двигаться и что-то делать.

У Аи еще оставались деньги, поэтому она смогла добраться до родителей, от которых сбежала пять лет назад.

Родители, конечно, приняли беглянку, а уж внучку, малышку Роу, полюбили сразу.

Несмотря на позор — послушание и бегство дочери, — отец всё же надеялся выдать Аи замуж. Она всячески сопротивлялась этому, желая посвятить свою жизнь дочери. Но родители думали о будущем — кто будет ее содержать. И в один тяжелый для Аи день ее сосватали за богатого купца Шана, старше ее на пятнадцать лет, расчетливого, жадного и хвастливого, — она стала второй женой.

Теперь улыбка редко появлялась на лице Аи — он не жила, а терпела. Терпела ради дочки Роу, ее благополучия.

Дэй

Ах, как легко, как хорошо было бессмертной душе — хунь лететь туда, к зовущему ласковому свету, в обитель духов. Но, видимо, душа Дэя заблудилась среди многочисленных колышущихся теней — никто не зажег огня, чтобы хунь видела, куда ей двигаться. Да и, видимо, не все дела завершил на земле монах-воин Дэй, чтобы забыться долгим сном.

— Смотри, дада, в нашу ловушку кто-то попал! — радостно сообщил мальчик-подросток своему дядюшке Реншу. — Иди быстрее сюда!

— Осторожнее, Жу, сам туда не упади, — предостерег дядюшка племянника. — «Вот ведь шустрый непослушный мальчишка. Ну да куда его девать после смерти родителей. Три года назад нехорошая болезнь забрала многих из деревни».

— Дада, там!.. Там человек!.. — встревоженно закричал Жу, заглянув в яму-ловушку.

— Чего ты несешь, глупый мальчишка! Какой человек? — не поверил дядюшка Реншу, но зашагал быстрее.

И действительно, в яме лежал человек — по виду старик. Его седые волосы колыхались от дуновения ветра, глаза были закрыты, а тело, пронзенное двумя заостренными палками бамбука, неподвижно.

Дядюшка Реншу ходил вокруг ямы и цокал языком. Скорее всего, этот человек мертв. И надо бы его похоронить. Но кто это? Как он тут оказался? Наконец он решил поднять мертвеца.

— Давай, Жу, я залезу в яму, осмотрю его, обвяжу, а ты осторожно потянешь. Я буду тебе помогать.

Дядюшка Реншу спустился в яму и первым делом решил проверить, жив ли тот человек, хотя по всему было видно, что нет.

Он потрогал руку старика — вроде теплая. Но, может, не успела остыть? Приложил ухо к груди — нет, не бьется сердце. Стал осторожно снимать тело с палок. И тут старик застонал.

— Ах ты! Жу, он живой! Давай тяни. Медленно! — командовал дядюшка Реншу, а сам думал, куда нести незнакомца, как его лечить и сколько это будет стоить, хватит ли у него денег, да и надо ли, если он всё равно скоро уйдет в обитель духов. Может, обратиться к бабке-знахарке Сонг из соседней деревни.

— Беги в деревню к соседу Фа, попроси большую тележку. Мы на ней повезем его.

Когда Жу убежал, Реншу стал размышлять, откуда мог появиться этот старик. Вчера закончился праздник Священной Хэншань. Может быть, старик шел на праздник? Но почему не по главной дороге? Через бамбуковую рощу мало кто ходит — можно встретиться с «веселыми людьми», и тогда не поздоровится. Наверное, он хотел сократить путь, и вот...

Так Дэй очутился в доме дядюшки Реншу, где тот жил с многочисленными родственниками: двумя сыновьями с женами и детьми, с дочерью и племянником. У Реншу не было жены, ее тоже забрала болезнь.

Сыновья Реншу шикали на отца — зачем в доме еще один рот, и так живет племянник, самим бы прокормиться. Но Реншу рассудил по-другому: Небо всегда что-то отбирает и что-то дает людям, испытывая их. Как же он бросит старика, если это его испытание? А до этого Небо забрало его жену. Значит, старик, возможно, дан Небом взамен.

Незнакомец долго болел, плохо двигался, ходил всегда с посохом, на расспросы отвечал односложно и, очевидно, не понимал, что произошло и где он. Казалось, старик тихо проживал свои последние дни.

Реншу привык к старику, дал ему имя — Упавший В Яму, часто разговаривал с ним, даже не зная, слышит тот его или нет.

Была и еще одна странность — Упавший В Яму любил повторять какие-то странные упражнения. Он, иногда пошатываясь, с трудом, но вертел руками и ногами в разные стороны. И часто по утрам и вечерам сидел что-то бормоча и смотрел в одну точку молча или с закрытыми глазами.

А через три года после появления старика случилась в доме Реншу беда — богатый сосед давно присматривался к его землям. Просил продать часть. Но у Реншу и так немного земли. Зачем он будет продавать? Вот скоро и еще ожин внучок родится.

Тогда сосед подговорил двух бродяг «образумить» Реншу, и конечно, заплатил им аванс. Те выждали момент, когда Реншу останется в доме один — маленьких детей и женщин они в расчет не брали, а уж Упавшего В Яму и подавно, — и спокойно вошли в дом.

Один встал у двери, а другой, постарше, с очень узкими глазами и глухим голосом, схватил Реншу за горло.

— Тебя же просили по-хорошему, упрямец, продать землю. И теперь ты отдашь ее бесплатно, если не хочешь остаться калекой...

Побледневший, сразу растерявшийся Реншу и слова не успел сказать, как услышал голос Упавшего В Яму.

— Отпусти хозяина и убирайтесь!

Бандит с глухим голосом удивленно повернулся в сторону сидевшего на циновке старика с длинными седыми волосами. Потом небрежно кивнул товарищу, стоящему у двери, — мол, разберись.

Но не успел тот двинуться в сторону обнаглевшего старика, как в него полетела палочка для еды — куайцзы. Бандит ничего не понял, только закричал, закрывая глаз.

Видя такое дело, бандит, державший Реншу, оттолкнул его и кинулся на Упавшего В Яму. Однако он не сделал и шага, как вторая палочка для еды полетела в него. Но в последний момент бандит успел отклониться, и палочка пролетела мимо. Тогда Упавший В Яму встал на ноги и стал расчетливо наносить удары посохом. При этом было видно, что каждое движение дается ему не без усилий. Однако и этого хватило, чтобы остановить вымогателей.

Такого отпора бандиты явно не ожидали. Сначала, не помня себя от злости, они хотели побить старика, но очень быстро он поняли, что нужно делать ноги. В конце концов бандиты бежали: один — прихрамывая и держась за разбитую голову, второй — закрывая глаз.

И вот тогда Реншу понял, зачем Небо послало ему незнакомца.

Глава 8

Большая кисть делает большие иероглифы, большой человек делает большие дела

Много раз луна поднималась на небе. Много раз весна появлялась в горах.

Дни в монастыре были похожи один на другой, как братья-близнецы. Так прошло еще пять лет.

Донг и Киу стали одними из лучших воинов. Они сдали все экзамены и готовы были к выполнению любых поручений для защиты Поднебесной и ее императора Цзяцина.

Времена выдались не из лучших, впрочем, когда они были легкими.

Как-то в один из осенних дней, когда днем солнце еще щедро раздает тепло, но по утрам туман всё чаще окутывает горы, Донг и Киу вызвал к себе Шифу.

Он сидел на низком стульчике за потертым коричневым столом, где лежали бумаги и карта, как успел заметить Донг. Возле расположились еще двое старейшин монастыря «Черный лотос».

Шифу начал издали, время от времени посматривая то на старейшин, которые иногда кивали в знак согласия, то на молодых монахов-воинов, которые стояли и почтительно слушали его.

— Вы прошли долгий и трудный путь обучения. Не все выдерживают его. И вот пришла пора доказать, что все ваши усилия были не напрасны. Наш многоуважаемый, многочтимый император Поднебесной Цзяцин призывает нас послужить великому делу — защите нашего государства. Вам оказана большая честь, монахи «Черного лотоса». И надеюсь, что вы успешно справитесь со всеми трудностями, которые появятся у вас на пути, и выполните всё, что вам предначертано. — После этих слов Шифу сделал паузу и торжественно оглядел новобранцев. — Итак, вам предстоит борьба на Южно-Китайском море с вокоу — японскими пиратами. — Донг и Киу незаметно переглянулись. — Вы пойдете туда небольшими группами — по двое-трое. Там встретитесь и будете действовать в зависимости от обстоятельств. Старшим назначается Донг. Он за всё отвечает.

— А сколько нас будет всего? И должны ли мы действовать сообща? — нетерпеливо воскликнул Донг.

Шифу укоризненно посмотрел на него, но ничего не сказал, а встал и, расхаживая по келье, продолжил:

— Большая часть наших монахов вольются в армию императора и будут сражаться во флоте Его Величества. Ваша группа будет действовать самостоятельно. Сколько взять себе помощников, решайте сами. Вы должны защищать и обучать население деревень и поселков, где чаще всего появляются вокоу. В любом случае мы надеемся, что вы достойно поведете себя и задание будет выполнено.

Шифу повернулся к стоящим монахам спиной — это означало конец разговора. Донг и Киу, возбужденные предстоящим военным походом, буквально выбежали из кельи.

— Что ты знаешь о вокоу? — тут же спросил Киу друга.

— Всё, что надо, — небрежно ответил Донг, думая о своем.

И Киу немного обиделся, но вида не подал, а Донг, любящий читать книги, читал и про

японских пиратов и кое-что действительно знал о них.

— Вокоу — сборище бродяг, в основном обедневшие японские рыбаки. Но в их отрядах есть и корейцы, и вьетнамцы, и китайцы — в общем, все «веселые люди», — пояснил он. — Однако не стоит их недооценивать.

— Ты уже что-то придумал? — спросил Киу.

— Не знаю. В дороге обязательно придумаю. А вот брать ли нам еще кого-то в отряд? Или сами справимся? — в свою очередь спросил Донг.

— Ты — командир, тебе виднее, — отозвался Киу. Он-то был выше на голову и сильнее Донга, а командиром назначили не его.

— Киу, давай договоримся: я — за тебя, ты — за меня. Если со мной что-нибудь случится, ты будешь командовать, но напрасно не геройствуй, иногда лучше отступить, а потом победить. Думаю, мы возьмем в свою команду еще троих — Хэя, Хи и Хенга.

— Согласен. Легко запомнить! — засмеялся Киу.

Трех Ха, как прозвали троицу друзья, отправили пораньше, а сами шли вдвоем. Им предстояло преодолеть почти триста ли. Но разве это расстояние для молодых, полных сил юношей.

Вышли рано утром, завтракали уже в пути, в обед отдыхали по часа два и снова шли до ночи. Спали где придется. Старались не привлекать внимания. Одеты были в простую крестьянскую одежду — штаны и рубахи. На голове бамбуковые треугольные шляпы, на плечах сумки, в руках посохи. Хотя кто-то бы мог подумать, зачем молодым крестьянам посохи. Однако первые два дня пути прошли без происшествий.

На третий монахи обошли небольшую деревню по полям и двинулись к речушке. Они решили наловить рыбы, поужинать, а потом идти дальше. По пути им встречались только крестьяне, работавшие на рисовых полях.

Казалось, никто не обращал на них внимания. Однако друзья ошибались. Их заметили: юноши — сильные работники, дорогой товар на рынке рабов. Стоят в два раза дороже, а то и больше, чем женщины.

Трое надсмотрщиков богатого землевладельца увидели их в харчевне, сговорились поймать и отвезти на рынок. Парни вроде нездешние, никто не хватится. Надсмотрщики выследили их.

Киу, наевшись, растянулся на песке и прикрыл глаза. Донг еще пил чай, посматривая на быстро бегущую воду. Вода всегда напоминала ему о доме, о семье. Где теперь его родные? Живы ли? Хорошо, что он умеет управлять джонкой и немного знает море. Ведь предстоит битва с пиратами.

Киу заснул, а Донг, погружившись в воспоминания и размышления, не заметил надвигающуюся опасность. К ним скрытно, прячась за валунами, приближались трое мужчин.

Всё произошло так быстро, что друзья не успели опомниться. Их накрыли прочной рыбацкой сетью. И чем сильнее они сопротивлялись, тем больше запутывались в ней.

— Худые, а сильные.

— Нам должны хорошо заплатить.

— А может, продать их сразу хозяину.

— Рискованно. Отвезем на рынок. Там продадим по-быстрому скупщикам. И дело с концом.

Донг был в бешенстве, и прежде всего на себя: он — главный, как он мог так глупо попасться. Как теперь выбираться? Они потеряют время. Как он мог не услышать шаги нападавших, не почувствовать их запах? Вода приглушила звуки, ветер отнес запах в другую сторону. Киу тоже злился, но не на Донга. Он всё пытался порвать сеть, но только напрасно тратил силы.

Их, не освобождая от сети, бросили на телегу, накрыли широкой циновкой и повезли.

Донг сообразил, что повезли их на рынок рабов, а ближайший находится в одном из портов Южно-Китайского моря, там, куда им и надо было добраться. Что ж, хотя бы в этом повезло.

Донг потихоньку рассказал об этом Киу, пытаясь его взбодрить. Но их не кормили и даже не давали воды. Киу, высокий и не такой стройный, как Донг, сильно страдал и просил напоить их.

Им дали напиток только на рынке рабов.

Перекупщик, цокая языком, рассматривал товар недолго. И по деньгам сошлись быстро. Двое помощников торговца увели купленных на трехмачтовую джонку, разукрашенную облаками и драконами, и, надев им на головы кангу — колодки и завязав крепко руки, бросили в трюм.

Оттуда пахло невымытыми телами и безнадежностью.

Донг огляделся, высматривая, в какой угол им приткнуться, — почти всё было занято. Вокруг лежали, сидели, молчали, тихо переговаривались растерянные, испуганные и ни на что уже не надеявшиеся люди. Хотя среди царившей здесь безнадежности Донг почувствовал и энергию злобы.

Новеньких приняли равнодушно, лишь на миг блеснуло в глазах любопытство — кого еще спустили к ним в трюм, его сменило вялое недовольство — и так дышать нечем.

Киу опередил Донга: он быстро метнулся свободному месту у грязной стены. Они сели, стараясь не задевать друг друга.

— Ну, главный, что делать будем? — без злорадства, но всё же с подколом спросил Киу.

Донг пропустил шпильку в свою сторону и спокойно ответил:

— Выбираться.

Киу хмыкнул и уточнил «для непонятливых»:

— Как?

— Ночью, когда все уснут, попробуем освободиться от веревок...

— А канга?! — перебил Киу.

— Не ори! — начал закипать Донг. — И от канги. Ты же у нас самый сильный, — все-таки не удержался от ответной колкости Донг.

И тут же они замолчали, повернув головы на звук открывающейся крышки трюма.

На деревянный грязный пол, оступившись на лестнице, упала, ойкнув, девушка. Обычно женщин с детьми и мужчин везли в разных трюмах, но джонка в этот раз перевозила много товаров, лишнего места не было.

Девушка была одета в застиранный грязный халат. Однако это не мешало увидеть благородное происхождение пленницы. Светлая кожа, плавные движения. Прямая спина, а в глазах растерянность — как, она, и тут? Как с ней такое произошло?

Юноши сочувственно рассматривали девушку. Она им понравилась. Но и не только им.

— О, какая красotka! — раздалось из дальнего угла, такого темного, что было не разглядеть говорившего.

— Так пригласи ее к себе, Вертлявый! — подхватил кто-то, сидевший в том же углу.

Оба начали смеяться. Но их никто не поддержал. В рабы попадали не только обедневшие крестьяне и рыбаки, но и бродяги всех мастей, и разорившиеся чиновники, и купцы. Эти двое были явно из мира «веселых людей».

К девушке подошла женщина преклонного возраста в цветастом платке и повела ее к своему месту.

И снова все «замерли в своем горе» — что будет с ними дальше? Куда их привезут? Кто их купит?

К вечеру в трюм скинули воду и немного еды, если это можно было назвать едой, — засохшие лепешки. Но и за них дрались.

Донгу и Киу не досталось ничего — одной рукой в ладоши не хлопают.

Только к ночи, когда джонка, сопротивляясь волнам, отчалила от берега, к ним пробралась та женщина, что увела привлекательную девушку, и покормила остатками лепешки.

Ближе к рассвету Донг легонько толкнул кангой Киу. Тот сразу встрепенулся.

— Давай, Киу, поворачивайся, пока мы тут совсем не ослабели, — прошептал Донг.

Киу подставил руки, и Донг, прилагая немалые усилия, стал развязывать ему руки. Веревка поддавалась плохо. Но всё же упорство Донга было вознаграждено.

— Только резко не выпрямляй руки, Киу. И вообще будем делать вид, что руки у нас связаны.

Киу кивнул и стал развязывать руки Донга. У него получилось быстрее.

— А как будем ломать кангу? — спросил Киу.

— Сломаем замок и оставим его, чтобы потом было легко снять.

Так прошли утро и день.

А вечером в трюм начали спускаться два пьяненьких матроса.

Тот, что был постарше, с приплюснутым носом, увещевал пьяного и потому более смелого товарища:

— Да подожди ты, Фухуа! Если узнает капитан, нам не поздоровится!

— Не мешай, если сам не хочешь! Я заплачу.

— Да чтоб тебя покарал Бог лодок! Накличешь беду! — Старший пытался удержать собутыльника, но безуспешно.

— Смотри-ка, — причмокнул тот, кого называли Фухуа. — А ну отойди, старуха! — Он отбросил старуху в сторону и схватил ту самую девушку, которую последней кинули в трюм и которая привлекла своей внешностью внимание Донга и Киу.

Донг стал быстро прокручивать в голове всевозможные варианты развития событий. Если они сейчас нападут на матросов, то что делать потом — выйти из трюма и попытаться захватить корабль? Очень рискованная затея с неизвестным концом. А у них совсем другая цель — пираты.

Они с Киу хотели бежать, когда их высадят на землю. В море далеко не убежишь, да и как вдвоем управлять трехмачтовой джонкой. А еще здесь много «веселых людей», которые наверняка захотят командовать — и тогда и девушку не спасут, и самим придется нелегко.

Дэй говорил, что далеко не всегда надо вмешиваться в ход событий. Они сами найдут тех, кто им нужен. Но внутренний голос шептал — помоги этой девушке.

А девушка уже закричала, моля о помощи.

Киу, обремененный не рассуждениями, напорывами, вскочил первым, за ним бросился Донг, на ходу сбрасывая веревки и кангу.

Киу без усилий, одним ударом, свалил того, кто схватил девушку. Второй от неожиданности начал пятиться, потом вытащил нож и тут же получил удар ногой в голову от Донга.

Донг понимал, что всё получилось слишком шумно, под крики остальных пленников и что ничего другого не остается, как немедленно убрать часового, охраняющего трюм.

Он кошкой метнулся к крышке люка и постучал, чтобы открыли. Часовой с сальной улыбочкой и словами «Что так быстро?» приоткрыл крышку и тут же был сбит ею. Он растянулся на палубе, однако быстро опомнился и уже собрался закричать, но Донг, выпрыгнув из трюма, подскочил к нему и одним коротким ударом в шею заставил молчать. Потом пригнулся и огляделся — вроде всё было спокойно. Из трюма показалась голова Киу — он спешил на помощь.

— Киу, — прошептал Донг. — Освобождай пленников. Нам придется захватить джонку. Женщины и дети пусть, пока всё не закончится, посидят в трюме.

Киу скрылся в трюме.

Не прошло и пяти минут, как из трюма стали выходить оживленные, возбужденные свободой и предстоящей дракой пленники.

— Часть идет на нос с Киу, другие со мной к каюте капитана! — командовал Донг, ощущая себя как никогда сильным. — Не убивать. За борт не бросать. Вязать — и в трюм.

Они не встретили серьезного сопротивления — удивленные, не ожидавшие нападения моряки, те, что несли ночную вахту, сдавались почти без боя. Остальные моряки спали в каютах. Застигнутые врасплох, они безропотно подставляли руки для того, чтобы их связали. Оказавшие сопротивление лежали с ушибами и ранами. Их тоже вязали и волочили к трюму.

Донг с бывшими пленниками без особого труда расчистили дорогу к каюте капитана и проникли внутрь.

И только здесь слуга капитана смог оказать достойное сопротивление. Сухопарый, в серых гетрах, просторной рубаше и коротких штанах, он сразу встал в знакомую Донгу стойку и раскидывал всех, кто хоть на шаг приближался к нему.

Донг приказал всем выйти из каюты.

Противники внимательно наблюдали друг за другом. Потом, кружась, стали проверять защиту и боевые навыки. Донг понял, что соперник ему достался не слабый. Но он, Донг, не может проиграть. На кону его жизнь, управление джонкой, да и поставленные перед ним задачи никуда не делись.

Быть может, этот сухопарый монах — в том, что это монах-воин, Донг уже не сомневался — тоже из «Черного лотоса», только из другого монастыря.

При очередной серии ударов со стороны противника Донг увидел на запястье руки татуировку. Белый лотос. Так вот в чем дело! Но почему он нанялся слугой? Сбежал? У него своё задание?

Донг пошел в атаку — маленький рост имел своё преимущество именно в ограниченном пространстве. Каюта капитана и была небольшой. А его высокому противнику неудобно было наносить удары длинными ногами и делать прыжки. Донг воспользовался этим, применив серию приемов в стиле Тигра и закончив эффектной подсечкой. Ему совсем не хотелось покалечить, а тем более убить противника. Донгу было любопытно узнать, кто его соперник и что он здесь делает. Но сухопарый не давал передышки. Тут же вставал и кидался

на Донга.

Рассвело. Туман рассеялся. И первые лучи солнца осветили каюту капитана. Вернее то, что от нее осталось. Всё было разбито или валялось на полу.

Донг быстро сообразил, как воспользоваться солнцем, — он встал так, чтобы его лучи ослепили соперника. И действительно, сухопарый на несколько мгновений закрыл глаза, и этого бы хватило Донгу, чтобы нанести смертельный удар. Но он этого не сделал, а соперник не понял — почему его пожалели и теперь уже не так яростно нападали. Но всё равно это было рискованно и опрометчиво со стороны Донга.

Неизвестно, чем бы закончился бой, но дерущиеся слышали крики с палубы:

— Вокоу! Японские пираты!

Теперь нужно объединяться — или смерть, или снова рабство.

И Донг остановил поединок.

— Если мы хотим выжить, нужно действовать сообща. Я из монастыря «Черный лотос». Ты — из белого. Обсудим всё потом.

Его противник молча кивнул. Донг повернулся спиной и первым побежал к двери. Это тоже был риск, но он оправдал себя. Никто не ударил его в спину. Но монахи-воины «Белого лотоса» всегда сражаются лицом к лицу.

То, что увидели выбежавшие из каюты капитана недавние соперники, совсем не обрадовало. К их джонке стремительно приближались две лодки, полные алчущих крови и добычи пиратов. Загорелые голые торсы рядовых вокоу, казалось, сверкали на солнце, как сверкали и абордажные цепи с крюками, мечи и ножи в их руках. Как сверкала амуниция на теле офицеров. Все они были без обуви, с оголенными ногами, так легче действовать в воде. На головах у офицеров для устрашения противника красовались шлемы с рогами. У остальных белели узкие повязки. Уже были слышны грозные крики, ругань и команды офицеров.

Донг приказал освободить матросов и капитана, чтобы они защищали носовую часть джонки. Как раз туда начали карабкаться и запрыгивать пираты из первой лодки. Сам Донг с Киу, «веселыми людьми» и всеми, кто мог сопротивляться, бросились на корму. Самый шустрый пират, размахивая катаной в правой руке и ножом в левой, бросился на Киу. Следом за ним на джонку по веревкам залезли еще три пирата и готовились спрыгнуть на палубу остальные.

Началась резня.

Пираты дрались отчаянно, не жалея себя. Это была их добыча, их воля — их жизнь. Защищающимся приходилось тяжело.

Киу не без труда уложил самого первого, при этом тот легко ранил монаха в руку. Донг дрался сразу с двумя. Но справился: один пират отлетел, получив удар ногой в голову, а другой присел после удара в живот. Донг еще не успел оглядеться после схватки, как сам получил удар в спину. Хорошо, что несмертельный.

Вокоу, разозленные ожесточенным сопротивлением, упорно лезли вперед. Кругом слышались крики, команды, стоны раненых и хрипы умирающих. На палубе стало скользко от крови.

Вокоу медленно, но теснили своих противников. Вот уже на носу раздался победный рык пиратов. Надо было что-то предпринимать, чтобы спастись.

Донг бросился к трюму — он хотел выпустить женщин и детей, и прежде всего ту девушку, которую они спасли от пьяных матросов. Потом пробираться к пиратской джонке,

пока еще идет драка. Донг тащил испуганную девушку и кричал Киу и остальным оставшимся в живых прыгать в воду и плыть к пиратской джонке, что стояла возле носа.

Обороняющиеся стали прыгать за борт. За ними попрыгали и пираты. Началась драка в воде. И она, конечно, не могла быть продолжительной.

Киу нырнул и проплыл под водой, чтобы его не заметили. Он благополучно добрался до пиратской джонки и залез на нее с той стороны, где его никто не ждал. Эффект неожиданности сработал: один из вокоу остался лежать на палубе со свернутой шеей, двое других полетели в воду. Четвертый попытался оказать сопротивление, но после точного удара ниже живота тоже полетел за борт.

В это время Донг, как мог, прилагая невероятные усилия, плыл, отбиваясь от нападавших, и тянул за собой девушку. Она мало что соображала, просто цеплялась за Донга и старалась не отстать.

Но удача отвернулась от них.

Один из пиратов ударил девушку, и та стала захлебываться, а потом тонуть. Донг, чертыхаясь, схватил противника за горло железными, натренированными пальцами — он в совершенстве владел приемом «когти тигра». Пират даже не ойкнул.

Донг огляделся и, не увидев девушку, нырнул. Вода была мутной от крови, но Донг опустился глубже и успел схватить тонущую за волосы. Они выплыли у пиратской джонки, куда Киу помог им перебраться. Там уже находились несколько матросов и бывших пленников. Ждать больше было нельзя. Вторая пиратская лодка поплыла к ним.

Донг приказал поднять паруса. И так как их джонка оказалась легче, а паруса сразу поймали ветер, они стали быстро удаляться от противника. И вскоре пираты прекратили погоню.

Донг оглядел спасшихся людей. Их было восемь — капитан погиб на корабле, а куда делся его слуга, никто не видел. Двое из «веселых людей» — Вертлявый и его сосед по трюму — Темный, четверо матросов, спасенная Донгом девушка, которая, замаявшись, назвала себя Ксу, и мальчишка четырнадцати лет — Юн.

Не особо мощная и надежная команда, но все-таки было на кого опереться. Назначили дежурных по вахте и кухне. Вечером, после ужина, который приготовили Ксу и Юн — его тут же все стали звать поваренком, всех, кроме дозорных, сморило. Слишком долгим и тяжелым был прошедший день. А перед этим Донг и Киу смогли определить, где они находятся, и направили джонку к берегу.

Звездная ночь была тихой, ясной — беды наконец-то отступили от уставших людей.

Глава 9

Большой воде и рыба большая

Господин Сию почти всегда вставал рано. Он произносил утреннюю молитву, медитировал или размышлял.

Сегодня у него было утро размышлений. Да еще каких!

Создалась очень благоприятная обстановка для перемен. Для каких перемен — господин Сию пока даже в своих мыслях не осмеливался сформулировать точно.

На севере страну терзают набеги кочевников, на море — вокоу. Но главное — внутренняя политика страны.

Маньчжурское правление притесняет народ, который день ото дня становится беднее. То, что позволено маньчжурской знати, запрещено китайской. Поэтому стремление народа к справедливости и равенству, к возрождению Поднебесной понятно, но это возможно лишь после свержения маньчжурской династии Цин.

Народу надо помочь. Об этом говорили собравшиеся тайного «Общества Небесного разума». Их предводитель назвал осенний месяц. Это совсем, совсем скоро.

Господин Сию встал и прошелся по кабинету. Движение всегда подгоняет мысль. «Да, нельзя упустить момент, да, рыба хорошо ловится в мутной воде... — господин Сию вздохнул и остановился у окна. — Но, по-моему, наш Ли Цин немного торопится. Впрочем, никто в совершенстве не владеет у-Вэй — пониманием того, когда надо действовать, а когда бездействовать».

Господин Сию хлопнул в ладоши — пора одеваться к завтраку. На зов прибежал сяоцзы, расторопный молодой слуга. Он принес ханьфу.

Завтракали в большой светлой комнате за овальным столом. Стены украшали картины, вышитые шелком. Везде в старинных вазах стояли свежесрезанные цветы.

— Лан, хватит баловаться, — строго сказал дочке Сию. — Ешь. Скоро придет учитель.

Но Лан прекрасно поняла, что отец не сердится, его заботит что-то другое. Однако она, переглянувшись с братом Фенгом и показав ему язык, всё же успокоилась. Да и мама поджала губы и неодобрительно глянула на нее.

Господин Сию смотрел на свою семью и радовался: он правильно сделал, что сначала купил Фенга, а потом, через три года, Лан, ей тогда было два года. Ведь его жена так хотела дочку.

Лан очень подвижная, но и сообразительная. Учитель хвалит ее. Хотя зачем девочкам науки. А Фенг так вырос, ему исполнилось шестнадцать. Хорошим будет помощником. Впрочем, он уже помогает ему — сопровождает во всех выездах, выполняет мелкие поручения.

Он, Сию, должен поставить на кон свою семью. И не проиграть.

Все пили утренний чай — ям-ча. Ели блинчики с луком, хотя на блинчики больше налегали дети. Жена Чунтао положила себе овощи, а господин Сию почти ни к чему не притронулся. Только налил себе вторую чашку чая.

После завтрака, когда жена отправилась по своим делам, а дочка ушла на занятия, Сию хотел поговорить с Фенгом. Потом передумал: надо быть осторожным, очень осторожным, и дома имеются уши, лучше сделать это в дороге.

— Фенг, мы сегодня едем во дворец.

— Я знаю, Сию-гэ...

— Не перебивай! — разозлился господин Сию. Но злился он не на приемного сына, он злился на себя. Когда дошло до дела, Сию стал жалеть свое положение, свою спокойную сытую жизнь. Он вдруг испугался разрушить всё это.

— Фенг, — уже мягче сказал Сию. — Ты поедешь со мной в паланкине. Нам надо поговорить.

Фенг молча кивнул: «Что беспокоит господина Сию? Вроде всё, как всегда. Может, он хочет, чтобы я выполнил какое-нибудь важное поручение?»

Но господин Сию сел в палантин один, сказав, что они переговоят на обратном пути.

Дорога во дворец к сыну Неба не занимала много времени. Не единожды Фенг сопровождал господина Сию-гэ туда, но всегда он с трепетом смотрел на роскошный Запретный город, где обитал император Цзяцин. Никто не мог туда войти и никто не мог выйти оттуда без позволения сына Неба.

Запретный город состоял из множества зданий, говорят, что их не меньше тысячи — дворцы, залы, павильоны, флигели, библиотеки. А еще несколько садов, в том числе Императорский сад. И конечно, почти все крыши покрыты желтой черепицей, потому что желтый цвет — цвет императора. Только крыши двух библиотек черные. Черный — цвет воды. Если случится пожар, вода должна спасти книги.

Император Цзяцин жил в Зале умственного развития, здесь же он принимал чиновников. Мандарины в головных уборах с коралловыми шариками неспешно проплывали в паланкинах в сторону дворца и обратно, церемонно раскланиваясь друг с другом.

Господин Сию не принадлежал к чиновникам самого высокого ранга — мандаринам, но тем не менее он тоже имел высокий ранг приближенного советника при дворце императора.

Ему в свое время удалось скрыть, что его отец китаец и только мать маньчжурка. Хотя такие смешанные браки запрещены. И он бы никогда не стал приближенным императора, если бы не скрыл этот факт. Только маньчжурцы могут находиться у власти и быть приближенными.

— То, что случается, случается вовремя, — произнес господин Сию, кланяясь императору.

— Да, Сию, это так, — ответил император, потом задумчиво посмотрел в конец зала и продолжил, усмехнувшись: — Но и в долгой игре нет победителя. Наши усилия по устранению вокоу не имеют большого успеха. Так я тебя понял?

— Нужно еще немного времени, повелитель. Мы активно привлекаем к этой борьбе монахов-воинов Белого и Черного лотоса...

— Видимо, не так активно, Сию! — перебил император Цзяцин. — Займись этим в самое ближайшее время. — Цзяцин кивнул, давая понять, что аудиенция окончена.

Господин Сию опустил голову в поклоне и стал потихоньку отходить назад.

После того, как господин Сию покинул резиденцию императора, из-за ширмы вышел Шифу, один из старших настоятелей монастыря «Черный лотос».

— Ну и как он тебе, Шифу? — нетерпеливо спросил сын Неба.

Император стал подозрительным и осторожным после покушения на него десять лет назад. Он не держал долго на одной должности никого. А уж если хоть немного сомневался в ком-либо из приближенных, устанавливал слежку. И полетела уже не одна голова.

Вот и сейчас монах Шифу с его пронизательностью и умением чувствовать людей

оказался кстати. Он приехал с отрядом своих воинов по просьбе императора.

— Этот человек что-то скрывает. Я чувствую сильную энергию беспокойства. И даже испуг, — ответил Шифу.

— Надо же, а так не подумаешь. — Император помолчал и добавил: — Я доверяю твоим способностям, Шифу. И ты ни разу не ошибся. Надо будет установить слежку за этим чиновником.

— Прикажешь сделать это моим воинам?

— Нет. Вы мне нужны в борьбе с вокоу. Обсудим это сейчас.

Господин Сию шел к своему паланкину, думая о словах императора. Он чувствовал, как цепь последующих событий всё быстрее приближается к нему, как она раскручивается над его головой, готовая арканом затянуться на шею.

А проклятые вокоу уже не одно столетие терроризируют страну, и ни один император не смог с ними справиться. Совершит ли чудо он, Сию? В этом господин Сию очень сомневался. А вот если... Об этом «если...» сейчас, на обратной дороге, Сию предстояло переговорить с Фенгом.

Мальчишка доверяет ему и предать не должен.

Господин Сию и Фенг сначала молча ехали в паланкине домой. Жара пошла на спад. Ясное синее небо призывало к покою и расслаблению, как и желтые, медленно падающие листья. Легкий ветерок приятно ласкал лицо.

Сию не решался начать разговор, а Фенг, удивленный поведением приемного отца, не решался что-либо спросить. Наконец господин Сию начал самый трудный и важный разговор в своей жизни — на кону стояла его судьба, его семья и положение при дворе.

— Фенг, ты вырос и делаешь успехи. Пришло время послужить своей стране. Ты готов? — спросил господин Сию.

— Я... Да, я готов Сию-гэ, — уверенно ответил Фенг.

— Но наша страна, как ты знаешь, сейчас находится под властью маньчжуров.

Фенг непонимающе посмотрел на приемного отца. А Сию продолжил:

— Наша страна — это Поднебесная без маньчжуров. Мы должны освободить свою страну от гнета маньчжуров. Ты согласен? Ведь ты — китаец.

Фенг замешкался с ответом. Он думал, что его пошлют с важным поручением, а тут... И разве Сию-гэ не маньчжур?

— Господин Сию-гэ, я — ваш приемный сын. Вы дали мне хлеб, кров, образование. Я пойду за вами, я не могу предать вас, — наконец, подумав, твердо сказал Фенг.

— Я верю тебе, сын. — И хотя Сию ожидал такого ответа, но всё равно глаза его увлажнились, он отвернулся.

Они замолчали, и лишь возле дома господин Сию продолжил разговор.

— У тебя будет трудная задача. Какая — я скажу потом. И... Небо равно удалено от всех.

Фенг кивнул.

Прошло пять дней после разговора господина Сию и Фенга. И в один из вечеров, после ужина, они направились к дому одного влиятельного лица, как сказал Сию-гэ Фенгу. Это было место, где жил предводитель мятежников Ли Цин. Это он организовал «Общество Небесного разума». То самое общество, что откололось от «Белого лотоса».

Стемнело. Они пробирались по пустынным улочкам, пряча лица, стараясь, чтобы их

никто не узнал. А их одежда воинов и мечи должны были отпугивать бродяг всех мастей. Однако беды избежать не удалось.

В одном из проулков на них напали сзади. Фенг, который шел за Сию-гэ, получил удар чем-то твердым по голове, и сознание его померкло. Он не почувствовал, как растянулся на земле. Господин Сию шел впереди и успел среагировать: первый, приблизившийся к нему, по виду — старая ханьфу и платок — бродяга, не успел отскочить в сторону и получил удар мечом по плечу. Запахло кровью. Бродяга схватился за плечо и медленно осел.

Оставшиеся двое попытались окружить господина Сию. Но опытному бойцу нетрудно было разгадать их маневр. В результате еще один нападавший, зажав руками живот, упал.

В это время очнулся Фенг. Он, преодолевая боль и головокружение, поднялся, чтобы помочь Сию-гэ. Фенг ударил третьему нападшему в спину. Меч легко прошел сквозь тело. И бродяга, вскрикнув, осел.

— Фенг, ты как? Пойдем быстрее отсюда, пока не пришли стражники. Здесь совсем недалеко. — Господин Сию подхватил Фенга, и они почти бегом покинули место происшествия.

В доме Ли Цина уже собрались все приглашенные — руководители отдельных отрядов. Фенгу промыли рану и обвязали голову. Потом все сели пить чай.

— Случайное ли это нападение? — спросил Ли Цин, внимательно глядя на господина Сию. — Или за вами следили?

— Не думаю. Обычное дело в ночное время.

— Они, что, не видели у вас оружие?

— Наверное, решили, что смогут справиться. На их стороне был эффект неожиданности — они напали сзади, — ответил Сию.

— Будем надеяться, что это случайность и за вами никто не следит. А теперь к делу. — Ли Цин оглядел всех присутствующих и продолжил: — Сейчас создалась благоприятная обстановка для нашего... мероприятия. От каждого отряда нужно выделить по пятьдесят человек. Думаю, двести воинов хватит. Они начнут. Остальные подхватят восстание в городе. Начнем на новую луну. Всем еще будет разослано сообщение.

До своего дома Сию и Фенг добрались уже без приключений. Впрочем, скоро их и так ждали большие дела.

Глава 10

Хороший товар не бывает дешев, дешевый — не бывает хорош

— Шучун, ты снова неправильно держишь веер, — начала сердиться госпожа Чжэн Ши. — Посмотри на Лупи.

— Я буду стараться, госпожа Чжэн Ши, — уверила свою хозяйку Шучун и опустила голову.

В тесной комнате на циновках в три ряда сидели девять девочек от восьми до пятнадцати лет. Все они когда-то были куплены госпожой Чжэн Ши для «синего дома». Госпожа Чжэн Ши сама выбирала их — уж она-то в этом понимает. Все девочки как на подбор, ведь у нее заведение высшего разряда. Ее девочки обучаются хорошим манерам, пению, рисованию, умению вести беседу. Ее заведение посещают только уважаемые люди. Хотя они чаще покупают девушку в наложницы. Прибыльное дело. Впрочем, любое дело прибыльное, если им правильно управлять.

Десятилетнюю Шучун продавал разорившийся землевладелец. Видимо, он не очень хорошо вел дела. А вот она, Чжэн Ши, сразу увидела привлекательность девочки и перспективу. Худенькая, маленького роста, с милым личиком и тоненьким звонким голоском, Шучун всегда будет казаться ребенком, а это нравится многим клиентам. Следовательно, и продавать ее можно будет дороже. Вот только обучению она поддается с трудом. Так и не привыкла к жизни в «синем доме». Но ничего, время еще есть.

— А сейчас повторим правила чайной церемонии, — перешла к другому предмету госпожа Чжэн Ши. — Лупи, Джингуа, принесите чайный набор.

Шучун старалась не отвлекаться, но урок давался ей с трудом. Она хотела на улицу, подальше от этого дома — к лесу, к реке.

— Шучун, скажи нам, что такое чай? — снова обратилась к своей нерадивой воспитаннице госпожа Чжэн Ши.

— Это вода... ээ... это напиток. Напиток общения.

— Правильно. А еще?

— Это священное соединение воды, огня и чайного листа, — быстро проговорила любимица госпожи Лупи.

Шучун снова отвлеклась, погрузившись в свои мысли. Сегодня вечером Лупи с Джингуа, взрослые девочки, им по пятнадцать лет, они старше Шучун, собрались тайком спуститься на первый этаж, спрятаться и понаблюдать в щелку за важными богатыми мужчинами. Они звали с собой и Шучун. Она ни разу не спускалась вечером вниз. Но Шучун больше нравилось заниматься рукоделием или придумывать свою жизнь. Вот если бы нашелся красивый богатый мужчина, не старый, стройный и сильный, с черными глазами, и взял бы ее в жены. И они были бы счастливы. Шучун жила бы в большом доме, где много комнат... А во дворе она сидела бы возле пруда, где резвились бы золотые рыбки. Шучун видела такой сад на картинке...

— Шучун, что такое чадао — «путь чая»? — застала ее врасплох госпожа Чжэн Ши.

Ах, если бы госпожа спросила, как пройти «путь женщины», она бы ответила сразу.

— Это... спокойствие. Нельзя пить чай быстро... впопыхах, — промямлила Шучун.

— Всё верно. Но! Что такое «путь чая»? — снова повторила вопрос госпожа Чжэн Ши.

— Это поиск себя, поиск гармонии в мире, — заученно ответила Лупи. Было видно, что ей не терпится приступить к самой чайной церемонии. — А самый лучший чай называется «Драконов колодец».

— Лупи, я знаю, что ты знаешь. Дай другим ответить.

Потом ученицы рассказывали и показывали, как нужно заваривать чай, как наливать, как подавать гостям.

«Быть может, и правда сегодня вечером спуститься с девочками вниз. Может, я увижу своего мужа, — рассуждала Шучун. — Я ведь почти взрослая».

Вечером в комнате у девочек на втором этаже было тихо. «Заговорщицы» переговаривались вполголоса.

— Ну, ты идешь, Шучун? Тебя ждать? — спросила нетерпеливая Лупи.

— Да подождите, еще рано. Надо — когда музыка заиграет и девочки петь начнут, — рассудила Джингуа и подмигнула Шучун.

— Да, я тоже с вами, — неуверенно сказала Шучун.

— Тогда медленно спускаемся по лестнице. Идти нужно по краю, чтобы ступеньки не скрипели. Если что — убегаем, — проинструктировала Лупи и первой открыла дверь в коридор, ведущий на лестницу.

Что такое «если что», Шучун спросить не успела. Наверное, когда госпожа увидит, но она всегда в зале, с гостями. Шучун знала об этом по рассказам девочек. Вообще-то им категорически запрещалось входить в зал. Но заглянуть в щелку — это не проступок.

Девочки вышли из комнаты и, улыбаясь и подталкивая друг друга, чтобы напугать, спустились на первый этаж, где как раз заиграла музыка. Они встали за одной из ширм, отделяющих лестницу и проход на кухню.

— Дай мне глянуть, Лупи! — шептала Джингуа. — Ты уже давно смотришь. А еще Шучун не посмотрела.

Лупи нехотя уступила обзорное место.

— О, какой красавчик пришел. И этот противный богач уже на ногах не держится. Мы его видели в прошлый раз, Лупи.

— А, с большим животом и смешными усами.

— А наша госпожа как с ним так важно раскланивается! — продолжала рассказывать Джигуа.

Девочки захихикали.

— Ну хватит, Джигуа! — зашептала Лупи. — Дай Шучун посмотреть, а то она так и простоит.

— Да пусть смотрит. — Джигуа отошла в сторону, уступая место Шучун.

Шучун прикрыла один глаз и прильнула к щелке.

Ух, как там было весело! Какие нарядные мужчины и девушки! Они разговаривают и смеются. А госпожа Чжэн Ши совсем не строгая. Да ее не узнать: на ней светлос облегающее длинное платье с разрезами по бокам, высокая прическа. А какие туфельки! Вот бы мне таки...

Ширма отлетела в сторону, и пьяный ухмыляющийся посетитель, с большим животом и смешными усами, тот самый, о ком говорила Джигуа, двинулся на девочек, раздвинув руки.

— А-а, вот вы где! Ха-ха! — засмеялся он.

Лупи и Джингуа завизжали и бросились к спасительной лестнице. Шучун замерла и смотрела на пьяного широко открытыми глазами. А посетитель не терял времени: он сгреб Шучун в охапку и потащил к одной из дверей на первом этаже, где были комнаты для посетителей.

От страха Шучун не могла кричать. Она вспомнила берег реки, когда на нее тоже напал гость хозяина. И маму... И тут крик, застрявший комом в горле, вырвался наружу. Напавший потной ладонью быстро зажал Шучун рот.

Но, видимо, так было угодно Небу: в комнату ворвался недавно принятый на работу слуга-охранник — высокий, худой, с тихими, кошачьими движениями — Мин. Он услышал крик Шучун и прибежал в комнату. Тут же схватил пьяного господина и ловко отбросил к двери. Но тот, набычившись, с красными глазами, пошел на Мина. Однако сделать ничего не успел — в комнату вбежала, подняв узкое платье, госпожа Чжэн Ши. Лицо ее пылало гневом.

— Господин Баи! Вы деловой человек и должны понимать: попорченный товар трудно продать и за него мало дадут. Мы с вами не договаривались о цене. И вообще ни о чем не договаривались! — Госпожа сверкнула глазами, посмотрев в сторону Шучун. Она сейчас чуть не потеряла приличную сумму — девственницы стоят дороже.

— Господин Баи, прошу вас вернуться в зал. У меня приличное заведение. И если кто-то из моих покровителей узнает... — пошла она напролом, пугая, и тут же махнула рукой слуге, чтобы увел Шучун.

— Ничего страшного, госпожа Чжэн Ши. Я возьму. — Посетитель встал и, пошатываясь, вышел из комнаты.

— Мин, смотри за девочками внимательнее.

Мин склонил голову, сложив руки на груди, и ничего не сказал.

— И почини завтра дверь, — уже спокойно приказала госпожа Чжэн Ши.

Она, разумеется, знала — она всегда всё знала, — что девочки ходят подглядывать на первый этаж. Но не останавливала их — пусть привыкают потихоньку.

Шучун же проплакала всю ночь. Больше она никогда не пойдет на первый этаж. И вообще — надо бежать отсюда. Но у нее нет денег, нет родственников... Куда она пойдет? От этой мысли стало еще горше.

Утром Шучун не хотела вставать и идти на урок. Она лежала на боку, подтянув колени к груди. Она не обращала внимания на девочек, которые удивленно спрашивали, почему она лежит — скоро начнутся уроки, она бы даже сейчас не испугалась вошедшей госпожи Чжэн Ши — ей было всё равно.

Но в комнату, когда все девочки ушли на учебу, вошла не госпожа, а ее слуга Мин. Он неодобрительно, но всё же ласково посмотрел на девочку. Потом протянул ей что-то, раскрыв ладонь. Шучун взяла — это был сладкий рисовый шарик, завернутый в листья бамбука. На лице у нее появилась благодарная улыбка.

— Шучун, одевайся, — как можно мягче сказал Мин. — Надо идти. Пирожное можно съесть потом.

Слуга Мин вышел из комнаты, а Шучун встала и начала одеваться. Нет, она не оставит здесь пирожное. Лучше возьмет с собой. Вдруг кто-то из девочек найдет ее драгоценность, ее утешение. И какой добрый этот слуга. Быть может, они подружатся и Мин будет ее защищать.

Во всяком случае, Шучун больше не чувствовала себя одинокой.

Глава 11

Большие птицы не кормятся зернышками

Семь весен Дэй прожил у доброго крестьянина Реншу. Он окреп и чувствовал себя относительно хорошо. Но разве это путь воина — сытая спокойная жизнь? Разве может воин тихо умереть в комнате на циновке?

Вся семья Реншу и он сам с вниманием и почтением относились к Дэю, особенно после того случая с бродягами. Когда Упавший В Яму помог сохранить землю, главное их богатство, и не дал покалечить хозяина дома. И Дэй ценил это. Он помогал, как мог, по хозяйству. Подружился с Жу, осиротевшим племянником Реншу. И часто вспоминал Донга — сможет ли этот мальчик пройти тот путь, который опередил ему он, Дэй? Да и надо ли было это делать? Небо само знает, что кому предназначено. Но Дэй гнал от себя эти мысли — он всё чаще часами сидел неподвижно и медитировал.

Реншу казалось, что этот сильный жилистый старик видит то, что недоступно ему, простому крестьянину. Но расспрашивать о видениях Упавшего В Яму не решался. Нужно будет, сам скажет.

А Дэй в один из весенних дней, когда солнце светило особенно ярко и одаривало теплом, сделал себе другой, более крепкий посох и, попрощавшись со всеми обитателями гостеприимного дома, пошел по еще не высохшей дороге — туда, где его, он надеялся, ждут. Туда, где воин-монах сражается, где помогает всем, кто попал в беду, где побеждает зло.

Ведь кто-то должен держать равновесие и создавать гармонию мира. Конечно, если ему будет благоволить Небо.

Не одну деревню прошел Дэй, не в одном городе он останавливался. По-разному к нему относились люди — кто смотрел равнодушно, кто прогонял, кто предлагал ночлег и еду. Монах всё принимал со смирением и пониманием. Он нигде долго не задерживался, пока волею Неба не очутился в главном городе Поднебесной — Пекине.

В большом городе Дэй хотел задержаться, чтобы скопить немного денег. Он всё же решил добраться до того места, где встретил свою жену, свою Аи. Быть может, они, Аи и дочка Роу, там. Он чувствовал, что они живы. Или ему так хотелось. Во всяком случае, это то, что держало его на земле, было его смыслом жизни. Он не захотел смириться с их утратой, он снова сворачивал с пути воина, но и в простой жизни тоже много несправедливости. Хотя об этом заботится Небо. Дэй понимал, что давно нарушил равновесие своего пути и за это расплачивается.

Как ему заработать денег — это меньше всего волновало Дэя. Плыви по течению, не суешься, и Небо услышит тебя, и даст тебе всё.

Так и вышло.

Как-то ранним утром Дэй бродил по базару — самому значимому месту любого города. Здесь можно и раздобыть еду, и узнать все последние новости, и найти работу. Ночь он провел возле одной из мелких торговых лавок, где продавали хлебные лепешки, — монах-воин умеет спать сидя, а если надо, и стоя. Его никто не прогнал, наоборот, даже дали кусок черствого хлеба.

И сейчас Дэй медленно шел, наблюдая, как продавцы подвозят и раскладывают товар, как снуют возле съестных палаток голодные оборванцы, пытаясь раздобыть пропитание, как важно подъезжают чиновники и крупные торговцы. И даже разглядывал, улыбаясь, как

воробьи дерутся за хлебную крошку.

— Помогите! Господину плохо! — совсем рядом закричал слуга, который, видимо, сопровождал своего хозяина.

Народ, толкаясь, с сочувствием, но больше с любопытством теснился вокруг немолодого мужчины в дорогом ханьфу — он лежал на земле, а возле него, охая и явно не зная, что делать, суетился слуга.

Дэй тоже остановился. Он, конечно, имел познания не только в воинском искусстве, но и в медицине, как и все монахи, и смог бы помочь. И раз уж он оказался рядом, значит так угодно Небу.

Он, раздвигая толпу, поспешил на помощь. Его пропустили, не понимая, что может сделать бедный старик, хотя на свете и не такие чудеса бывают.

Дэй наклонился и потрогал пульс на шее у лежащего. Пульс прощупывался слабо. Монах приказал слуге развязать ханьфу и дать его господину больше воздуха. Потом они осторожно перенесли господина в тень и побрызгали на него водой.

Монах понял, что тут, скорее всего, дело в нарушении работы силы ци.

— Достань мне что-нибудь железное. Может, у тебя есть нож? — обратился Дэй к слуге.

Слуга удивленно посмотрел на старика — зачем ему нож? Уж не хочет ли он зарезать его господина? И что будет тогда с ним? Но требовательный тон и уверенный голос старика возымели действие.

— У меня есть нож, уважаемый, — сказал слуга, протягивая нож старику.

— Накали его кончик. Он должен быть очень горячим. И торопись.

Когда слуга прибежал с раскаленным ножом, Дэй уже оголил тело господина до пояса.

— Придерживай голову! — приказал Дэй.

А сам, наметив точку на теле лежащего, быстрым движением прикоснулся к ней. Затем, несмотря на вскрик больного, сделал еще три прикосновения. Запахло паленым мясом. Но этот запах тут же смешался с запахом базара.

Лежащий господин задышал глубже. Взгляд у него стал осмысленным. Он приподнял голову и, строго глядя на слугу, спросил:

— Что со мной? Почему я в таком виде, Ли?

— Вам стало плохо, господин Тао. Вы упали, а вот этот старик помог вам, — слуга Ли указал на Дэя.

Господин Тао внимательно посмотрел на старика, кивнул.

— Поехали домой. И его захвати.

Господин Тао жил в богатом доме с многочисленной прислугой. Когда они прибыли, все родственники господина Тао сразу стали суетиться вокруг него, а про нищего старика, казалось, забыли.

Дэй, опираясь на посох, скромно стоял во дворике, ожидая, что будет с ним дальше. Однако ожидание не затянулось — пришел слуга Ли и позвал его на кухню. Там Дэй накормили. При этом все уже знали, что старик спас хозяина. И домочадцы тут же захотели всё узнать об этом старике, а более расторопные — даже полечиться. Дэй сначала скромно молчал, а потом стал уверять, что его роль в спасении хозяина сильно преувеличена.

Наконец Дэй позвали к господину Тео.

Он, переодетый, полулежал на низком диване, обложенный подушками.

— Проходи, старик. Садись, — господин Тео указал на такой же низкий табурет.

Дэй молча сел.

— Я хочу отблагодарить тебя, старик. Возможно, ты спас мне жизнь.

Дэй, приложив правую руку к груди, наклонил голову в знак благодарности.

— Скажи, что бы ты хотел получить в награду.

Дэй помедлил с ответом, потом произнес:

— Я не сделал что-то особенное. Я сделал то, что должен делать каждый — помогать по мере своих сил и возможностей ближнему.

Господин Тео улыбнулся.

— А ты не так прост, старик! Тогда скажи: если нас ведет Небо, то надо ли вмешиваться в его дела? Быть может, оно хотело, чтобы я сегодня закончил свой жизненный путь?

Дэй прикрыл глаза и спокойно ответил:

— А разве сегодня не Небо вмешалось, позволив мне очутиться рядом с вами на базаре и не позволив вам умереть?

Господин Тео привстал, потом, засмеявшись, откинулся на лежащие под головой подушки.

— Хорошо! Я не буду спрашивать, кто ты и откуда. Я даже не буду спрашивать, как тебя зовут, старик. Но что тебе надо? Я же, имея силы и возможности, хочу отблагодарить ближнего, спасшего меня.

Дэю нужны были деньги, но он не мог так, в лоб, просить, да еще называть сумму.

— Я хотел бы поехать на родину, но...

— Да, я понял. — Хозяин дома встал, прошелся по комнате и быстро заговорил: — А не хочешь ли ты, старик, заработать деньги лечением. Сразу за городом у меня есть конюшня. Там найдется место, где ты сможешь принимать больных. Но... половину заработанного ты будешь отдавать мне. Я думаю, это справедливо. За мной — слухи о знаменитом лекаре и, конечно, как его найти.

Дэю не очень хотелось «славы», но делать было нечего. Да и что это, как не провидение Неба. Он же хотел заработать — ему дают возможность.

— Я согласен, господин.

— Вот и хорошо. Будь сегодня у меня гостем, а завтра Ли отвезет тебя к конюшням.

Так Дэй стал принимать больных. Он ходил в поля и к ручьям собирать травы. Самые простые, что растут почти везде: пустырник, лимонник, солодку и даже астрагал — «кошачий горох». Покупал на базаре лотос и имбирь. Сушил их и делал настойки.

Слухи о лекаре, который излечивает от всех болезней, быстро распространились по городу. Желających попасть к чудо-врачу стало так много, что у Дэя совсем не оставалось свободного времени.

К нему шли крестьяне — они рассчитывались в основном продуктами, к нему приезжали слуги высоких чиновников и везли в роскошные дома — там за лечение давали деньги. Дэй не отказывал никому. Даже если он видел безнадежного больного, то как мог облегчал ему страдания, воздействуя на определенные точки тела, чтобы убрать боль.

И, несмотря на то, что половину денег приходилось отдавать господину Тео, слуга которого каждое утро приезжал за выручкой, Дэю удалось скопить небольшую сумму.

Однако известность и деньги имеют и обратную сторону, не очень приятную. Они, как правило, не дают покоя тем, кто хочет забирать чужое, а не зарабатывать сам.

Однажды ночью, когда уставший Дэй спал за ширмой в своем сарайчике (в одной половине он принимал больных, в другой — жил), в его жилище пробрались местные бродяги. Поживиться. У старика должно быть много денег, если он принимает богатых, и наверняка он не окажет сопротивления. Легкая добыча.

Один из грабителей остался у входа, двое других, откинув ширму, ворвались на вторую половину дома Дэя. Тот, что помоложе, схватил старика за рубаху и грубо стащил с дивана на пол. Потом пнул его несколько раз и резко поставил на ноги, придерживая за спиной руки. Второй, постарше, видимо, предводитель, упиваясь властью и безнаказанностью, спросил:

— Где деньги прячешь, старик? Отвечай быстро, если жить хочешь! — злобно спросил главный, а потом засмеялся: — Слушай, ты и так хорошо пожил, пора дать пожить другим. — Теперь смеялись оба бандита.

И тут Дэй неожиданно для напавших резко присел, при этом освободив руки, отпрыгнул в сторону, перевернулся, встал в стойку и нанес не сильный, но точный удар в солнечное сплетение главарю. Тот, хватая ртом воздух, схватился за живот и согнулся. А в это время второй бандит уже падал, получив удар ногой в грудь.

Услышав стоны, в сарайчик вбежал третий, стоявший на входе. Он увидел лежащих подельников, вытащил нож и кинулся на Дэя. Дэй сделал шаг в сторону, и бандит с разбега пролетел мимо. Дэй развернулся и ударил ребром ладони по руке, в которой напавший держал нож. Бандит вскрикнул и разжал руку. Падающий нож еще не достиг пола, а Дэй так же, ребром ладони, нанес короткий удар по шее третьего негодяя. Этого хватило, чтобы тот дернулся и осел. Едва очухавшись, бандиты, не сговариваясь, буквально выползали из дома Дэя.

После этого случая Дэй понял, что пора уходить. Пришли одни — придут и другие. Денег должно хватить, чтобы добраться до города, где он встретил Аи.

Еще пять раз луна восходила над Пекином — на шестую Дэй смотрел, стоя на носу джонки, увозящей его в прошлое, далекую Страну счастья с Аи и Роу.

Глава 12

Без ветра волн не бывает

Донг проснулся в каюте капитана от... тишины. Последние дни были такими напряженными, что сегодняшнее утро в слегка покачивающейся джонке казалось раем, чем-то нереальным.

Киу спал возле входа на диванчике, свесив руки. Спасенную девушку тоже решили разместить в каюте — она, укрывшись одеялом, устроилась на большом сундуке.

Но наслаждаться тишиной было некогда. Да, они оторвались от пиратской джонки. Однако что-то тревожило Донга, и сейчас, проснувшись в каюте, он понял что.

Почему вокоу так быстро отстали от них? Они во время захвата судна не использовали огненные шары, значит, не хотели испортить джонку. Им нужна была лодка. А почему прекратили преследование? Они наверняка знали, что мы поплывем к берегу. И там-то никуда от них не денемся. Вчера они с Киу изучали карту. И если правильно определили свое местоположение, то их джонка находится недалеко от островов, которые контролируют пираты.

Донг даже привстал — неужели они снова в опасности? Что делать? Уходить дальше в море? Но хватит ли у них запасов пресной воды?

Вчера они нашли в трюме всего одну бочку с пресной водой. Видимо, пираты не рассчитывали на долгое плавание в море. Там же хранилась бочка с вином, бочка с соленой рыбой и корзина с рисовыми лепешками.

Донг встал и тихо, стараясь не разбудить Киу и Ксу, вышел на палубу.

Море было спокойным, легкий ветерок приятно бодрил. Один матрос стоял у руля, второй находился на носу, время от времени всматриваясь в даль моря. Двух других матросов Донг нашел спящими на палубе. А где «веселые люди»? За ними надо присматривать.

Он спустился в один из трюмов, и не ошибся — возле бочки с вином, упившись, спали Вертлявый и Темный, рядом валялись недоеденные лепешки.

Донг разозлился — неизвестно, сколько времени им придется провести в море, а эти разбрасывают еду, и вообще непонятно, что у них на уме — могут предать в любой момент.

Он растолкал спящих бродяг и выволок их на палубу, затем закрыл трюм, выставив для надежности часового из матросов.

Тем временем Ксу с поваренком Юном, которым приказали экономно расходовать продукты, приготовили скромный завтрак — чай и каждому по лепешке.

При этом Ксу, опустив глаза, подала самую большую лепешку капитану. Донг благодарно взял лепешку, слегка коснувшись руки девушки. Она на мгновение подняла голову и, встретившись взглядом с Донгом, смутилась и снова опустила голову. Донг тоже смутился, но вида не подал.

Разумеется, все хотели знать дальнейшие действия Донга — теперь капитана их судна. Донг это понимал, но он еще не принял решение. С одной стороны, опасность смерти или плена, исходящая от пиратов, если они поплывут к берегу, с другой — слишком малый запас еды и неопределенность. Что их ждет в море? А может быть и кто? И как далеко они уплывут?

«Веселые люди» первыми почувствовали неуверенность Донга и стали бузить.

— Капитан, нам надо на берег, — высказал свое пожелание Вертлявый.

— Мы не можем долго плыть. Погода портится. Нам лучше укрыться в бухте какого-нибудь острова, — настаивал Темный.

К ним присоединились и матросы.

— Капитан, ты знаешь, куда плыть?

— Нам лучше идти к берегу.

— У нас мало воды и еды.

— Мы можем не добраться. Здесь недалеко есть острова.

И Донг решил.

— Хорошо, мы поплывем к берегу, точнее к одному из ближайших островов. Там запасаемся пресной водой и по возможности едой, потом плывем к ближайшему порту на большой земле. Но! Нас могут встретить вокоу. Вы готовы сражаться?

— Да, капитан!

— А что нам остается?

— Пльвем!

— Как раз и ветер сменился.

И они повернули к островам.

Уже в каюте Киу тоже высказал недовольство:

— Донг, это рискованно — плыть прямо в логово пиратов. На что ты надеешься? У нас из боевых единиц всего четыре матроса, остальные не в счет.

— Да, Киу. Но и плыть в океан, где нас, возможно, ждет медленная мучительная смерть от жажды и голода, не самое хорошее решение. Не лучше ли принять бой?

— Согласен. — Киу быстро принимал решения, он не любил много рассуждать. И действительно, лучше умереть воином, а не стать обедом для акул.

— Мы подплывем к какому-нибудь малонаселенному или пустынному острову. Нам, главное, набрать пресной воды и, если получится, еды. А потом доберемся до большой земли.

— Да поможет нам Небо! — подытожил Киу.

Им хватило двух дней, чтобы добраться до мелких островов, что растянулись грядой. Направились к ближайшему.

Нешадно палило солнце, мешая разглядывать скалистый берег. Но берег был пустынным. Они благополучно подплыли, при этом каждый член экипажа внимательно вглядывался и вслушивался. На кону стояли их жизни.

Двух матросов и поваренка решили оставить на джонке. Также не хотели брать с собой и Ксу, но она настояла. В конце концов и на джонку могли напасть, а рядом с Донгом девушка чувствовала себя в безопасности.

Вскоре отряд из семи человек покинул лодку и направился в глубь острова на поиски пресной воды. Впереди шел Донг, за ним Ксу и один из матросов, затем «веселые люди» и другой матрос. Замыкал шествие и следил за отрядом Киу.

Семь — не очень хорошее число, подумал Донг, очень похоже на слово «обмануть», но и не такое плохое, как число четыре. Семь — это и удача в отношениях между мужчиной и женщиной.

А остров жил своей жизнью, ему и дела не было до очередных пришельцев. Скучная растительность покрывала скалы. Но чем дальше отряд уходил от берега, тем чаще росли кокосовые пальмы. Всевозможные лианы обвивали их стволы. Всюду слышался щебет птиц.

Сначала отряд продвигался медленно — все были настороже, но постепенно напряжение спало, так как не было опасности. А уж когда Донг обнаружил небольшой водопад, бьющий из скалы, все бросились к воде.

У скалы образовалось углубление, заполненное водой, достаточно большое и глубокое, чтобы в нем можно было искупаться всей компанией. И теперь даже шум водопада не смог заглушить радостные крики и возгласы плескающихся людей.

Ксу старалась держаться в стороне — ей очень хотелось снять грязный халат, но она не могла и поэтому плавала в нем. Донг внимательно следил, чтобы девушке никто не мешал. Он держался поближе к ней, стараясь не показывать свои чувства. Но всё же и они, как дети, стали баловаться, брызгая друг в друга водой.

Киу находился по другую сторону озерца. Он быстро искупался и стоял за валуном на солнце, обсыхая и наблюдая за отрядом. Вдруг он ощутил беспокойство. Замер, напрягая слух. Потом уловил едва промелькнувшую тень в кустах. «Они не одни — их выследили!» — промелькнула мысль, а рука уже делала знак Донгу, и Киу готов был крикнуть об опасности, но тяжелый камень обрушился на его голову откуда-то сверху. И Киу упал, потеряв сознание.

И всё же Донг заметил поданный рукой знак Киу и летящий камень. Он успел собраться, но ничего не успел предпринять для спасения отряда и, конечно, Киу и Ксу. Он только увидел, как озерцо окружают вокоу. Тогда Донг набрал в легкие побольше воздуха и скрылся под водой.

Он не мог знать, что стало с отрядом, он мог только предполагать.

Ксу схватили первой. «Веселые люди», как и предвиделось, сразу сдались в плен, один матрос попытался убежать и был схвачен, другой оказал сопротивление и был убит. Беспомощного Киу крепко связали.

Пираты еще побегали возле водопада, обшаривая всё вокруг, но Донг исчез. И никто не видел куда. Говорили, что он пропал в озерце. Самые отчаянные даже ныряли — никого.

Вокоу разделились: первая группа, подталкивая пленников, начала взбираться на небольшие скалы, чтобы выйти к другому берегу, вторая, поменьше, ведомая подсказками Темного и Вертлявого, направилась к тому месту, где стояла джонка с двумя матросами и поваренком Юном на борту.

Донг нырнул глубоко. Он открыл глаза и увидел дно, однако ему нужен был проход. Должен же быть проход, иначе куда бы стекала вода из озерца. Воздуха в легких оставалось всё меньше и меньше. Донг быстро передвигался, осматриваясь. И он нашел подводное русло. Сделав усилие, Донг перебрался к двум валунам, между которыми вниз проходила вода, и, подгоняемый течением, выплыл в гроте.

Едва отдышавшись, Донг обследовал пещеру. В ней были два прохода. Один заканчивался тупиком. Во втором Донгу пришлось лезть по скользкой каменной стене вверх. Он часто останавливался, чтобы перевести дыхание и успокоиться. Он должен выбраться. Он должен спасти свой отряд.

Когда до выхода оставалось меньше одного жэня, стена, по которой он лез, стала совсем гладкой и почти вертикальной. Донг внимательно осматривал стену — он искал решение и не находил, силы его были на исходе. Как он преодолеет этот подъем? Донг закрыл глаза и стал медитировать. Он услышал голос Дэя: «Представь, что эта стена горизонтальная и вся в трещинах и выбоинах. Ты спокойно одолеешь ее. Иди, Донг».

И Донг полез, стараясь не сбивать дыхание и не терять появившуюся силу ци. Когда он дошел до дыры-выхода, то схватился сначала одной рукой за ее край, потом второй,

подтянулся и вывалился наружу.

Он лежал на скале, растянув ноги и раскинув руки, и смотрел в темнеющее небо. В этот момент, он понял, что преодолеет всё: и спасет свой отряд, и будет успешно биться с вокоу.

Сумерки начали окутывать остров. Надо торопиться, пока видно, куда идти.

Донг поднялся и, оглядевшись, направился к берегу, где стояла джонка. Он шел осторожно, часто останавливаясь и прислушиваясь. Когда совсем стемнело, Донг наконец-то увидел море. Но где лодка? Неужели он не успел, и пираты, захватив джонку, уплыли?

Монах, еще стоя на вершине скалы, понял, что остров небольшой, соответственно, и расстояния здесь маленькие. Они не могли далеко уплыть. Скорее всего, пираты обогнули нависшие над морем скалы и остановились на ночлег.

Он насобирал бамбуковых палок, связал их лианами. Получился легкий, может быть, малоприспособленный для плавания в море, но плот. Затем поплыл, отталкиваясь бамбуковой палкой как шестом и преодолевая силу волны. Он благополучно обогнул остров и, увидев костры, спрыгнул в воду. Прячась за валунами, Донг медленно, но верно приближался к пировавшим пиратам.

Его джонка стояла неподалеку. И там тоже шел пир. Вокоу открыли бочку с рисовым вином.

Донг, представляя себя ящерицей, как мог близко подполз к одному из костров и замер. Вокруг костра сидели и лежали пятеро пиратов. Они пили, разговаривали и смеялись.

Недалеко от них на песке сидели понурые пленники. Ксу, замерзнув, жалась к Киу, а Киу с окровавленной головой и связанными руками, пока плохо соображал — его тошнило, у него кружилась голова, он с трудом приходил в себя после удара камня.

Матросы, тоже со связанными руками, сидели, кто покачиваясь, кто неподвижно, прикрыв глаза. Поваренка Юна Донг не увидел. Темный и Вертлявый, очевидно, были на джонке.

Донг решил по-тихому убить вокоу, когда они уснут, развязать пленников и идти освобождать джонку. Но планы пришлось менять на ходу.

— А что, Аки, как там себя чувствует наша пленница? — спросил мускулистый, покрытый черно-белыми татуировками пират. — Может быть, она замерзла? И ее надо погреть? — засмеялся он.

Сидевшие вокруг подхватили:

— Притащи сюда эту девку!

Тот, кого назвали Аки, нехотя встал и направился, пошатываясь, к пленникам. Он схватил Ксу за грязный халат, рывком поднял ее и, похихикивая, потащил к костру.

Связанные пленники лишь злобно проводили их глазами.

— Вот, Акира, привел тебе невесту, — засмеялся Аки и толкнул Ксу к татуированному.

Девушка запнулась, но не упала.

Пираты стали подначивать Акиру и подшучивать над ним.

— Да тебе не справиться с ней, Акира! Ха-ха!

— Отдай ее нам, Акира!

— Да ты сначала разгляди ее, Акира, может, она тебе не понравится. Ха-ха!

Акира поднялся, сделав знак рукой. Все притихли, наблюдая, что будет дальше.

Акира подошел к Ксу и, улыбаясь, резко, одним движением разорвал на ней халат и откинул его. Потом отступил на несколько шагов, давая посмотреть всем, какая у него

девушка.

Пираты восхищенно зацокали, увидев белое стройное тело Ксу. На шее девушки висела зангля — нить-оберег. Она была такой длинной, что проходила по ложбинке между грудей.

Костер неожиданно для всех вспыхнул, еще больше осветив девушку. А Донг на мгновение замер, разглядывая Ксу, а потом увидел ее талисман — монету в форме мотыги. Именно такую ему отдал Дэй! Неужели... Не может быть! Или это какое-то дьявольское совпадение. Это дочь Дзя?! Но почему Ксу? Она же Роу.

Рассуждать было некогда. Донг не мог допустить, чтобы дочь Дзя растерзали вонючие вокоу.

Он подполз еще ближе, вскочил и кинулся на пиратов, схватив на песке чью-то опрометчиво оставленную катану. Один пират, взвывая, полетел в костер. Второй упал на колени, пронзенный мечом. Акира кинулся на Донга со своим мечом. Но его противник ловко ушел от столкновения, оказался сзади и одним взмахом перерезал Акире горло. Тот захрипел и упал. Один из двух оставшихся в живых пиратов с криком о помощи побежал к другому костру. Второй прыгнул на Донга и тут же упал, схватившись за проколотый живот.

Ксу, когда началась драка, быстро подхватила остатки халата и бросилась к пленникам, пытаясь на ходу прикрыть грудь. Здесь уже всюду орудовал поваренок Юна, который ловко разрезал веревки на руках плененных товарищей. Во время нападения вокоу он сумел спрятаться, а потом скрытно пробраться к пленникам.

Донгу повезло. Эффект неожиданности сработал. Но теперь пираты, что расположились возле другого костра, бежали к Донгу. И их было не меньше семи человек. Бой не закончен, он только начинался. Что ж, Донг был готов к нему.

Когда вокоу добежали до сидевших пленников, те неожиданно для пиратов вскочили и кинулись на них. Киу, преодолевая боль и головокружение, уложил сначала одного, ударив не сильно, но точно кадык. Потом, подхватив катану, ударил по голове второго и тут же сам получил удар по плечу. Кровь потекла по руке, но Киу не чувствовал ее тепло.

Он огляделся и увидел, что матрос лежит, уткнувшись лицом в песок, а поваренок, зажимая рану на груди, отходит назад и сейчас его добьет длинновязый вокоу с белой повязкой на голове. Киу прыгнул и всадил катану в спину пирата. Быстро развернулся и стал драться с другим вокоу. На нем был защитный нагрудник и шапка с рогами на голове. Такие носили офицеры. Конечно, они были более искусными в боевом искусстве владения мечом, чем простые вокоу.

Неизвестно, как бы сложился бой Киу с офицером, если бы не Донг, который как одержимый, весь в чужой крови, с двумя мечами в руках, разил врагов направо и налево, успевая при этом наносить удары ногами. Он, уложив на песок очередного врага, оказался рядом с Киу, и они тремя катанами достали офицера. У того с головы слетела шапка, а по бедру потекла кровь. Офицер сделал шаг назад, оступился, потеряв на мгновение равновесие, и этого было достаточно, чтобы Донг нанес ему смертельный удар в висок.

Ксу, обернув остатки халата вокруг живота, хлопотала возле поваренка, перевязывая ему грудь другой полоской халата. К ним подбежал первый прыгнувший с лодки пират, бежавший на помощь товарищам. Ксу, не вставая, набрала в ладонь песка и резко бросила в лицо пирата. Тот остановился и, ругаясь, стал тереть глаза. В это время к ним подбежали Киу и Донг, который без труда отправил пирата в Царство теней.

— Уходите к тому берегу, где стояла наша джонка. Я задержу их, — приказал Донг, помогая поднять поваренка. — Я приду, Киу, — сказал он, обращаясь к другу, но сам тепло

смотрел на Ксу или Роу, он потом обязательно разберется.

Киу кивнул и, подхватив Юна, побежал вместе с Ксу в спасительную глубину острова.

Донг уложил еще одного пирата и не стал дожидаться остальных. Он скрылся за прибрежными кустами, нашел пологую трубку бамбука и, стараясь держаться под водой, поплыл к джонке, решив обойти ее с кормы.

Почти все пираты ушли с джонки на помощь товарищам. Они не могли понять, что произошло. Что за крики и возня начались на берегу. Пленников всего трое, и одна из них девчонка. А на берегу находилось больше десяти человек. Кто на них напал?

Добежав до берега, вокоу нашли убитых и раненых, которые показали, в какую сторону направились Киу, Ксу и поваренок Юн.

Пираты разделились: двое остались на берегу, остальные, в том числе и Темный с Вертлявым, начали преследовать пленных.

Тем временем Донг, подплыв к джонке, ловко взобрался на палубу и стал как можно тише пробираться к пирату, стоящему на носу. И как ни старался Донг, представляя себя ползущей змеей, тот почувствовал его взгляд и обернулся. Донгу ничего не оставалось, как сделать огромный прыжок, перевернувшись в полете, и ударить пирата обеими ногами. Вокоу, удивленный и мало что понявший, полетел за борт и плюхнулся в воду, подняв волну брызг, а также наделав шума.

Другой вокоу, очевидно, недавно ставший пиратом, вокоу растерянно и испуганно смотрел на приближающегося Донга. Донг видел его испуг.

— Я не буду тебя убивать, если ты поможешь мне. И никому не скажу, что ты пират, — предложил он юноше.

Тот молча кивнул и отбросил катану.

— Сейчас мы поплывем к тому берегу, где стояли вчера. Ты займись парусами. Лодку поведу я.

Рассвело. Последние звезды покинули небо. Всё громче пели птицы. Остров проснулся, освещенный утренним солнцем, и зажил своей жизнью, не обращая внимания на страсти людей.

А джонка медленно отходила от берега. Вслед ей раздавались проклятия оставшихся на берегу вокоу.

Киу понимал, что с раненым поваренком они далеко не уйдут. Так, может, спрятаться в какой-нибудь расщелине. Но Донг сказал, что он придет к берегу, поэтому надо торопиться. Киу посадил Юна себе на плечи и побежал. За ним, боясь отстать, побежала Ксу. Но пираты двигались быстрее, да и пленники устали.

У Киу закружилась голова. Как не вовремя! Он начал спотыкаться и почувствовал, что сейчас упадет. Но собрался и приказал себе добежать.

Ксу, зацепившись за куст, потеряла набедренную повязку, сделанную из остатков халата, и теперь бежала голой. Но это ее почти не беспокоило, она смотрела на мелькающие ноги Киу и старалась ставить свои ноги там же, где он. Только не запнуться, только не упасть.

Вот и спасительный берег, и приплывшая джонка, как и обещал Донг. Еще шесть джэй, и они будут у воды. Всего тридцать метров!

Но по песку бежать труднее, чем по камням.

Донг, стоя на носу, мысленно подгонял друзей. Он не мог бросить джонку на юного пирата, который помог ему — не мог так рисковать. Но что делать — один из пиратов уже

настигает Ксу и Киу.

— Как тебя звать? — быстро спросил Донг юного пирата. — Ты сын обедневшего крестьянина?

— Да. Меня зовут Изао.

— Изао, мне нужно помочь своим. Держи джонку. Я — монах-воин «Черного лотоса», я обещаю тебе, что ты станешь настоящим воином и будешь сражать со злом. Небо благословило тебя, Изао.

С этими словами Донг прыгнул в воду и кинулся к берегу.

Киу на ходу спустил поваренка с плеч и, подобрав валявшуюся под ногами бамбуковую палку, стал защищать отход Юна и Ксу. Он, ловко вращая палкой, несколько раз ударил догнавшего их пирата. Тот согнулся от боли.

Подбежавший Донг выхватил палку у Киу.

— Беги! Надо помочь им забраться на джонку! — прокричал он, вступив в бой со вторым подбежавшим пиратом. Донг не стал тратить драгоценное время — он оттолкнулся от бамбуковой палки как от шеста и в полете ударил двумя ногами пирата в голову. Всё было кончено.

Донг побежал к джонке, куда уже все забралось и ждали только его. Донг обернулся — пираты приближались.

— Отчаливайте! — закричал он.

Джонка стала медленно отходить от берега. Киу нашел веревку и бросил Донгу. Донг поймал веревку, полез по ней и вскоре оказался на палубе.

Они, радостные, благополучно ушли в море.

Глава 13

Большой человек боится беды, высокое дерево боится ветра

Господин Сию очень нервничал в последнее время, хотя и пытался это не показывать.

Но его жена Чунтао чувствовала, что с мужем что-то творится. И поскольку она была женщиной умной, то не стала пока спрашивать мужа в лоб о его плохом настроении. Если не сказать нервном.

У него неприятности на службе? Финансовые дела семьи терпят крах? Может, он завел любовницу и она шантажирует его? Что еще могла думать госпожа Чунтао.

Сегодня днем она позвала к себе старого верного слугу Гана. Он проработал у них в семье больше тридцати лет и знал ее еще совсем крохой.

— Ган, как твоё здоровье? Не нужно ли тебе чего? — спросила она.

Ган по старости лет редко прислуживал господам. Он всё больше работал в саду.

— Спасибо, госпожа Чунтао. Здоровье мое еще крепкое, и я всем доволен, — ответил Ган, гадая, зачем его вызвала к себе госпожа. Уж не хочет ли она взять вместо него молодого садовника?

— Ган, у меня к тебе есть дело. — Госпожа Чунтао помолчала и добавила: — Деликатное дело, Ган.

Ган поклонился госпоже, ничего не спросив.

— Мне нужно, чтобы ты проследил за господином Сию, — сказала женщина и внимательно посмотрела на слугу — какая будет реакция.

Но Ган лишь еще раз поклонился, прижав руку к груди. Он, конечно, старый, но в добром уме. Если госпожа просит, значит, в семье не всё в порядке и он должен помочь. Почему не помочь восстановить равновесие ян и инь.

— Ган, ты понимаешь, что всё должно остаться между нами.

Ган снова склонил голову. Он не в первый раз выполнял такого рода поручения.

— Вот, возьми деньги на мелкие расходы.

Ган взял деньги и с поклоном удалился.

Прошло пять дней. Госпожа Чунтао ждала садовника с докладом и была сама не своя. Она не находила себе места, но вида не подавала.

Что она узнает? И что потом ей делать?

Ужинали, как всегда, в столовой.

Муж почти всё время молчал. Да и Фенг сидел загадочный и задумчивый.

Он повзрослел. Госпожа Чунтао никак не могла подобрать слово, описывающее настроение ее приемного сына Фенга. И сейчас оно само пришло на ум — «загадочность». Да-да, здесь кроется какая-то загадка.

Госпожа Чунтао внимательно оглядывала своих родных. Нет, даже всегда шумная дочка Лан и та, казалось, вела себя тише.

— А не поехать ли нам завтра на прогулку? — улыбаясь, предложила госпожа Чунтао. — Погода хорошая.

— Да! Едем! Едем! — захлопала в ладоши Лан. — Я на своей лошадке...

— Ты еще не очень уверенно держишься в седле, Лан, — забеспокоился господин Сяо — прошел всего месяц, как он подарил дочке коня-однолетку. — Будет лучше, если ты поедешь в паланкине.

— Но там неинтересно! Там скучно! Ну можно, можно я поеду на Магу. Я буду осторожна и внимательна, Сию-гэ. — Лан умоляюще смотрела на господина Сию-гэ, а в глазах ее плясали чертики.

Ну что ты будешь делать с этой девчонкой! Господин Сяо не мог ей отказать. Даже озабоченный взгляд жены его не остановил.

— Хорошо, Лан, но ты будешь ехать шагом и возле паланкина, — твердо сказал он. — А Фенг за тобой присмотрит.

— Конечно, — пробормотал Фенг, погруженный в свои мысли.

Быстро стемнело — осень.

Госпожа Чунтао, кутаясь в платок, сидела в беседке у пруда. Она то разговаривала со служанкой, то задумчиво молчала. Когда совсем стемнело, госпожа Чуанто отправилась в свою комнату.

«Где Ган? Почему он не пришел? С ним что-то случилось?» — задавала она себе вопросы и пока не находила на них ответы.

И лишь утром ей сообщили, что появился Ган и хочет ее видеть. Госпожа Чунтао велела впустить его.

Ган с опущенной головой вошел в комнату госпожи. Та, забыв о своем положении и статусе, нетерпеливо, не поздоровавшись, спросила:

— Ган, где ты был? Что случилось?

Слуга Ган поднял голову.

— Приветствую вас, госпожа. Я возвратился глубокой ночью и не посмел тревожить вас, госпожа.

— Ты что-нибудь выяснил, Ган? — госпожа Чуанто постаралась взять себя в руки.

— Да, госпожа. Ваш муж не ходит к любовнице.

Госпожа Чуанто облегченно вздохнула. У нее не было детей, и муж имел право завести себе вторую жену и даже третью. Но муж согласился купить детей. Муж любит ее.

— А куда он ходит?

— Ваш муж ходит в один дом на окраине города. Там собираются мужчины. О чем они говорят и что там делают, я не знаю.

«Ходит в дом... Зачем? Он ничего не рассказывал мне. Уж не пристрастился ли он к азартным играм? Нет, муж слишком благоразумен. Этого просто не может быть».

— И это всё, Ган?

— Нет, госпожа. Он ходит туда не один. Он берет с собой сына Фенга.

«Фенга?.. Так вот почему Фенг ходит такой загадочный в последнее время. Что ж, уже проще. Она может всё выпытать у Фенга. Мальчик ей всё расскажет».

— Что-то еще, Ган?

— Мне показалось, что за господином Сию ведется слежка. Боюсь, что могли и меня заметить.

«Слежка?! Что это значит? Кто... Что...»

— Спасибо, Ган. Больше следить не надо.

— У меня остались деньги, госпожа. — Ган начал торопливо доставать из кармана

деньги.

— Не надо. Оставь себе. И помни — никому ни слова.

— Спасибо, госпожа. Как скажете, госпожа, — проговорил Ган, удаляясь.

Когда садовник ушел, госпожа Чунтао заметалась по комнате: «Кто посмел следить за ее мужем? Он — чиновник высокого ранга, он вхож к самому императору Поднебесной! К императору... А если... это... Сколько голов летит каждый месяц!.. Неужели... Надо поговорить с мужем. Или сначала с Фенгом. Нет, с мужем», — приняв решение, госпожа Чунтао немного успокоилась.

В конце концов она имеет право знать. Это ее семья. И если дойдет до... Она даже думать боялась, до чего может прийти, — у нее просто не будет семьи. Ни-че-го.

Госпожа Чунтао было дочерью своего отца, который, прилагая невероятные усилия, достиг высокого положения в обществе. Он надеялся только на себя и верил только себе. Чунтао хорошо усвоила уроки отца. У нее были свои деньги, про которых не знал даже муж. А с деньгами можно и с Небом договориться. Она сможет, если понадобится, уйти. Взять дочь Лан и скрыться. Но это в крайнем случае. Сначала она попытается спасти мужа и сына. А они, как предположила госпожа Чунтао, в опасности. В большой опасности.

Госпожа Чунтао никогда не понимала мужчин: как можно променять благополучную, выстроенную жизнь на непонятно и неизвестно что? Как можно подставить свою семью? Ради чего — тщеславия, власти и денег? Так у мужа и так всё это есть. Мудрый не воюет ни с кем. Всё равно всё будет так, как захочет Небо. И далеко не всегда его надо «подталкивать».

Вечером состоялся разговор с мужем. И госпоже Чунтао не очень понравилось, как он «состоялся». Она знала, что мужчины не любят, когда им дают советы, а тем более поучают — женщина должна знать свое место. Поэтому госпожа Чунтао научилась быть послушной и в то же время не отказываться от своих интересов, мягко, когда нужно, склоняя мужа на свою сторону.

— Что я должен тебе рассказать?! Это не моя тайна, — раздраженно говорил Сию жене. — И вообще, как ты посмела следить за мной?

— Сию! Давай уж говорить прямо. Я не собираюсь «потерять голову». И не отдам детей. То, что следила я, — это ничто, по сравнению с тем, что за вами следит кто-то еще. Пойми ты это, наконец!

— За нами следят? — Сию замер — неужели то, о чем он думал и чего он боялся, случилось. Император Цзяцин перестал доверять ему. Но дата переворота назначена. Он не может отступить. Он не может убежать.

Госпожа Чунтао выждала, пока муж осознает происходящее, и подбодрила его, ловко «уйдя в тень».

— Я знаю, что ты примешь верное решение. Ты сможешь всё сделать так, чтобы наша семья не пострадала. — При этих словах госпожа Чунтао подошла к мужу и обняла его. Потом быстро вышла из комнаты.

Господин Сию не стал ужинать, что случалось крайне редко. Он знал, что не выйдет из комнаты, пока не примет решение. Он знал, что у умного зайца три выхода из норы. И после долгого размышления он понял, что в случае провала ему придется пожертвовать, как это ни прискорбно, жалко и стыдно, приемным сыном — Фенгом.

Нужно как можно быстрее восстановить утраченное доверие императора Поднебесной.

Глава 14

Хороший мужчина не бьет жену, хороший пес не лает на кур

Прошла неделя с того происшествия, когда на Шучун напал посетитель «синего дома» госпожи Чжэн Ши, а слуга Мин спас ее.

Шучун постепенно успокоилась и ходила с другими девочками на уроки. Теперь у нее была тайна, про которую она никому не рассказывала. И эта тайна делала ее счастливой. Слуга Мин иногда, чтобы никто не видел, угощал Шучун конфетами — сладкими рисовыми шариками. А сегодня он подарил ей ленточку — шелковую, красного цвета.

Шучун, сидя на уроке, украдкой поглядывала на ленточку, зажатую в руке. Слуга Мин представлялся ей взрослым мужчиной. Он был первым, кто обратил на нее внимание. Шучун чувствовала, как волнуемое трепетное чувство зарождалось в ней. Сначала благодарности, а затем чего-то большего. Чего — она еще мало понимала, но ей было сладостно брать от Мина подарки, встречаться с юношей взглядом, думать о нем.

— Шучун, о чем мы сейчас говорили? — строго спросила госпожа Чжэн Ши.

Шучун молчала, потупив глаза.

Госпожа Чжэн Ши обвела глазами класс и, неожиданно для учениц, улыбнувшись, сказала:

— На сегодня уроки закончены. А Лупи, Ниу, Джигуа и... — Госпожа помедлила и добавила: — Шучун. Эти девочки сегодня после ужина должны принарядиться и зайти в мою комнату.

Госпожа Чжэн Ши вышла из класса. Сегодня состоится смотрины ее девочек. Один богатый господин пожелал купить у нее девочку — в любовницы, или в жены, или... Это ее мало волновало. Главное, чтобы сделка состоялась. И она состоится — у нее лучший в Пекине товар. Лупи — умненькая и шустрая. Если поведет себя хорошо, хорошо и пристроится. Джигуа — совсем взрослая. Не красавица, но харизма в ней есть. Ниу глуповата, но большой ум не главное для любовницы. Внешность, пожалуй, на любителя. Шучун молода и наивна, у нее нет способностей к наукам, так стоит ли ее обучать дальше и тратить деньги, быть может, она будет хорошей женой и матерью.

Ужин проходил шумно. Ошеломленные новостью — ведь решалась их судьба, девочки почти не ели, возбужденно переглядываясь и перешептываясь.

Шучун выглядела растерянной и испуганной. Она совсем не хотела идти на смотрины и уж тем более выходить замуж. Конечно, может быть, ее и не выберут. Наверняка не выберут — вот у Лупи такое красивое платье, а Джигуа так хорошо поет.

Шучун искала глазами Мина. Он старше ее, он знает, что делать. Как бы посоветоваться с ним. Нет, она не смеет. А если выберут ее, то она никогда не увидит Мина! Никогда... Надо надеть старое платье, сидеть с печальным лицом и смотреть в сторону. Может быть, это поможет?

Все пошли прихорашиваться к смотринам. Шучун встала, оглядываясь в поисках Мина, но не находила его. Она последней оделась и поплелась вслед за девочками.

Девочки вошли в просторную комнату, разгороженную яркой цветной ширмой.

Остановились у двери, не решаясь пройти.

Напротив, у стены, стояли два кресла и стол, рядом — два низких дивана, возле которых находились такие же низкие столики. На полу лежал ковер округлой формы, мягкий, бледно-розового цвета. Стены были оклеены обоями насыщенного красного цвета, с рисунком — кремовыми хризантемами. Две картины с изображением прекрасных девушек, играющих на дизи и лютне, и ваза с розами дополняли интерьер.

Шучун несколько раз была в комнате госпожи Чжэн Ши, но только сейчас она разглядела комнату как слудует.

Госпожа Чжэн Ши, выдержав паузу, с улыбкой вышла из-за ширмы, внимательно оглядела каждую девочку, поправив то, что она сочла нужным поправить в одежде и причёске, и велела сесть по двое на диваны.

— Вам, девочки, оказана большая честь. Завтра одна из вас покинет мой дом и войдет в дом мужа. Надеюсь, те знания и умения, которые вы здесь получили, пригодятся вам в доме мужа и я не напрасно потратила силы на ваше обучение. Впрочем, еще никто не жаловался. — Последняя фраза была предназначена явно для того, кто находился за ширмой. Заказчик пожелал пока понаблюдать за девочками тайком.

— А сейчас мы подготовим стол для нашего гостя и будем его развлекать.

Госпожа Чжэн Ши хлопнула в ладоши, и в дверях появился слуга Мин. Он катил сервировочный столик с тарелками и едой.

На мгновение их взгляды — Шучун и Мина встретились. Шучун испытала такую душевную боль, что не смогла встать, чтобы помочь остальным девочкам накрывать на стол. Она засуетилась, только когда почувствовала сердитый, подстегивающий взгляд госпожи.

Когда девочки накрыли стол, госпожа Чжэн Ши позвала своего гостя.

Из-за ширмы вышел, как определила Шучун, старик лет сорока, с приплюснутым носом и очень узкими глазами. И хотя лицо его излучало доброжелательность, Шучун сразу почувствовала исходящую от господина злую энергию.

— Господин Тао оказал нам честь — он хочет выбрать себе жену именно в нашем, пользующемся хорошей репутацией доме, — пафосно произнесла госпожа Чжэн Ши, поглядывая на гостя и приглашая всех садиться за стол.

Девочки украдкой, стараясь не поднимать головы, рассматривали господина Тао. Тот молча, не показывая явного интереса, рассматривал их. Хозяйка дома поддерживала беседу и командовала девочками, представляя их гостю, конечно, с лучшей стороны, подчеркивая достоинства каждой.

Девочки ели мало — надо соблюдать приличия. Гость тоже едва прикоснулся к еде, но рисовое вино пил охотно. Госпожа Чжэн Ши скромно поддерживала в этом гостя и разрешила выпить девочкам — чтобы не вели себя совсем скованно.

Самой активной была Луци. Она пыталась вести светскую беседу — говорила о погоде, о театральных представлениях, даже порассуждала о политике. Ее первой и повели за ширму. Нет, трогать девочку запрещалось. Когда купишь — тогда пожалуйста. Но смотреть товар можно. Как же покупать товар, не посмотреть!

Джигуа по просьбе госпожи сыграла на лютне и спела ангельским, не совпадающим с ее внешностью и характером голосом. Но она не произвела впечатление на господина Тао. Он даже не повел ее за ширму.

Не понравилась ему и Ниу, хихикающая к месту и не к месту.

Шучун женской, еще не расцветшей сутью поняла, как смотрит на нее господин Тао.

Она совсем не хотела идти за ширму. Почему господин обратил внимание на нее? Она сидела в некрасивом, старом платье, с печальным лицом, почти весь вечер молчала и даже не смотрела в его сторону.

И как ласково и одобряюще смотрит на нее госпожа Чжэн Ши, как бы просит не стесняться и вести себя активнее.

Шучун опустила глаза, лихорадочно соображая, что бы сделать такое неприличное и вызвать разочарование у господина Тао. Ее взгляд упал на рисовое вино. Вот оно, спасение. Шучун смело налила себе вина и, морщась, быстро всё выпила. Потом, улучшив момент, когда отвлеклась госпожа, налила еще и снова выпила залпом.

Вскоре голова у нее закружилась — раньше Шучун никогда не пила спиртное. К горлу подступила тошнота. И Шучун, зажимая рот рукой, выбежала из комнаты.

Здесь ее подхватил Мин. Какой стыд — она в таком виде!

Мин отвел Шучун в туалетную комнату и умыл. Шучун чувствовала себя очень плохо. Она благодарилась и тут же извинялась. Голова у нее по-прежнему кружилась, в конце концов девушка покачнувшись, упала на грудь к Мину и разревелась. Тот нежно обнял ее, успокаивая.

— Шучун, не плачь. Шучун, я что-нибудь придумаю. Я обещаю тебе, — говорил Мин, понимая, что он не вправе брать на ответственность за жизнь этой девушки. Да, она ему нравится. Очень нравится. Но он — монах-воин «Белого лотоса», и у него ответственное задание.

Мин отвел Шучун в спальню девочек, уложил на кровать и накрыл пледом.

Нет безвыходных ситуаций. Небо всегда и всем показывает путь. И он, и она пройдут свой путь, тот, который им предопределен.

Глава 15

Прямые деревья рубят раньше других

Дэй совсем мало спал. Он каждую ночь стоял на палубе, смотрел на море, на луну и мысленно подгонял джонку, но чаще представлял, как он найдет жену Аи, как она обрадуется. А узнает ли его дочь Роу? И как примет его? И поймет ли? Как она выросла, наверное, теперь совсем девушка.

Дэю сладостно было вот так мечтать: говорить с родными людьми, строить планы на будущее. Он не видел никаких препятствий. Главное — их найти.

Дэй так ушел в ожидание и мечты, что не замечал ничего вокруг. Как, впрочем, никто особо на лодке не замечал и его, старика, который мало спит и часто стоит наверху, на палубе, глядя в морскую даль.

Море было спокойным, небо чистым, дул попутный ветер — что еще надо для путешествия!

Однажды, когда до желанного берега оставался всего день пути, Дэй услышал или, скорее, почувствовал опасность.

Он, как всегда, поздним вечером стоял на палубе. Недалеко от него прошли двое, они тихо переговаривались. Ветер усилился и донес до Дэя обрывок разговора.

— Сегодня ночью или никогда, — сказал мужчина с глухим, ухающим голосом.

— А если сорвется? Я уговорил только шестерых матросов, пообещав им денег и товар в случае удачи, — сомневался, судя по голосу, более молодой, но осторожный.

— Ты хочешь сытой жизни и богатства, но боишься и шагу сделать, — проворчал ухающий голос.

Дэй, казалось, слился с палубой, ночью и луной. Он стал звездой, он как будто с высоты наблюдал за происходящим, поэтому говорившие его не заметили.

То, что он узнал из разговора, могло сильно помешать его планам. Если судно захватят мятежники, они перебьют половину команды и повернут к одному из островов. А это плен, рабство и, возможно, смерть. Хотя Дэй после волчьей ямы, когда он лежал, проткнутый заостренными бамбуковыми палками и плыл в Царство мертвых, пожалуй, стал наполовину бессмертным — черная точка над лотосом не исчезла.

Надо помешать. Иначе он не увидит жену и дочь. Пойти и рассказать капитану или самому всё сделать по-тихому. Если убрать зачинщиков, то и бунта на корабле не будет.

Дэй решил действовать сам.

Ухающий голос принадлежал помощнику капитана. Он уже слышал, и не раз, этот голос. Небо подавало ему, Дэю, знак, а он не понял, не почувствовал сразу. Уханье — сова — предвестник опасности и значимых событий. И Дэй, как обученный монах-воин, должен был это «предвидеть».

Он, стараясь оставаться незамеченным, проследил за мятежниками. Они разделились: молодой пошел в каюту к матросам, помощник капитана двинулся в сторону капитанской каюты.

Это был рослый, с длинными руками, грубоватый в общении мужчина. Он производил впечатление бывалого моряка и очень уверенного в себе человека. Такого лучше сразу обездвигить.

Дэй крадучись догнал противника, обошел его и нанес сбоку не сильный, но точный

удар посохом в подбородок. Помощник капитана даже ничего не успел произнести, а тем более сделать. Он замер и рухнул в подставленные руки Дэй, который схватил мятежника и потащил, оглядываясь по сторонам, к борту. Потом быстро перекинул тело в воду. Послышался всплеск волн. Всё было кончено.

Дэй лег на палубу и медленно, часто останавливаясь, отполз подальше. Он не почувствовал чужой, полный удивления и страха взгляд.

В это время из трюма вышли, громко разговаривая, матросы и побежали к каюте капитана. Их было человек десять, возглавлял отряд молодой мятежник. Из укрытия Дэй смог хорошо разглядеть его.

Теперь необходимо остановить их, иначе погибнут невинные люди.

Дэй выскочил из укрытия и встал, загородив дорогу мятежникам. Посох он держал перед собой.

— Матросы, стойте! Вас обманывают, предлагая вольную жизнь. Вас всех перебьют, чтобы не делиться деньгами и добычей. — Дэй говорил уверенно, весомо, вбивая каждое слово, как гвоздь в доску. — Схватите этого предателя и свяжите. Ведите его к капитану.

Последние слова были лишними. К ним с другими матросами подбегал сам капитан. Одни из бунтовщиков послушались Дэйа, другие вознамерились идти до конца.

Началась потасовка, которая очень быстро закончилась ввиду явного преимущества сил — капитана и его команды.

Дэйа тоже схватили и связали, бросив вместе с мятежниками в трюм. И он очень надеялся, что разберутся и отпустят — ведь на самом деле он предотвратил бунт на лодке.

Однако прошла ночь, день, но никто не выпускал его на волю. Тогда Дэй спросил у караульного матроса, что там решил на счет него капитан.

— Тебя, старик, видели, как ты убил помощника капитана. И все уверяют, что зачинщик ты. А когда понял, что дело не выгорело, переметнулся на сторону капитана и его команды. Не зря ты все ночи стоял на палубе — ждал подходящего момента.

Дэйа при этих словах будто окатили холодной водой, но он и вида не подал, лишь нахмурился.

— Скоро мы причалим к берегу, и ты попадешь в руки правосудия, — торжествующе объявил караульный. — Уж они-то знают, что с тобой делать. И не вздумай бежать, я тебя поймаю, — закончил он, усмехаясь.

Дэй ругал себя: он снова пошел против Неба, он повел себя неправильно, не нашел ту грань между действием и бездействием. Он перестарался.

Но что сделано, то сделано. Монах-воин не печалится долго, он вообще не должен печалиться и сожалеть. Он должен найти способ исправить положение.

И Дэй стал думать: «Утром джонка причалит к берегу, значит, надо постараться уйти сегодня ночью. Без лодки до берега не доплыть. Выбраться из трюма и спрятаться здесь же? Где? Где наверняка не будут искать. А это каюта капитана. Потом уйти на берег и скрыться. А что делать с четырьмя мятежниками, сидящими вместе с ним в трюме. Они наверняка захотят выбраться вместе с ним. И всё испортят. Почему испортят — они помогут. На шум наверняка прибегут капитан и его новый помощник. Каюта будет свободна».

Скоро сменится часовая, пора действовать. Веревку на руках Дэй давно ослабил, собственно, он так расположил руки, когда его связывали, что ее не смогли сильно затянуть.

Дэй высвободил руки и тихо спросил, обращаясь к «сокамерникам»:

— Кто хочет выйти отсюда, слушайте меня.

Все подобралось, в глазах засветилась надежда, но и большое сомнение.

— Нас мало, как мы справимся с командой?

— Ты нас, старик, приведешь напрямиком в Царство мертвых.

— Один раз уже послушались — попробовали воли.

Дэй предвидел такие настроения.

— Слушайте меня, и вы все спасетесь. Я уберу караульного. Мы, стараясь не шуметь, идем к запасной маленькой лодке и спускаем ее на воду. Потом прыгаем в нее и уплываем. Как видите, всё просто.

— Так у нас связаны руки! — с безнадегой в голосе сказал самый молодой из сидящих в трюме матросов.

— Руки я сейчас развяжу. — С этими словами Дэй, как волшебник, показал свои освобожденные от веревок руки. Все воодушевились, восхищенно цокая.

Дэй развязал руки одному матросу и приказал ему развязывать других и делать всё тихо. Сам он поднялся по лестнице к крышке трюма и постучал.

— Чего там? Чего стучите? — спросил часовой.

— Откройте, здесь один из матросов умирает! Задохнулся! — прокричал Дэй. — Посмотрите сами. Ему надо глотнуть воздуха.

— Возись тут с вами, — проворчал часовой и стал открывать трюм.

Как только откинулась крышка, Дэй прыгнул, схватив нагнувшегося часового за горло. Тот захрипел и повалился на напавшего. Дэй втащил караульного в трюм и приказал всем выходить.

— Всем к лодке! — прошептал он, замыкая группу.

Все, стараясь передвигаться быстро, бросились к лодке. Дэй бежал с ними, потом отстал, повернув к каюте капитана. Он спрятался возле нее и стал ждать дальнейшего развития событий.

Арестованные матросы сумели добежать до лодки и даже начали спускать ее. Однако их не могли не заметить.

Раздался сигнал тревоги.

Капитан с помощником, чертыхаясь, выбежали из каюты.

Дэй кошкой метнулся туда.

Для бежавших матросов всё закончилось плачевно: один при сопротивлении был убит, трое других избиты и снова брошены в трюм. Все искали старика, но он исчез. Допросы плененных результата не дали.

— Не старик, а демон какой-то, — ругался капитан, входя в каюту. — А что ты скажешь, Ян? — спросил он, обращаясь к помощнику. За что я прогневал Небо?

— Да, странный старик. Я, думаю, что надо чаще менять команду, чтобы не было сговора между матросами. А старик, возможно, утонул.

— А может, он спрятался и выкинет что-нибудь еще?!

— Так все потаенные места на лодке проверили. Нет никого.

В это время Дэй висел в каюте капитана на потолке, стараясь не смотреть на вошедших. Он представлял себя орлом на скале. Но тело уже не слушалось его так, как раньше. Он очень устал и висел только усилием негибавшей воли.

Улучшив момент, когда капитан и его помощник оказались на одной линии, как раз под ним, а расстояние между стоявшими составило примерно средний рост человека, Дэй прыгнул вниз. Помощника капитана он обхватил ногами за голову, а капитану достались его

умелые, железные руки. Дэй смог обездвижить обоих. Он связал их и уложил на диваны, прикрыв пледами, так, чтобы вошедшие подумали, что капитан и его помощник спят.

Сам Дэй, немного отдохнув, переоделся в костюм помощника капитана и вышел из каюты.

Первые лучи солнца осветили горизонт.

Значит, до берега недалеко и можно доплыть. Он уверенными шагами приблизился к карме джонки. Никто не обратил на него внимания — помощник капитана знает, что делает. Дэй постоял, радуясь солнцу и свободе, снял чужую одежду и прыгнул в море. Он вошел в воду почти без всплеска, поэтому никто ничего не услышал.

«Жди меня, Аи. Я доплыву. Я обязательно найду тебя. Найду вас».

Глава 16

Дурной человек — как айва: цвета много, а внутри пусто

Шифу, один из старейшин монастыря «Черный лотос» и один из советников императора Поднебесной Цзяцина, в ожидании важного чиновника, тоже вхожего в покои императора, размышлял, расхаживая по комнате постоянного двора.

Он почти всегда, когда приезжал в Пекин, останавливался здесь, хотя это было неблагоприятно. Врагов мало не бывает, но необдуманных поступков часто бывает больше, чем врагов.

«Черный лотос», как и 'Белый лотос, как и все более-менее серьезные организации, призванные защищать Поднебесную империю, занимался не только поставкой монахов-воинов в армию и во флот, но и имел разветвленную шпионскую сеть. Разумеется, туда попадали самые способные ученики, закаленные в битвах, проверенные на преданность общему делу.

Шифу еще раньше императора Цзяцина узнал, что готовится заговор против маньчжурской династии Цин. Он сам был китайцем. Но дело есть дело. Смута редко приводит к благоденствию страны. Но если переворот состоится, то «Черный лотос» не должен остаться не у дел, а тем более подвергнуться гонениям.

Их монастырь главный. В нем хранятся тайные рукописи по овладению смертельной техники. Но ученик, способный освоить такие сложные приемы, рождается раз в пятьдесят, а может, сто лет. Сам Шифу немного владел тайной техникой. Но она требовала более сильной, чем у него, энергии и концентрации силы ци. Был еще один ученик, но он стал отступником, он свернул с пути монаха-воина.

Да, сейчас Шифу балансировал между двух огней. Но монастырь «Черный лотос» должен существовать и охранять свою святыню. Впрочем, о ней мало кто знал. Человек, в совершенстве владеющий такой техникой уничтожения, способен покорить мир.

Поэтому Шифу и заручился поддержкой императора — сделал так, чтобы Цзяцин ему доверял, и как мог, как позволяли обстоятельства поддерживал мятежников. Разумеется, тайно. Через того важного чиновника, которого сейчас ждал.

Шифу сможет в нужный момент встать на сторону того, кто придет к власти, и очернить того, кто останется не у дел.

Послышался скрип ступенек. Наверняка по лестнице поднимался его гость. Шифу давно приготовился к встрече: на столе стояли тарелки с рисом, рыбой и овощами и подогретое рисовое вино в маленьком кувшине с суженым горлышком.

— Ни хао, господин Сию. Очень рад вашему приходу, — сказал Шифу гостю.

— Приветствую вас, досточтимый. Благодарю вас за приглашение, — ответил господин Сию.

Они сели напротив друг друга. Хозяин поухаживал за гостем — проследил, чтобы тарелки его были полны, а фарфоровая чашечка наполнена вином. Сам Шифу, сославшись на то, что монахи не пьют спиртное, лишь подливал гостю. Впрочем, гость лишь мочил губы — он должен быть на высоте, дело того требовало, а вот ел господин Сию основательно, с аппетитом, что, конечно же, отметил Шифу. Да, не так прост этот господин. Они

встречались первый раз, если не считать разглядывание господина Сию за ширмой у императора. Разговор продолжился.

— Дело, которому вы решили послужить, непростое, — начал Шифу. — Оно требует тщательно разработанного плана.

— И не только, многоуважаемый Шифу.

— Думаю, вас не так много и вам не хватает людей.

— Да, это правда, — ответил господин Сию, но просить не стал — неприлично так, в лоб.

— Что ж, — после некоторого раздумья, сказал Шифу, — мы дадим вам монахов-воинов нашего монастыря.

На самом деле Шифу давно всё продумал, но не подал вида.

— Но вы понимаете, что в случае провала никто не должен узнать, что рядом с вами сражались монахи-воины.

— Конечно, шицзунь, — ответил господин Сию.

На самом деле в случае провала монахи-воины должны перейти на сторону императора и уничтожить мятежников.

Шифу польстило обращение к нему как к уважаемому учителю. Но придется заставить замолчать и этого чиновника, и его сына Фенга, так, кажется, его зовут, — ради дела. А для начала можно немного припугнуть.

— Как здоровье вашей семьи, господин Сию? — Вопрос был вежливо-безобидным, но прозвучал он с такой интонацией, что господин Сию всё понял.

— Спасибо. Волею Неба всё хорошо, — поспешно, слишком поспешно ответил гость, и это не ускользнуло от Шифу, он нащупал болевую точку господина Сию.

Сию же решил сменить тему. Он не верил, что за ним следят люди императора Цзяцина.

— Недавно я заметил за собой слежку, — спокойно сказал он.

Шифу усмехнулся.

— За всем нужен пригляд, господин Сию. Поэтому и стоит наша империя тысячи лет — у нее хорошие защитники.

Господин Сию облегченно вздохнул, и это тоже заметил Шифу. Пусть думает, что он вне опасности и ему ничего не угрожает. Так лучше для дела.

— А почему вы нам помогаете? — неожиданно для Шифу спросил господин Сию. Причем прямо, в лоб.

— Я тоже китаец. И нас, монахов, тоже притесняют маньчжуры. Будет лучше, если империей станет править китайская династия, — немного подумав, ответил Шифу и закруглил беседу: — Завтра я уезжаю, господин Сию. Монастырь требует ежедневной заботы. Когда вы начнете, дайте знак — прикрепите на ворота вашего дома желтого дракона, и мои монахи-воины придут вам на помощь.

— Я и мои соратники благодарны вам, многоуважаемый Шифу. — Господин Сию встал, поклонился и вышел из комнаты.

Беседа состоялась, и Шифу остался доволен. При любом раскладе «Черный лотос» оставался главным при дворе, неважно, в чьих руках окажется власть.

Господин Сию задумчиво ехал в паланкине. На улицах Пекина было малоллюдно — второй день шел дождь. Такое же пасмурное настроение было и у господина Сию. Беседа вроде прошла успешно, но смутное беспокойство терзало его. Уж очень неприятное

выражение иногда мелькало в глазах Шифу. Даже злое. И от этого господину Сию было не по себе. Да, он, казалось, всё обдумал и подстраховался в случае неудачи, но всё в руках Неба, а Небо посылает испытания.

Дома господин Сию захотел поиграть с детьми, что в последнее время делал редко. Он поддался дочке и «проиграл» в вэйци — облавные шашки. Лан радовалась и хлопала в ладоши, вместе с ней радовался и Сию. Рядом с ними сидел Фенг и пытался подсказывать сестре, на что Сию понарошку сердился. Пришла жена с рукоделием в руках и тоже с интересом наблюдала за игрой, и тоже радовалась победе дочери. Сию ловил это простое счастье, стараясь запомнить каждое мгновение, стараясь впитать его в себя.

— Кажется, завтра дождя не будет, и мы поедem, как я и обещал, кататься за городом, — весело произнес он, глядя на родных.

— Да-да, папа, ты обещал! Я еду на своей лошади! — тут же закричала Лан, вскочила и забегала по комнате.

Фенг старался держаться солидно — он взрослый, но и его лицо светилось.

— Да, а Фенг будет за тобой присматривать.

— Конечно, Сию-гэ, — подтвердил, улыбаясь, Фенг.

— Пойду отдам распоряжение на счет завтрашнего пикника, — тоже улыбаясь, промолвила госпожа Чунтао. Она подумала, что у мужа всё хорошо, раз он так смеется.

Утром все встали рано. Грозовые тучи ушли на север. Солнце светило ярко и казалось, приглашало на прогулку.

Начались приятные хлопоты сбора на пикник — надо ничего не забыть, чтобы потом не сожалеть и чтобы остались только приятные воспоминания.

Наконец процессия, состоящая из четырех слуг, что несли паланкин, где сидела госпожа Чунтао и ее служанка, Ланы, что ехала верхом возле паланкина, Фенга, который тоже ехал верхом позади Лан, господина Сию, скакавшего впереди, и еще четырех слуг-охранников на конях выехала из ворот дома и направилась по улицам Пекина за город.

Лан ехала гордо, держала спину прямой и с превосходством посматривала по сторонам. Фенг наблюдал за ней и усмехался — когда-то и он ездил так же. Госпожа Чунтао любовалась видами из окна паланкина — осень постаралась раскрасить город и с любовью смотрела на детей.

Господин Сию испытывал прямо противоположные чувства: ему было и радостно, и беспокойно — совсем скоро всё может измениться.

За городом выбрали еще зеленую поляну, спешили. Слуги занялись приготовлением еды, дети стали дурачиться — скакать наперегонки, а родители смотреть на них.

— Лан, не гони! Успокойся. Дай лошади отдохнуть, — делал, улыбаясь, замечания господин Сию.

— Фенг, хватит уже! Слезайте с лошадей! — просила госпожа Чунтао совсем нестрого. — Скоро будем обедать.

Но когда дети сразу слушаются родителей!

Лан пришпорила лошадь и помчалась к ближайшим холмам. Фенг бросился за ней. Вскоре они скрылись из вида.

Сначала никто не забеспокоился, но когда дети не появились ни через десять, ни через двадцать минут, господин Сию сел на коня и в сопровождении слуг поскакал к холмам.

То, что он увидел, совсем его не обрадовало: Лан лежала на траве, всхлипывая, возле нее суетился Фенг. Лошади стояли рядом.

— Что случилось? — спросил господин Сию, спрыгивая с коня.

Он подбежал к дочери, наклонился и попытался поднять ее.

— Лан упала, Сию-гэ, — торопливо заговорил Фенг. — Ее лошадь испугалась, когда внезапно перед ней появилась лиса, и понесла.

— Папа, лошадь не виновата. Папа, мне больно.

— Где больно, Лан? Где? — спрашивал Сию, понимая, что случилось непоправимое. — Несите сюда паланкин. Быстро! — дал он команду слугам. — А ты, Цян, скачи в город, найди врача Ливея и привези его к нам.

Все двинулись обратно в город. Лан лежала ехала в паланкине с встревоженной госпожой Чунтао, Фенг ехал с опущенной головой — он чувствовал себя виноватым, он не уследил за сестрой, господин Сию клял себя.

Дома их уже ждал врач — невысокого роста, суевливый, с длинными пальцами на руках. От него пахло травами и снадобьями.

Лан немного успокоилась и задремала. Ее внесли в комнату и уложили на кровать.

Врач Ливей под присмотром госпожи Чунтао начал осмотр. Лицо его и так серьезное стало озабоченным.

— Девочке нужен покой. Я дам успокоительное, — сказал врач, обращаясь к госпоже Чунтао.

С господином Сию был другой разговор.

— Боюсь, что задет позвоночник. Она почти не чувствует ног. Будем наблюдать и надеяться на лучшее. Всё в руках Неба.

— Благодарю вас, доктор Ливей.

— Я заеду дня через два. Если девочке станет хуже, приезжайте за мной в любое время.

А на кухне слуги шептались:

— Лисица — это нехорошо, это дурной знак.

— Да, это, скорее всего, была лисица-оборотень — хули-цзин.

— Не к добру, не к добру.

Глава 17

Если рыба захочет — вода уступит

Кажется, Небо устало испытывать на прочность путешественников поневоле.

Донг и его малочисленная команда на этот раз благополучно достигли берега. Они решили не заходить в главный порт, а остановиться в одной из бухт, что разбросаны по всему побережью.

Однажды вечером, когда до берега оставалось плыть всего одну ночь, Донгу удалось переговорить с Ксу.

Его мучила тайна талисмана, который он увидел на груди девушки. Она назвала себя Ксу, дочь Дэя звать Роу. Откуда у Ксу талисман Дэя? Как он попал к ней? Или всё же это дочь Дэя, но решила скрыть свое имя?

Они вдвоем сидели в каюте капитана и пили чай.

— Ксу, мы так долго плывем вместе, а ты никогда ничего не рассказывала о себе, — завел разговор Донг.

— Так и вы, господин капитан, ничего не рассказывали о себе, — полушутя парировала Ксу.

— Я... — Донг растерялся — имеет ли он право говорить правду? Ему нравится эта девушка, но он воин-монах. — Мы с Киу крестьяне. Нас взяли в плен подлые люди и продали в рабство.

— Хм... Я бы сказала, что это не очень похоже на правду.

— Почему ты не веришь мне, Ксу? — стал горячиться Донг. Ведь их с Киу действительно схватили.

— Можешь не говорить, Донг. У каждого своя тайна.

— И ты не поделишься своей? — снова стал горячиться Донг. Он вскочил и прошелся по каюте.

Девушка молчала.

— Ксу! — Донг приблизился к девушке. — Посмотри на мой талисман. Разве ты не заметила, что наши талисманы похожи, как два ручья в горах?

Ксу вынула из рубахи талисман и приблизила к талисману Донга.

— Ты... сын Дэя?! — удивленно воскликнула она. — У моего отца еще был сын? Так мы родственники? — Теперь в ее голосе Донг услышал нотку разочарования, что порадовало юношу.

— Нет, Ксу, вернее, Роу, я не сын Дэя, а его ученик.

— Так где же мой отец? Мама не уставала его ждать! Даже когда ее выдали замуж. Все думали, что он утонул во время шторма. Значит, он не погиб?

— Нет, Ксу. Пусть ты пока останешься для всех Ксу. Твой отец очень сильный человек, он не утонул. Мы жили в Маленькой деревне. Мне было пять лет, года сосед Минь спас и привез на лодке очень изможденного и обессиленного старика. Мы подружились. Я был маленьким и совсем не умел постоять за себя. Дэй научил меня защищаться. А потом... Потом на нашу деревню напали бандиты. Мой отец погиб, маму, брата и сестру угнали в рабство. Я ничего не знаю о них. Но я обещал Дэю, что найду тебя и своих родных.

Ксу слушала внимательно, с жалостью к юноше. Когда он замолчал, пришла ее очередь рассказывать о себе.

— Мы с мамой тоже выжили в этом жестоком шторме. Но я всё знаю больше из рассказов мамы. Мне тогда было шесть лет. Нашу джонку, благодарение Небу, прибило к берегу. Нас приютила рыбацкая семья. У мамы еще оставались деньги, и она решила вернуться на родину, в родительский дом. Ее родители приняли нас неласково. Правда меня потом сразу полюбили и баловали, а маму не простили. Они считали, что она опозорила их семью. Вскоре мамин отец насильно выдал ее замуж. И мы уехали к новому маминому мужу. Даже не хочу называть его имя.

— Почему, Ксу? Он плохо с вами обращался? — спросил Донг, и кулаки его невольно сжались.

— Мама не любила мужа. Она вышла замуж из-за меня, чтобы я жила в достатке. А потом... когда я выросла, он стал ко мне приставать. Тогда я решила сбежать из дома. Остальное ты знаешь: меня поймали бандиты и продали в рабство.

— Ксу, сколько тебе пришлось пережить! Но теперь всё будет по-другому. Мы найдем твоего отца и приедем к твоей маме. Верь мне.

Донг обнял девушку.

— Я верю тебе, Донг.

Они, счастливые, стояли обнявшись, боясь отойти друг от друга, как будто Небо скоро снова разлучит их.

Донг подумал, что можно продать джонку. На эти деньги устроить в городе Ксу и поваренка Юна. Киу с ним согласился. Их задача — борьба с вокоу. Поэтому Донг, Киу и Изао присоединятся к воюющему флоту Поднебесной, а Ксу и Юн будут их ждать.

Решили, что Киу останется на джонке охранять, а Донг найдет в городе покупателя.

Рано утром Донг направился в город. Их джонка трехмачтовая, дорогая, и покупатель должен быть солидным, при деньгах.

Сначала Донг потолкался в порту, потом порасспрашивал на базаре. Никто не сказал ему, где найти такого покупателя.

Ближе к вечеру уставший Донг зашел в харчевню поужинать. Здесь он обратился к хозяину с тем же вопросом: может, хозяин знает такого человека, кому нужна большая джонка и кто сможет ее купить. И главное — совсем недорого. Хозяин харчевни недоверчиво разглядывал скромно одетого посетителя. И всё же решился, послав за покупателем слугу-мальчишку. При этом он поставил условие: если сделка состоится он посетитель должен будет заплатить ему проценты от суммы покупки.

Донг согласился и остался ждать. Вскоре в харчевню зашел... Донг никак не мог определить национальность покупателя: то ли вьетнамец, то ли кореец. По-китайски незнакомец говорил хорошо, но Донг уловил акцент.

На вид мужчине было лет пятьдесят. Одежда не сказать, чтобы дорогая, но и не дешевая. Скорее, потрепанная. Небольшой шрам на лбу и на правой щеке не портили его лицо, а, наоборот, делали его мужественным.

Они поднялись на второй этаж, в свободную комнату, чтобы им никто не мешал.

— Так значит, вы продаете джонку? — еще раз переспросил покупатель.

— Да. Трехмачтовую джонку. Состояние лодки хорошее, — ответил Донг.

— Ну, лодку мы сами осмотрим утром. Если вы не возражаете?

— Нет. Как же покупать товар, не посмотрев.

— Хм... Очень просто, юноша. Я даю вам, так и быть, одну треть стоимости лодки.

Сейчас. Вы говорите мне, где стоит джонка. Всё просто.

— Но... — опешил Донг. — Но я же могу вас обмануть.

— Не советую, — угрожающе произнес покупатель и зло посмотрел на Донга.

Донгу нужно было дать ответ, и он думал: конечно, хорошо бы получить деньги сразу. Одна треть тоже солидная сумма. Этих денег должно хватить, чтобы снять комнату для Ксу и Юна, и еще останется на жительство, пусть и скромное. Но внутренний голос говорил Донгу, что сейчас деньги брать не стоит.

— Я думаю, будет лучше, если вы придете завтра утром и осмотрите лодку, — ответил Донг, помолчал, потом, глядя в глаза незнакомцу, добавил: — И может быть, тогда вы дадите за лодку больше.

Незнакомец рассмеялся, похлопал Донга по плечу и сказал:

— Что ж, пусть будет по-твоему, юноша. Назначай встречу.

Донг вышел из харчевни, когда на город надвигались сумерки. Он шел быстро, стараясь, где можно, сократить путь. Людей на улицах стало меньше. Донг думал о встрече, о покупателе, как вдруг почувствовал взгляд. Кто-то буквально сверлил ему спину. Донг, не оглядываясь, зашагал быстрее, свернул с главной улицы и замер возле старого, покосившегося забора, который окружал такую же старую лачугу. Но никто не последовал за ним.

Донг немного постоял возле забора и двинулся дальше. Может, ему показалось. И только у берега, когда он собирался плыть к джонке, Донг снова почувствовал, что на него смотрят. Что ж, это означает, что за ним следили и выследили. Возможно, проверяли, на самом ли деле в этом месте стоит джонка. А то придет продавец с деньгами...

Киу набросился на Донга с упреками — он переживал за друга.

— Где тебя носит? Почему так долго? Я уже не знал, что думать!

— И что делать... Прости, Киу, это моя ошибка. Случиться могло всё что угодно. Я должен был это предвидеть и посоветоваться с тобой, что делать в случае моего невозвращения.

— Да ладно. Лучше расскажи, что тебе удалось.

— Я нашел покупателя. Интересный персонаж. Думаю, перекупщик. Хотел дать одну треть цены. Сразу. Я поостерегся — не взял. Завтра он обещал быть здесь. А сейчас, когда я шел к вам, за мной следили.

— Отобьемся, — спокойно сказал Киу. — Иди, тебя Ксу ждет. Весь день ходит сама не своя.

Донг смутился, но вида не подал.

— Может, отплывем на ночь в море? — спросил он. — В любом случае придется охранять лодку.

— Ты прав. Отплывем. Первую половину ночи буду охранять я.

Ночь прошла спокойно, без происшествий. Утром джонка снова вернулась к берегу. Стали ждать покупателя. И только сейчас Донг подумал, что надо было отправить в город Ксу и Юна, устроить их там на время. Ксу так радовалась вчера, когда он вернулся.

Но поздно — покупатель с двумя молодыми помощниками вышли на берег.

Донг не знал, как поступить. Наверняка покупатель со шрамами пришел не с двумя помощниками. Неизвестно, сколько их прячется в прибрежных кустах. Джонка — хороший

куш. А в данном случае еще есть возможность взять ее даром — место пустынное и юноша наверняка не хозяин лодки.

— Киу, надо увести Ксу и Юна.

— Хорошая идея, Донг, но... как? И потом, ты останешься один на один с покупателем и его командой.

— Я возьму с собой Изао, — ответил Донг.

— Ах да, мы забыли про Изао, — с иронией сказал Киу и добавил: — Толку-то от него.

— Киу, перестань, — разозлился Донг. — В последнее время ты сам не свой. — Донг помолчал и высказал свою догадку: — Тебе тоже нравится Ксу?

Киу опустил глаза и ничего не ответил.

— Киу, я не виноват, что она выбрала меня, и сейчас не время для разборок. Забирай Ксу и Юна и веди их в безопасное место. — Донг подошел к другу, и они обнялись.

На берегу уже поджидали Донга, который шел по мелководью к берегу. За ним, отстав на несколько метров, двигался Изао.

— И это вся твоя команда, юноша? — с усмешкой спросил покупатель, надеясь выяснить, сколько людей на судне.

— Всегда ли важно количество? — тоже с усмешкой ответил вопросом на вопрос Донг.

— Что ж! Будем осматривать судно? — Снисходительное выражение лица, казалось, было приклеено к покупателю.

Донг тянул время, чтобы его друзья смогли скрыться.

— Можно и осмотреть, но сначала я бы хотел увидеть деньги.

— Увидеть легко, взять трудно, — теперь уже, не сдерживая себя, смеялся покупатель, доставая из кармана пачку денег. Вместе с ним смеялись и его помощники.

Изао стоял поодаль, как и велел ему Донг, с ничего не выражающим лицом. Они договорились, что он вступит в драку, если такая случится, только в случае большой опасности, чтобы помочь Донгу. Но будет лучше, если он просто скроется в городе и найдет там Ксу и Юна.

— Я думаю, мы с вами пойдем осматривать лодку, а мой помощник и ваши останутся на берегу.

— Много думаешь, юнец. Ты оставишь меня на джонке с деньгами и уйдешь в море. Тебе достанутся и деньги, и джонка, и... ха-ха, я.

— Деньги...

— Нет уж, — перебил Донга покупатель. — Мы втроем и ты пойдем осматривать джонку, — твердо, командным голосом сказал человек со шрамами. — В противном случае будем считать нашу встречу недоразумением, — снова стал усмехаться он.

Донг согласился. Он справится с тремя, если они задумали его убрать и захватить джонку. Донг глянул на Изао — уходи, не жди меня, говорил его взгляд. Тот понял и незаметно кивнул.

Но неожиданно для всех покупатель изменил решение.

— Мы с тобой, юноша, останемся здесь. А твой помощник с моими пусть идут. На берегу мне будет спокойнее. Я же не знаю, сколько у тебя на джонке людей.

— Тогда пусть твои люди дадут знак, если с лодкой всё в порядке и вы ее покупаете. Вы сразу отдаете мне деньги и я уйду. Разумеется, с командой.

— Я не против, юноша, — согласился покупатель и велел помощникам идти к джонке.

В это время Киу с Ксу и Юном добрались до берега, где можно было спрятаться и передохнуть, а потом идти дальше. Но им не повезло. Им надо было плыть еще дальше от лодки, что и хотел сделать Киу, если бы его подопечные не выбились из сил. Ксу чуть не задохнулась под водой, она с трудом переводила дыхание. Таким же жалким выглядел и Юн.

Их без труда заметили и сразу напали. Киу, который шел сзади, почувствовал опасность и вовремя обернулся — его хотели ударить по голове бамбуковой палкой.

Киу ловко перехватил палку и сам нанес удар противнику. Слева к нему бросился еще один бандит с ножом в руке. Киу ударом палкой по руке выбил нож и тут же нанес еще один удар в солнечное сплетение. Противник задохнулся и упал. Киу побежал за остальными двумя — они волокли упирающегося Юна и Ксу.

Киу концом палки с разбега ткнул одному в позвоночник. Бандит охнул, ноги у него подкосились, и он рухнул на песок лицом вниз. Второй ловко увернулся от удара и, в свою очередь, ножом прошелся по руке Киу. Запахло кровью. Киу отступил и, не обращая внимания на кровь и боль, ударом ноги в голову достал бандита. Голова того дернулась, глаза не успели закрыться. Он так и лежал, растерянно глядя в небо.

— Ксу, Юн, бежим! Не отставайте! — позвал Киу, и они двинулись в сторону города. Когда опасность миновала, Киу приказал ждать их с Донгом и Изао на базаре. Сам же повернул обратно, чтобы помочь друзьям.

Донг с покупателем остались на берегу. Это был рискованно. Помощники человека со шрамами могли выкинуть Изао за борт и увести джонку, но покупатель находился здесь, рядом с Донгом. Если он думал сбежать, не расплатившись, то сильно ошибался.

Вскоре на носу лодки показались помощники покупателя. Они махали руками, давая понять, что, мол, всё в порядке, можно отдавать деньги.

Однако Донг как монах-воин монастыря «Черный лотос», входящий в высшую, последнюю касту, конечно, знал тайные знаки бандитов и легко прочитал по рукам, что «лодка свободна» и «что будем делать дальше». Изао они в расчет не брали.

Покупатель помедлил и так же, руками велел помощникам возвращаться. Потом обратился к Донгу, глядя, как идет к берегу Изао:

— Ваш приятель японец?

— Да, — не стал скрывать Донг.

— Так вы вокоу?!

Донг, усмехнулся и не стал ни подтверждать, ни опровергать услышанное.

— Так бы и сказали сразу, — обрадовался покупатель. — Всегда рады помочь нашим братьям, — с этими словами человек со шрамами на лице достал деньги.

— А вы из какого клана, юноша? Кто у вас главный?

Донг от напряжения, как назло, забыл имена главарей вокоу. Здесь нельзя ошибиться с названиями островов и именами главарей, которые контролируют эти острова. Но ему помог, хотя как посмотреть, Киу.

Действуя, как всегда, прямо и смело, Киу принялся драться с бандитами, что засели неподалеку в кустах. Продавец повернулся посмотреть, в чем дело. В этот момент Донг выхватил деньги и двумя пальцами ударил покупателя в грудь, в одну из болевых точек. Потом бросил деньги подбежавшему Изао, которому удалось свалить в воду помощников покупателя и оторваться от них.

— Изао, беги! Спрячь деньги! Мы их задержим, — быстро проговорил Донг.

К ним уже подбегали двое помощников человека со шрамами. Донг вступил в схватку. Его реакция была быстрее, а удары точнее. Сначала, как будто споткнувшись, упал один, зажимая пах. Затем, разрезав ножом воздух, там, где еще мгновение назад находился Донг, на песок повалился второй, со сломанной ногой и челюстью.

Но в это время лежащий на песке покупатель полез за пояс. Донг увидел и сразу сообразил, что тот, скорее всего, достанет пистолет. Донг леопардом метнулся к человеку со шрамами и почти накрыл его, сбивая всем телом.

Раздался выстрел.

Донг почувствовал, как горячий маленький шарик вошел в ногу и остановился. Боль залила, захватила всё тело. Донг застонал, но еще смог ударить покупателя. Тот обмяк и выронил пистолет.

Всё закончилось.

Киу, не обращая внимания на порезанную руку, легко расправился с тремя бандитами и подбежал к Донгу.

— Донг, что с тобой? — встревоженно спросил он, осматривая друга.

— Нога... — стиснув зубы от боли, едва выговорил Донг.

— Сейчас перевяжем, потерпи.

— Надо уходить. Выстрел наверняка услышали.

Киу торопливо перевязал стонущего Донга, и они как можно быстрее постарались покинуть место схватки. При этом Киу успел прихватить одежду помощников покупателя. Донгу нужно было переодеться, что они и сделали недалеко от города.

Донг с палкой в руке медленно шел, преодолевая боль. Его поддерживал Киу. Вскоре к ним присоединился и Изао, спрятавшийся неподалеку от входа в город.

Когда они наконец добрались до гостиницы, Донг рухнул на кровать. У него начался жар.

Киу понял, что самому не справиться, нужен доктор. Он нашел и Ксу с Юном, и доктора.

Операция длилась недолго. Доктор, высокий, статный англичанин, говорил мало, а денег взял много и оставил лекарства, восхитившись на своем малопонятном китайском языке фигурой и стальными мышцами пациента.

Ксу украдкой плакала, глядя на Донга. Ей отвели место за ширмой.

Юн был рад, что они снова все вместе, и жалел Донга.

Изао больше молчал, помогая Ксу ухаживать за раненым.

Остаться долго в городе было нельзя — их найдут, и тогда пощады не жди.

Поэтому Киу принял решение купить лошадей и уходить всем, как только Донгу станет немного лучше.

Глава 18

От судьбы трудно ускользнуть

После смотрин девочки долго не могли заснуть — обсуждали господина Тао, гадали, кого же он выбрал. Шучун после выпитого вина уснула, и теперь ее разбудили их голоса.

— Он выбрал Лупи. Точно вам говорю, — настаивала Джигуа.

— Да, Лупи. Господин Тао водил ее за ширму, — подтверждала Ниу. — А на меня он вообще не смотрел.

— Он смотрел на Шучун, — засмеялась Лупи, и все повернулись к проснувшейся Шучун.

— Зачем ты пила вино, Шучун? — спросила Джигуа и, не дождавшись ответа, ответила сама: — Ты боялась идти за ширму.

Девочки засмеялись.

— Лупи, а что там было за ширмой? Расскажи, — попросила Ниу. — Так интересно!

Но что было за ширмой, Лупи рассказать не успела — в комнату вошла сердитая госпожа Чжэн Ши.

— Почему не спим? Завтра господин Тао, надеюсь... — При этих словах госпожа Чжэн Ши сделала паузу, выразительно посмотрев на девочек. — Пришлет палантин к одной из вас. О том, как вы себя вели при господине Тао, поговорим завтра. А сейчас всем спать!

Когда дверь за госпожой Чжэн Ши закрылась, девочки, выждав, когда стихнут шаги хозяйки, заговорили снова — шепотом.

— Представляю, как рассердится госпожа, если не приедет паланкин, — понизив голос, проговорила Джигуа.

— С чего ты взяла, что не приедет? — спросила Лупи.

— А ты спишь и видишь себя в этом паланкине! — обиженно прошептала Ниу.

— А ты бы лучше поменьше хихикала, Ниу. Ты совсем не знаешь, как вести себя с господином. Конечно, он выберет меня! — нисколько не сомневаясь, выдала Лупи.

— Девочки, не будем ссориться. Завтра всё узнаем, — примирительно сказала Джигуа и добавила, усмехнувшись: — А по-моему, господин Тао никого не выбрал.

Это был камешек в огород Лупи, возмнившей себя самой умной и красивой.

Шучун в разговор не вступала. У не сильно болела голова, и она думала, что делать, если паланкин приедет за ней. И как ей поможет Мин. Но он обещал. Он не может бросить ее.

Так быстро наступило утро. Так не хотела Шучун, чтобы наступил рассвет.

Но нельзя остановить то, что нельзя остановить.

После утреннего туалета все пошли завтракать. Девочки понимали, что пройдет каких-нибудь два часа, и жизнь одной из них изменится навсегда. Поэтому шли притихшие и ели молча. Вчера вечером всё обсудили.

После завтрака начался урок по рукоделию — вышивание по шелку. Шучун любила эти уроки. У нее получалось лучше всех, поэтому госпожа Чжэн Ши часто хвалила ее и ставила ее пример. Но сегодня Шучун почти не слышала, что говорит госпожа. Руки не слушались девочку.

В середине урока в дверь постучали, и в комнату, склонив голову, вошел Мин. Все сразу поняли, что наверняка приехал паланкин господина Тао. Всеобщее оживление охватило

класс.

Шучун сжалась, как будто сейчас ее ударят плетью.

— Девочки, продолжайте занятие. Я скоро приду, — сказала госпожа Чжэн Ши и удалилась.

Наступили тяжелые для Шучун минуты ожидания. Никто не произнес ни слова, но и рукоделием не занимался.

Прошло минут пятнадцать, и в класс торжественно вошла госпожа Чжэн Ши.

— Итак, мои девочки, сегодня одна из вас покинет мой дом, — с ноткой облегчения сказала хозяйка «синего дома» — господин Тао мог и не выбрать никого, а это деньги и репутация. — Надеюсь, что мои уроки пошли вам на пользу. Я стараюсь дать те знания, которые вам пригодятся в доме мужа.

Хоть бы быстрее назвала имя, торопила ее Шучун — она устала ждать и волноваться, она почти смирилась со своей судьбой.

— Итак... госпожа Чжэн Ши сделала паузу, — нас сегодня покинет Шучун.

Класс загалдел. Луци сердито смотрела на Шучун. Джигуа поглядывала с торжеством в глазах на Луци, а на Шучун немного с жалостью — как-то сложится жизнь этой тихой, совершенно не умеющей за себя постоять малявки.

— Девочки, успокойтесь! Шучун, иди собирайся. Тебе поможет Мин. Все остальные продолжают занятие.

Шучун встала и на ватных ногах вышла из класса.

Она не помнила, как пришла в спальню, как начала складывать вещи, и даже не сразу обратила внимание на вошедшего Мина.

— Шучун, это я, Мин. Давай быстрее. Я всё придумал, — быстро проговорил Мин.

В глазах девочки мелькнула надежда.

— Сейчас ты спрячешься на кухне в дальнем бамбуковом коробе, где лежат овощи, а завтра я вынесу тебя в мешке с мусором. Придется потерпеть.

Потерпеть — это пустяк. Она вытерпит всё, лишь бы не ехать в ненавистном паланкине к старому мужу.

Им удалось пробраться на кухню незамеченными, и Мин, уложив Шучун на дно короба, забросал ее мешками с продуктами. Еще ночью он проделал в этом коробе отверстие, чтобы девочке было легче дышать.

Госпожа Чжэн Ши почти заканчивала урок, когда в класс снова зашел Мин.

— Госпожа, девочки нигде нет.

— Как — нет?! — заволновалась хозяйка «синего дома».

Класс забурился, как горный водопад.

— Найди ее, Мин!

Такое случилось. Девочек можно понять. Лишь бы не самоубийство. Хватит с нее одного раза.

«Эх, надо было самой собирать девчонку! — пришла запоздалая мысль. — Нет, Шучун на такое не способна. Скоро она найдется. Спряталась где-нибудь и сидит. Какой позор!»

Мин выбежал из класса и стал изображать активные поиски.

На поиски пошли и ученицы, не ожидавшие такого поворота событий.

Были допрошены все слуги: никто ничего не видел, из дома никто не выходил.

Шучун как сквозь землю провалилась. Вот тебе и тихоня.

Паланкин никого не привез господину Тао, и госпожа Чжэн Ши ломала голову, как

уладить дело. Чтобы девочка не нашлась — такое случилось впервые.

Мин сильно рисковал. Он с таким трудом устроился в «синий дом», который находится недалеко от дворца императора и где бывают высокопоставленные чиновники. Мину пришлось заплатить «веселым людям» и разыграть целое представление — нападение на госпожу Чжэн Ши и ее чудесное спасение. И спасителем, конечно, был Мин. А перед этим он чудом спасся от вокоу, когда устроился слугой к капитану джонки.

Но Мин не смог бросить Шучун.

Рано утром он вынес ее в мешке с мусором.

Шучун радовалась. Сердце ее сжималось от предстоящих перемен — что будет с ней дальше? Куда они уйдут с Мином?

Мин так и принес в мешке с мусором Шучун к одному из домов в бедном квартале Пекина. В доме жила пожилая пара, дочери которой давно покинули родительский дом. Мин договорился, что Шучун пока поживет у них, и пусть они всем говорят, что это их внучка, дал денег и пообещал, что принесет еще, попрощался с печальной Шучун и быстро ушел — ему нельзя было опаздывать, чтобы не вызвать подозрение госпожи Чжэн Ши.

Вскоре госпожа Чжэн Ши снова вызвала к себе Мина для разговора о пропавшей Шучун.

— Мин, я расспросила девочек. Они говорят, что ты оказывал знаки внимания Шучун?

Мин не ожидал такого поворота событий и буквально на секунду изменился в лице. Однако этой секунды хватило госпоже Чжэн Ши, чтобы начать подозревать Мина, хотя он и оправдывался, и клялся, что это была всего лишь детская влюбленность со стороны Шучун, а он не смог ее оттолкнуть. Но он не помогал девочке убежать. Зачем ему терять такое хорошее место, где и кормят, и платят, да и работа не тяжелая.

Но разозлившаяся, потерявшая деньги госпожа Чжэн Ши, имея разные знакомства, решила всё проверить. Она, используя связи, наняла двух «малошпетильных людей» для слежки за слугой Мином.

Старики приняли Шучун ласково, всячески оберегали ее, не нагружая домашней работой, но она совсем по-другому представляла себе будущую жизнь. Она не понимала, почему Мин не уходит от госпожи Чжэн Ши, почему они не уезжают из этого большого, суетного города. В те радостные дни, когда появлялся Мин, Шучун не смела спросить его об этом.

Мин приходил редко и всего на час-другой, чтобы не вызвать подозрение долгим отсутствием. Вот и сегодня он поговорил со стариками, посидел с Шучун и засобирился обратно в «синий дом».

— Мин! — Шучун так близко подошла к юноше, что казалось, он слышит, как бьется ее сердце. — Мин... когда ты больше не будешь уходить? — решила спросить Шучун.

— Шучун, скоро, очень скоро я не уйду. Верь мне! — Что еще мог сказать Мин — только вселить надежду. Он и сам не знал, что будет дальше, что будет с ними. Он — монах-воин, и этим всё сказано. Но как это раскрыть Шучун?

Они простились у старой раскидистой груши, что росла во дворе дома.

Они не видели, как хищно и торжествующе горят глаза у наблюдавших за ними.

Мин быстро шел по улице, погруженный в себя, не замечая ничего и никого вокруг, — он думал о Шучун. Он не заметил, как двое, по виду мелкие ремесленники, сменяя друг друга, следили за ним. И только когда до «синего дома» оставалось пройти одну улицу, Мин не увидел, а скорее, почувствовал опасность.

Туча накрыла солнце, ветер пробежался по макушкам деревьев, потом еще раз, швырнув пожелтевшие листья прямо на Мина — на голову, под ноги... в лицо.

Мин вздрогнул, резко оглянулся и встретился взглядом со своим преследователем. И этого мгновения хватило, чтобы они всё поняли друг о друге.

Началась схватка.

Его преследователь был старше, выше и тяжелее. Но монах-воин научен справляться с любым противником. Мин сделал фальшивый выпад, отклонился и нанес короткий, но резкий удар в челюсть. Его преследователь тоже имел неплохую реакцию. Несмотря на то, что он повелся на ложный выпад, всё же сумел в последний момент отклониться. Так что удар Мина прошелся вскользь. В свою очередь следивший за Мином ударил ногой в коленную чашечку. Чудом Мин успел сгруппироваться и отскочить. И тут же, без передышки, сам пошел в атаку, нанеся несколько ударов обеими руками в болевые точки корпуса. Противник пошатнулся, и этого было достаточно, чтобы добить его. Мин ударил одним пальцем в точку чуть выше кадыка — всё закончилось.

Всё закончилось — так подумал Мин. Он не знал о втором следившем, который поспешил доложить госпоже Чжэн Ши о том, куда ходил Мин.

Мин привел себя в порядок и как ни в чем не бывало появился в доме госпожи Чжэн Ши.

Хозяйка «синего дома» была в ярости. Она отправила слуг за Шучун и приказала, чтобы к ней пришел Мин, как только он придет.

Мин, ни о чем не подозревая, зашел в комнату к госпоже Чжэн Ши. Та сидела за столиком, на котором стояла ваза с цветами и лежали сянци — китайские шахматы.

— Проходи, Мин, садись, — спокойно сказала госпожа Чжэн Ши.

Мин, удивленный, сел за стол.

— Если ты выиграешь у меня, я тебя прощу. А если выиграешь три партии подряд, то я, так и быть, отпущу тебя с Шучун.

Мин растерянно молчал. Он не ожидал такого поворота событий. Мин, конечно, знал правила и умел играть. Но он совсем не знал, как играет госпожа, и он давно не практиковался именно в настольных играх.

— А что будет, если я проиграю? — прямо спросил Мин, садясь за стол.

— Посмотри, в вазе стоят засохшие цветы. Они по-своему прекрасны, но... — госпожа Чжэн Ши усмехнулась. — Начнем.

И они начали играть.

Доска была разложена. На одной линии выстроились черные фигуры в форме шашек, напротив — красные. Река пролегла между ними. Госпожа играла черными, она отдала слуге первый ход — Мину достались красные.

Первую партию играли медленно, сосредоточенно и молча. С большим трудом, но выиграл Мин. Он расслабился, облегченно вздохнув. Лицо госпожи Чжэн оставалось бесстрастным, лишь в глазах промелькнула легкая усмешка — Мин не понял, что госпожа намеренно поддалась ему. Она, как опытная куртизанка, заманивала противника в любовные сети.

Вторая игра началась так же медленно, как и первая, но к середине партии соперники стали делать ходы быстрее. И снова выиграл Мин. Он не удержался и торжествующе посмотрел на госпожу Чжэн Ши, однако сразу опустил глаза. Лицо хозяйки «синего дома» ничего не выражало, но Мин не мог понять, почему от госпожи шла энергия невозмутимости

и твердой уверенности в себе. Это его смущало и настораживало.

Началась третья партия. Мин снова играл красными, поэтому первый ход — а это небольшое преимущество — делал он. В этот раз госпожа Чжэн Ши не молчала.

— Посмотри, Мин, как волнуется во дворце король. Он не может покинуть его, а ему, как всегда, угрожают со всех сторон. Королю не может помочь и советник — что он может сделать, сидя во дворце. Министру позволено больше, но он не может пересечь реку. Ладья — свободная женщина, если на ее пути нет никого.

Мин слушал и делал ходы молча. Он начинал понимать, что хочет сказать ему госпожа. Образ ладьи — это, скорее всего, она говорит о себе. А госпожа Чжэн Ши продолжала:

— Хорошо ладье иметь коня, но и на нем далеко не ускачешь — любая фигура остановит его. Так, может, ладье поможет пушка? Пушка — хорошая фигура, но и у нее есть препятствие — пустая клетка. Остается пешка. В шахматах всё как в жизни, Мин. — Госпожа Чжэн Ши хлопнула в ладоши. Вошла служанка.

— Шу, принеси нам... сливовый морс. Очень пить хочется.

Шу вышла исполнять поручение. Вскоре на столе стояли кувшин с морсом и две фарфоровые чашки.

— Так вот, Мин, пешка ходит только вперед. — Госпожа Чжэн Ши разлила напиток и первой выпила, приглашая Мина последовать ее примеру, что он и сделал. — А чтобы пешка ходила и по горизонтали, надо переплыть реку.

Это были последние слова, которые услышал Мин. Он захрипел, схватился за горло и рухнул на пол, смахнув со стола доску с недоигранной шахматной партией.

— Доиграем в Царстве мертвых, Мин.

Госпожа зло посмотрела на лежащего Мина. Из-за ширмы вышел слуга, связал ему руки и ноги, упаковал в мешок.

Как стемнело, Мина вывезли за город и бросили в воду.

«Пешка» Мин не переплывет реку Чаобайхэ, а значит, больше не сможет мешать делу госпожи Чжэн Ши.

Женский, изящный мат был поставлен.

Глава 19

Даже тем, кто находится далеко друг от друга, судьбой предначертана встреча

Дэй, подгоняемый мечтой встретиться с женой и дочкой, доплыл до берега. Он добрался до города Аньяна, где много лет назад встретил любовь — свою Аи.

Ему очень хотелось поскорее дойти до дома, где когда-то жила его жена. Может, она и сейчас там, с дочкой Роу. Но он медлил, он не хотел потерять то, что держало его, что поддерживало его в жизни. Он боялся, что Аи давно замужем за другим и счастлива, что дочка едва ли узнает его. Но больше всего он боялся, что узнает о том, что они не вернулись, что никто не знает, где они.

Что они погибли.

Дэй шел по знакомым улицам, которые теперь, спустя пятнадцать лет, казались малознакомыми. Он старался идти небыстро, но ноги сами торопили его.

Вот и та самая улица, где стоит дом родителей Аи, вот и ореховое дерево, где они прятались от дождя с Аи. Вот и ее дом.

Дэй замедлил шаг. Он сильно волновался. Он — старик с посохом, в старой одежде. Его, скорее всего, не узнают и прогонят. Впрочем, прогонят в любом случае — он опозорил семью Аи.

Дэй остановился неподалеку и присел в надежде, что сейчас распахнутся ворота и... Но так бывает только в сказках и легендах.

Солнце поднялось высоко, но не припекало — тепло его было осенним, ласковым. Легкий ветер лениво обрывал листья, и они медленно, плавно исполняли свой последний танец.

Дэй всё сидел, не решаясь разрушить — разрушить мечту, узнать правду.

Так он, не придумав ничего лучше, просидел до вечера и собрался уходить, чтобы прийти завтра, но вдруг Небо сжалилось над ним — ворота открылись, из них вышел старый слуга. В добротном ханьфу, с корзиной в руке.

Дэю показалось, что он знает этого слугу по рассказам Аи. Вот только имя не может вспомнить. Дэй встал и пошел за слугой. А тот, пройдя три дома, остановился у четвертого и постучал в ворота. Ему открыли, и слуга зашел в дом. Дэй снова остался ждать. На этот раз недолго. Слуга вышел с той же корзиной, но было видно, что она стала тяжелее.

Дэй бросился к слуге, сдерживая волнение.

— Уважаемый, простите, но вы случайно не знаете, где дом господина Лина?

Слуга подозрительно смерил его взглядом.

— Зачем тебе, старик, господин Лин?

— Когда-то давно я спас его семью от нападения бродяг. И вот оказался в этом городе и на этой улице.

— Да, припоминаю...

Слуга не успел ответить, как Дэй перебил его:

— Как здоровье господина Лина и его семьи?

— Ты, старик, действительно давно не был в нашем городе. Наш господин умер два года назад.

— Да, это прискорбно, — сказал Дэй и тут же торопливо добавил: — Но у него, благодарение Небу, думаю, остались родные — есть кому ухаживать за могилой. Хороший был человек.

— Да. Пока есть. Вдова Юнру.

— Но, кажется, у них была дочь?

— Дочь вышла замуж и давно не живет с ними.

У Дэя перехватило дыхание. Он закашлялся и с трудом произнес:

— Что, она живет так далеко, что не навещает мать?

— Да уж не близко — в самом Пекине. Она замужем за господином Шоном⁵. Очень богатый господин. Ей повезло.

— Прямо в самом Пекине?! — фальшиво восхитился Дэй.

— Ну, в пригороде. Так до столицы совсем недалеко. — Дэй понял, что слуга точно и не знает, где живет Аи.

— Так, наверное, у госпожи Юнру есть внуки?

Слуга замялся, но всё же ответил:

— Да, внучка Роу.

— Здоровья госпоже Юнру. И тебе, нинлао, — откланялся Дэй и поспешил прочь. Разные чувства бушевали у него в душе. Но всё, что сказал слуга, было предсказуемо, главное — они остались живы.

Дэй устроился на ночлег возле одной из пекарен — теплее и могут дать немного старого, нераспроданного хлеба. Ему нужны силы, чтобы добраться до Пекина.

Дэй не мог знать, что это место давно занято уличными бродягами. Он, радостный, что наконец-то узнал о судьбе жены и дочери, долго не мог заснуть, но всё же задремал.

Полная луна — символ единения и процветания семьи — ярко освещала притихший город. Звезды тоже помогали ей.

Дэй проснулся от того, что кто-то грубо пнул его, при этом грязно ругаясь.

— Ты что здесь делаешь, тухлое яйцо?! А ну проваливай! Здесь наше место, — ругался высокий тощий бродяга.

От него пахло немытым телом и перегаром. Рядом с ним стояли и возмущались еще двое. В старых порванных ханьфу и мятых грязных шапках.

И Дэй бы ушел — иногда лучше уйти. В драке его могут покалечить — у бродяг наверняка есть ножи, а у него другие планы на жизнь. Но луна светила так ярко, что Дэю захотелось почувствовать себя молодым, попасть в то время, когда впервые увидел Аи. Вот так же — после драки с уличными бродягами.

Дэй прикрыл глаза, собирая энергию силы ци. Потом поднялся, крепко держа в руках посох.

— Сейчас посмотрим, кто здесь тухлое яйцо! — весело бросил он, оглядывая бродяг.

Те, удивляясь наглости старика, стали его окружать.

Первый удар Дэя принял высокий — тупой конец посоха после быстрого выпада пришелся ему в нос. Раздался треск. Он неожиданности высокий взвился и застонал, прикрывая нос рукой, которая окрасилась кровью. В этот момент второй бродяга уже стоял за спиной Дэя, сжав руку в кулак. И этот кулак двигался в голову противника. Однако Дэй, не останавливаясь и не поворачиваясь, успел перехватить руками посох ближе к другому краю и резким движением назад нанести удар. Он, не глядя, попал второму бродяге в живот. Тот охнул и осел на землю. Третий бродяга получил удар в спину, так как попытался бежать.

Он прогнулся, откинувшись назад, выпрямился и упал лицом вперед.

Драка закончилась.

Дэй уходил не спеша. Он радовался, как будто это был его первый выигранный бой. Он чувствовал себя молодым и полным сил. Он ликовал — его жена Аи и дочка Роу живы, и он их обязательно найдет.

Утром, когда солнце только коснулось горизонта, Дэй вышел из города Аньян и бодро зашагал по дороге, ведущей к столице Поднебесной — Пекину.

Он не знал, что бродяги рассказали о нем своему главарю, который решил найти, выследить и поймать «боевого» старика. Для начала проучить его, а потом заставить работать на себя.

Конечно же, Дэй не один шел на дороге. С ним передвигались такие же, как он, безлошадные, их обгоняли красочные паланкины, сопровождаемые слугами, отряды всадников, спешащие по делам курьеры и чиновники.

Но только одни глаза неотступно наблюдали за Дэем. Юноша, неприметный ни по одежде — можно было предположить, что он крестьянин, ни по внешности — выбритые на висках и у лба волосы, заплетенная из трех прядей косичка на макушке, внимательно следил за перемещениями старика.

Дэй ощутил беспокойство только на второй день пути, когда людей на дороге стало меньше.

Погода испортилась. Мелкий дождь зарядил с утра и шел, то затихая, то набирая силу. Но к полудню солнце пробилось и выглянуло из-за туч. Земля постепенно нагревалась.

Дэй сошел с дороги передохнуть и обсушиться. Он хотел расстелить мокрую одежду на камнях и увидел змею. Она лежала неподвижно. Некогда пестрое извивающееся тело замерло, потеряв силу. Дэй внимательно осмотрел змею — нет, она не подавала признаков жизни.

Дэй присел рядом и закрыл глаза. Он размышлял, он медитировал.

Волнистая линия передвигающейся змеи — это линия энергии. Змея обладает особой магической силой. Она — сама мудрость, она приносит счастье и успех, она — символизирует мужественность, мужскую энергию.

Но перед Дэем лежала мертвая змея. Нехороший знак, очень нехороший. Дэй расшифровал его как угрозу себе от мужчины.

Он не стал сушить одежду, а отправился к дороге, чтобы продолжить путь.

Дэй ритмично переставлял ноги, отключив тело и голову от всех звуков. Он принимал энергию от всего живого, что окружало его в данный момент. Энергия растений отличалась от энергии птиц и зверей, а тем более от энергии человека. Как отличаются между собой мужская и женская энергии. Дэю нужна была энергия людей, идущих рядом или находящихся где-то поблизости. Из множества человеческих энергий нужно было найти те, что угрожали ему, Дэю. И это была мужская энергия.

Через некоторое время Дэй почувствовал, что опасность находится сзади, за спиной. Он почти уловил еще несколько враждебных энергий, но это могло быть просто плохое настроение человека. К сожалению, Дэй не успел разобраться.

Навстречу ему из-за поворота показалась крестьянская телега, запряженная лошастью. Телегой управлял, судя по одежде, небедный крестьянин среднего возраста. Время от времени он покрикивал на лошадь и дергал поводья. В середине и на краю телеги сидели еще двое.

Когда телега поравнялась с Дэем, крестьянин вдруг привстал и заругался, обращаясь к юноше, шагающему позади Дэя:

— Ах вот ты где? Промотал все отцовские деньги и теперь возвращаешься домой с пустыми руками!

Дэй оглянулся и увидел растерянного юношу.

— Вы ошиблись — я не ваш сын, — недоуменно ответил юноша.

— А, так ты еще и отца не признаешь?! — продолжал наступать крестьянин.

Движение на дороге замедлилось, но вскоре возобновилось — кому интересны родственные разборки.

Дэй тоже пошел дальше, но замедлил шаг, услышав:

— Эй, берите его, вяжите и бросайте в телегу.

Двое мужчин ловко соскочили с телеги и направились к юноше.

Дэю очень не понравились эти двое — от них шла энергия злобы.

— Вы ошиблись, говорю вам. Я не ваш сын! — снова попытался образумить крестьян юноша, но его никто не слушал.

Дэй не смог пройти мимо несправедливости.

— Отпустите мальчишку! — с угрозой в голосе сказал он.

— Это мой сын. Не вмешивайся, старик!

Но Дэю стало жаль растерянного, испуганного юношу. Он подошел ближе, когда юношу уже держали за спину и распрямляли веревки, чтобы связать ему руки.

Неожиданно юноша дернулся и вырвался, пройдя несколько шагов по направлению к Дэю. Затем выбросил правую руку вперед.

Дэй почувствовал легкий укол и последнее, что он увидел, злые, торжествующие глаза того, кого он хотел спасти.

Ничего не соображающего Дэя уложили на телегу и повезли. Вскоре они съехали с основной дороги и повернули назад.

Тряска и подпрыгивание телеги на ухабах помогли Дэю прийти в себя. Но он продолжал делать вид, что спит, а сам понемногу осматривался и искал пути освобождения. Впереди сидел и управлял лошадью один бандит. Рядом с Дэем находился тот самый юноша, которого он хотел спасти. В конце телеги, спиной ко всем сидел третий.

Дэй закрыл глаза и стал медитировать, набираясь энергии ци. Силы с трудом возвращались к нему. Когда Дэй почувствовал, что готов дать отпор, он начал действовать.

Дэй, лежа на спине, поднял ноги и захватил ими шею правящего волом. Потом резко приподнял за шею ничего не понимающего бандита и бросил его на юношу-артиста. Оба полетели с телеги. Дэй так же, ногами ударил в спину сидящего спиной. И тот полетел на землю.

Телега освободилась.

Дэй схватил поводья и, нахлестывая лошадь, бросился прочь.

Вскоре бандиты отстали.

Дэй распряг лошадь, сел на нее и продолжил свой путь в столицу.

Глава 20

Большой кусок застревает в горле

Донг быстро шел на поправку. Молодость, натренированное тело и забота друзей способствовали этому.

Уже на второй день ему стало намного лучше. Надо было уходить из этого города, пока их не вычислила местная триада.

Киу вместе с Изао отправились на местный базар купить лошадей и продукты. Донг, Ксу и Юн остались их ждать. При этом Юн постарался оставить Донга и Ксу наедине — он видел, как смотрит на Донга девушка, как Донг оберегает Ксу.

Юн решил прогуляться.

Вскоре с базара вернулись Киу и Изао. Они, не торгуясь, купили трех лошадей: Ксу плохо держалась в седле, а Юн такой худой, что его можно посадить с Изао, тоже не имевшего большого веса.

Наступило время ужина, а Юн так и не появился.

— Где он может быть? — первой забеспокоилась Ксу.

— Не волнуйся, сейчас придет, — успокаивал ее Киу. — Мальчишка, встретил таких же ребят, и играют сейчас.

— Да, Ксу, скоро стемнеет и прибежит, — уверял девушку и Донг. — Вот вернется — я с ним поговорю.

Все спустились на первый этаж гостиницы ужинать.

Юна не было.

Заказали овощи, рис и чай. За столом обсуждали дальнейшие планы.

— Доберемся до Пекина, — говорил Донг. — Там оставим Изао, Ксу и Юна.

При этих словах Ксу загрустила. Она не хотела расставаться с Донгом, а прямо сказать об этом не могла.

— А куда пойдете вы? — не удержался от вопроса обычно молчаливый Изао.

Ему тоже не хотелось, чтобы Донг и Киу покинули их.

— Нам нужно вернуться в монастырь. Нога у меня к тому времени заживет. Возможно, мы получим новое задание, — неуверенно ответил Донг.

Он не стал рассказывать о том, что почти в каждом крупном городе, а тем более в столице Поднебесной, есть тайные квартиры, где живут люди, работающие на «Черный лотос». У Донга было несколько адресов, где ему могли передать весточку от Шифу с указанием дальнейших действий. Так что, вполне возможно, что они с Киу никуда не поедут.

Допили чай.

Юн не появился.

Поднялись в свою комнату на втором этаже, когда совсем стемнело.

— Донг, надо искать Юна! — не выдержала Ксу. — Я чувствую, что с ним что-то случилось.

— Ксу, мы его найдем, — пообещал Киу.

— Я могу пойти на поиски? — вызвался Изао.

— Нет, Изао. Ты японец, и это видно. И ты не очень хорошо знаешь китайский язык. Тебя могут схватить, — рассудил Донг.

— Тогда пойду я, — подытожил Киу.

— Да, Киу. Только... будь осторожен — не иди напролом, — напутствовал друга Донг. — Я, к сожалению, пойти с тобой не могу.

— Ты хочешь сказать — включай мозги, — усмехнулся Киу, немного обижаясь на друга — он сказал это при Ксу.

Киу, прихватив посох, отправился на поиски Юна. В кармане у него лежал и нож — трофей, оставшийся от стычки на берегу.

Киу, чтобы глаза быстрее привыкли к темноте, закрыл их, постоял так немного и ушел в ночь. Юн не мог уйти далеко от гостиницы, рассуждал Киу. Значит, искать надо поблизости.

Он свернул в первый попавшийся проулок. Здесь стояли маленькие неказистые бедные дома. И только в двух мелькал свет.

Киу увидел на одном из них, стоящем в самом конце проулка, фонарь из бамбука, обтянутый красной материей. Но не мог же Юн пойти в публичный дом.

Когда Киу поравнялся с домом, он услышал:

— Не хочет ли господин зайти?

— Господин хочет спросить, — быстро ответил Киу. — Нет ли здесь мальчика лет четырнадцати, худого, побритого наголо?

— Здесь нет... — говоривший понял, что может заработать, и замолчал, при этом интонацией он дал понять, что видел такого мальчика.

Киу подошел вплотную к говорившему. В нос ударил запах вина. Зазывальщик был в годах, с жидкой бородкой.

— Говори! — Киу протянул говорившему купюру.

— Мальчик в опиумном доме.

— Что?! — Киу схватил старика за ханьфу и потряс. — Где?!

— Нужно пройти за этот дом. Там стоит еще один дом. Но...

Киу больше не слушал старика. Он быстрым шагом обогнул дом с фонарем и замер, присев. У входа стоял охранник, как понял Киу. Он как раз пропускал очередного клиента внутрь.

Киу притворился опиумным курильщиком — он, смеясь, подошел к охраннику, стал размахивать руками и лезть целоваться с ним.

— Иди, иди. — Охранник брезгливо отвернулся. — Там найдешь себе.

В притоне была одна большая комната, разгороженная ширмами. Там на циновках лежали любители опиума — кто-то застыл в неудобной позе, предаваясь сну, другие готовились к полному покою, вдыхая опиумные пары.

Киу, заплатил, сделал вид, что он плохо соображает и шатающейся походкой стал обходить ширмы в надежде найти Юна. Терпкий сладкий запах с горчинкой обволакивал курильню.

— Эй, хватит ходить. Вот есть место, — управляющий курильней указал Киу место.

Киу ничего не оставалось делать, как подчиниться. Позже он осмотрит вторую половину комнаты.

Киу принял положение полулежа и раскурил трубку, стараясь не затягиваться и не вдыхать ее содержимое. Потом лег и притворился, что спит.

В курильню приходили любители опиума, платили и устраивались с трубками. Наконец к рассвету поток желающих отключиться от брэнного мира иссяк. Киу собрался незаметно проверить вторую половину комнаты, но остановился, услышав, как в притон зашли трое.

— Что у тебя сегодня, Ганг? — властный тон говорящего говорил о том, что он привык

приказывать и повелевать.

— Есть немного. Джиан привел мальчишку. Правда, худоват, но... — ответил продавец опиума и смотрящий за курильней.

— Хорошо, Ганг. Еще?

— Девочка есть. Сбежала из дома. Замуж не хотела. Третьей женой. — Джиан захихикал.

— Забирайте! — приказал тот, кому принадлежал властный голос, обращаясь к двум подчиненным, что пришли с ним. — С Джианом рассчитался?

— Конечно. Он получил опиум.

— Не давай много. Работать не сможет. С тобой расчет потом.

— Как скажешь, многоуважаемый.

Киу понял, что сейчас заберут, возможно, Юна и девочку. Как же он вляпался? Мальчишка! Предложили попробовать, и согласился.

Киу змеей подполз поближе и выглянул из-под ширмы. Так и есть — несут ничего не соображающего Юна и девчонку. «Совсем молоденькая. Вот дурочка!» — подумал Киу. Он выбрал подходящий момент и выскочил из-за ширмы.

Один против четверых. Что ж, бывало и покруче.

Преимущество внезапного нападения осталось за Киу. Он точным ударом посоха в спину вывел из боя сначала одного. И тут же, не дожидаясь падения первого, ударил в лицо другого. Он схватился за нос и взвыл. Киу повезло, смотритель курильни Ганг попятился назад и скрылся за ширмой. Но на шум прибежал стоящий у двери охранник. В комнате было тесно из-за множества ширм, разделяющих ее на маленькие закутки, и совсем рядом лежали Юн и девочка, которых бросили при драке на пол подручные главаря. Киу не мог свободно перемещаться и наносить удары ногами. Но этого преимущества были лишены и его противники.

Главарь достал нож. Однако сам в атаку пока не пошел, пропустив вперед охранника. Он старался незаметно сместиться вправо, чтобы, пока Киу разбирается с охранником, атаковать сбоку, а если удастся — сзади. Киу присматривал за всеми. И даже за ширмой, где скрылся смотритель притона. Киу тоже сместился немного вправо, чтобы отрезать путь главарю. Он сделал фальшивый выпад и ударом посоха ткнул охраннику в живот. Тот вскрикнул от боли и согнулся пополам. В это время главарь, размахивая ножом, ринулся на Киу.

И если бы не отменная реакция Киу, который успел перенести тело немного в сторону, неизвестно, чем бы всё закончилось. Киу ударил посохом сначала по руке главаря — нож упал на пол, потом резко в область сердца.

Всё было кончено.

Смотритель курильни Ганг так и не вышел из-за ширмы.

А Киу, закинув Юна на одно плечо, а девчонку — на другое, поспешно покинул притон.

Утром после завтрака все собрались в комнате — решить, когда ехать, и что делать с девочкой, которая всю ночь находилась под присмотром Ксу. Юн чувствовал себя очень плохо: у него болела голова, его тошнило и рвало. Не лучше дела обстояли с Мей, так назвала себя девочка, рассказав, почему попала в курильню.

— Мей придется отвести домой к родителям. Мы не можем взять ее с собой, — говорил Донг. — Киу, после полудня доведи ее до дома.

— Так она опять сбежит, — усмехнулся Киу.

— Это ее выбор. Небо спасло Мей, показав два пути: замужество и рабство, — рассудил Донг. — Мы сделали всё, что смогли. Не будем больше вмешиваться в дела Неба, — заключил он и обратился к Мей: — Лучше быть третьей женой у старика, чем общей женой у многих стариков. Понимаешь меня?

Мей молча кивнула — ей было очень плохо, а предстоял еще трудный разговор с родителями.

После полудня Киу отвел притихшую Мей к ее дому и проследил, чтобы она зашла в ворота.

На обратном пути, возле самой гостиницы, к нему подлетела ватага пацанят.

— Дада, дай монетку! Дай! Дай!

Киу рассмотрел ребят и заметил одного — лет десяти, худого, в рваной, грязной одежде, с плавающим взглядом. А главное — от него шел сладковатый запах опиума.

— Как тебя зовут? — спросил Киу.

— Дай монетку, скажу! — дерзко ответил мальчишка.

— А хочешь, я угадаю твое имя с одного раза? — Киу подумал, что, возможно, этот самый мальчишка, что дает попробовать опиум и заманивает в притон.

Пацаны притихли, ожидая, что будет дальше.

— Ну и что, если угадаешь? — хмыкнул мальчишка.

Киу не стал отвечать сразу. Он прикрыл глаза, сделав загадочное серьезное лицо.

— Я — посланник Духа долголетия! А мой хозяин может продлить или укоротить жизнь! — Киу резко поднял руку с посохом.

Мальчишки отступили на шаг, смотря на Киу во все глаза.

— Я пришел сюда, Джиан, чтобы спасти тебя и прекратить то зло, которое ты творишь! — При этих словах Киу открыл глаза и пристально посмотрел на мальчишку. Джиан, в свою очередь, оторопело смотрел на Киу.

— Я вылечу тебя, Джиан! — Киу стал одной рукой вращать посох, а другой — незаметно ткнул указательным пальцем мальчишке в живот. Юный курильщик опиума согнулся и его вырвало.

Потом Киу приблизил мальчишку к себе и, неотрывно глядя ему в глаза, продолжил:

— Мой хозяин — Дух долголетия хочет, чтобы ты никогда не прикасался к опиуму, Джиан! — Киу еще раз ткнул мальчишке в живот. — Как только ты прикоснешься к этой отраве, у тебя всегда будет болеть живот. Запомни, Джиан! Как только ты поведешь кого-нибудь в курильню — у тебя сразу начнет болеть живот, Джиан! Тебе будет плохо, очень плохо!

Побледневший Джиан теперь испуганно смотрел на Киу.

— Я испарюсь, исчезну, а Дух долголетия всегда будет следить за тобой, Джиан! — Киу сделал паузу, потом твердо, с расстановкой продолжил: — Сейчас ты уснешь, но всегда будешь помнить о том, что сказал тебе я — посланник Духа долголетия.

Монах-воин легонько нажал на сонную артерию Джиана и аккуратно уложил его на траву.

Мальчишки кинулись к другу, чтобы узнать, что с ним случилось.

Киу же быстро пошел в направлении гостиницы и скрылся за поворотом.

Жаль, его не видела Ксу!

После полудня отряд из пяти человек двинулся на трех лошадях по дороге, ведущей к столице Поднебесной — Пекину. Юн, которого до сих пор мутило, сидел вместе с Изао, Ксу — вместе с Донгом.

Донг понимал, что зрелище они представляют собой странное, но что еще хуже — заметное. Поэтому в ближайшем селении купили телегу и посадили на нее Донга, которому еще трудно было ехать весь день в седле, Ксу и Юна.

Несколько дней в пути прошли без приключений: незлобливо подшучивали над Юном, радовались хорошей, сухой погоде, возможности забыть на время все тяготы и опасности.

Ксу светилась от счастья, находясь рядом с Донгом. Когда телега подпрыгивала на ухабах, они невольно прикасались друг к другу, и тогда Ксу смущенно отводила глаза, а Донг делал вид, что ничего не замечает.

Киу украдкой вздыхал, глядя на них, но не давал ревности поглотить себя — старался ехать впереди.

Изао нравились его новые друзья. Но иногда он смотрел на закат, и грусть забиралась в его душу. Ему хотелось домой, на родину — в рыбацкий поселок, к родным.

Юн радовался всему и всем — он готов был никогда не расставаться ни с кем. А еще Донг пообещал Юну, что покажет несколько простых приемов защиты, и вообще будет учить тому, что знает сам. И тогда никто не сможет обидеть его.

Чем ближе они подъезжали к столице, тем сильнее беспокоилась Ксу — там, в пригороде Пекина, она оставила маму. Скоро они встретятся. Теперь уже совсем скоро.

Глава 21

Один светильник на два дома не светит

Господин Сию совсем лишился покоя. Напряжение последних недель не спадало, а, наоборот, нарастало. Несчастье с дочкой сильно подкосило его. Как будто это был предупреждающий знак Неба, и знак слишком жестокий.

Он приглашал разных врачей, но толку от этого было мало — девочка уже почти не чувствовала ног. Лан лежала грустная, мало ела и часто плакала.

Фенг старался развлечь сестру, вселить уверенность, надежду на исцеление, но мало верил в это. Он считал себя виноватым в случившемся, потому что он, Фенг, находился рядом с сестрой и должен был предотвратить падение. Если бы он поехал впереди, то лиса выскочила бы перед его лошастью, а не перед лошастью Лан. Лучше бы он упал. Нет, он бы не упал — он бы удержался в седле. Он сильнее Лан и хороший наездник.

А еще Фенг тоже заметил слезку за ним и господином Сию-гэ. Но Сию-гэ успокоил Фенга — это слезка наших людей, чтобы уберечь Сию-гэ и Фенга от покушений. Один раз на них уже нападали. И всё же слезка за ними нервировала Фенга — он чувствовал опасность, хотя не мог объяснить себе почему.

Фенг видел, как день ото дня господин Сию-гэ становится всё молчаливее, а госпожа Чунтао всё печальнее. Спокойный, уютный, радостный мир, в котором пребывал Фенг, как только попал в эту семью с рынка рабов, рушился на его глазах, а он ничего не делал, не знал, как помочь. Ему казалось, что родители стали не так на него смотреть, что в их глазах затаился упрек.

С таким настроением Фенг теперь часто бродил по городу и в один из осенних дней, ближе к вечеру, зашел в первую попавшуюся харчевню. Он не пил вина, но сегодня ему захотелось выпить и перестать хоть ненадолго думать обо всем.

В харчевне царил полумрак. Посетителей было немного — двое китайцев мирно беседовали за соседним столом, у окна компания из четырех человек играла в го. У самого входа за столом расположился совсем седой старик в старой, потрепанной одежде.

Фенг сел за столик и заказал вина. Есть ему совсем не хотелось.

Вскоре принесли заказанное желтое подогретое вино. Фенга охватило сильное чувство ненужности — даже вино пьет один. Чтобы избавиться от чувства вины и одиночества, Фенг быстро налил в чашку пахучую жидкость и, почти не глотая, влил в себя. Обжигающее тепло побежало по телу вниз. Фенг, как бы боясь передумать, сразу налил еще порцию вина и также быстро выпил. Теперь вино уже не казалось таким обжигающим и невкусным. Фенг откинулся и посмотрел вокруг, но на него никто не обращал внимания. Он выпил еще раз. Голова у него слегка кружилась, ему захотелось с кем-нибудь поговорить.

Однако посетители в харчевне не порывались заговорить с ним.

Стемнело. На улице стал накрапывать дождь. Фенгу совсем стало тоскливо и не хотелось идти домой. Он наблюдал, как приходят и уходят клиенты харчевни, и даже завидовал им. Кувшин с вином почти опустел, а долгожданного облегчения не наступало.

Фенг прикрыл глаза, борясь с сонливостью, и в этот момент к нему за столик подсели двое. Фенг и не заметил, когда они зашли в харчевню.

— Скучаешь, дружище? — весело произнес мужчина в добротном ханьфу, с длинным хвостом волос на затылке, и похлопал Фенга по плечу. — А мы вот зашли с другом

погреться. — Говоривший указал на младшего по возрасту своего товарища — тот был одет попроще: в штанах и длинной рубашке, на затылке красовался густой и такой же длинный хвост. — Так у тебя вино кончилось. Сейчас исправим. — Он подозвал мальчика-официанта и заказал вина, овощи и мясо.

Фенг обрадовался знакомству. Он не услышал, как старший сказал официанту, что заказ делает их друг, указывая на Фенга.

— Меня зовут Вейж, а это Веймин, — представил их старший и засмеялся: — Ты знаешь, как переводятся наши имена — «большой мудрец» и «приносящий величие».

— А я Фенг, — с улыбкой произнес Фенг.

— Вот и давайте выпьем за знакомство, — тут же подхватил старший и снова засмеялся. Младший помалкивал, жадно поглощая еду. Когда последовал тост, они встали, прикоснулись чашками, чокаясь, и выпили, при этом, как и положено, старший держал свою чашку выше других, потому что остальные участники застолья были младше его.

Почти сразу последовал другой тост.

— За наших близких и родных!

Фенга замутило, и он порывался отказаться. Но это выглядело очень невежливо.

— Нет, друг. Нет, Фенг-лан, от такого тоста не отказываются, — заставлял пить старший.

И Фенг с трудом, но сделал два глотка.

— А теперь твой тост, Фенг-лан!

И снова Фенг не мог отказаться — это было бы неуважением к людям, сидящим с ним за одним столом.

Плохо соображая, заплетающимся языком Фенг произнес:

— Давай... те выпьем за... дружбу!

Все снова встали, и ритуал повторился.

Никто не обращал внимания на эту компанию, кроме, конечно, хозяина заведения — как бы не ушли, не расплатившись, но был и еще один внимательный взгляд.

И человеку с внимательным взглядом совсем не нравилось, что происходило за столом, где сидел грустный юноша, которого явно спаивали. Зачем? Чтобы потом ограбить. Наивность и распахнутость, свойственная молодости, дорогая одежда, деньги в карманах — лакомый кусок для пройдох всех мастей.

Взгляд принадлежал старику в потрепанной одежде, который сидел за столом у входа. Это был Дэй. Он благополучно добрался до Пекина, чтобы встретиться наконец с женой и дочерью. Он продал лошадь и телегу и сейчас ужинал в харчевне, обдумывая, как найти господина Шона.

И если бы Дэй знал, что юноша, которого спаивают, это родной бран Донга, то давно бы вмешался. Но Фенгу было всего шесть лет, когда их с матерью и сестрой Шучун угнали в рабство. Сейчас в харчевне лицом к Дэю сидел юноша семнадцати лет.

Между тем события начали развиваться не в пользу Фенга. Он почти отключился — голова его клонилась на стол.

— О, Фенг, пожалуй, пора расплатиться и пойти домой. Давай мы отведем тебя домой. Мы не бросим друга. Можешь на нас положиться, — усмехаясь, говорил старший и подмигивал второму, помоложе.

— Да... отведите меня домой... Я хочу спать... — бормотал Фенг.

— Сначала надо расплатиться, дружище. У тебя же есть деньги?

Фенг вынул из пояса деньги.

Рассчитались за ужин.

Затем два новоиспеченных друга подхватили юношу с двух сторон под руки и повели в выходу.

Дэй выждал, расплатился и пошел за ними.

Дождь, ливший весь день, перестал. Заметно похолодало. Ночь накрыла город. Лишь кое-где мелькали огоньки в окнах домов.

Троица шла молча. Потом они повернули в один из проулков, где остановились, опустив Фенга на землю.

— Забирай деньги и одежду! — командовал старший.

— Может, уйти подальше? — спросил молодой, тщательно обшаривая Фенга.

— Давай быстрее!

Глаза Дэя уже привыкли к темноте. Он подкрадывался осторожно, часто замирая на месте и возобновляя движение, только когда мошенники разговаривали.

— Всё? Что ты копаешься! — в нетерпении прошипел старший.

— Сейчас, сейчас, — молодой склонился над Фенгом, стягивая ханьфу, — ханьфа зацепи...

Молодой не договорил — удар ребром ладони по шее заставил его вскинуться и упасть на Фенга. Следующий удар предназначался старшему, которого Дэй ударил с полуразворота локтем в область носа. Запахло кровью. Старший отшатнулся, поднял руку к лицу и рухнул от второго удара в живот.

Дэй быстро забрал деньги, схватил Фенга и его одежду. Оглянулся. Прулок был пустым. Дэй потащил упирающегося, ничего не понимающего Фенга в харчевню, в свою комнату.

Фенг долго приходил в себя, несмотря на то, что Дэй ночью промыл юноше желудок: сильно болела голова, мутило. Кислый запах перегара витал в комнате.

Но в конце концов Фенг приподнялся и, ничего не понимая — где он, почему раздетый и кто этот седой старик, попросил воды. Дэй подал ему кружку с чаем.

— Где я? Почему здесь? Кто вы такой? — Фенг устал говорить и откинулся на подушку.

— Столько вопросов! Значит, жить будешь, — заулыбался Дэй. — И долго, если перестанешь делать глупости.

— Кто вы такой? Почему вы... а я вчера много выпил. Плохо помню... Мне нужно домой! Меня ждут дома, — встрепнулся Фенг и сделал попытку вскочить, но застонал и схватился за живот.

— Как тебя звать, «любитель вина»?

— Фенг, — морщась от боли, ответил Фенг.

— Фенг, Фенг — хорошее имя. — Дэй повторил про себя несколько раз имя юноши. Как будто мимолетное узнавание мелькнуло в его сознании и тут же исчезло. — Так почему ты Фенг сидел один в харчевне и пил вино? На тебе дорогая одежда и видно, что ты не голодаешь. Что-то случилось в твоей жизни? Ты влюбился? Проиграл большие деньги? Тебе угрожает опасность? Или поссорился с отцом, который почему-то не хочет выполнить твою просьбу? — спросил Дэй, подавая юноше кашу. — Поешь, легче станет.

Фенг взял чашку с кашей. Что он может рассказать незнакомцу, да еще старику? Но это был первый человек, который захотел его выслушать. И потом, у него такие добрые умные

глаза.

И Фенг решился. Конечно, он не расскажет всё. Это не его тайна. Но про сестру можно рассказать.

— У нас в семье случилось несчастье. — Фенг помолчал и продолжил, уже не останавливаясь: — Мы ездили на пикник. Сестра ехала верхом на лошади. Я скакал за ней. Мне надо было скакать впереди, и ничего бы не случилось. — Дэй внимательно слушал, не перебивая. — В общем, выскочила лиса. Прямо перед лошадью сестры. — Фенг сглотнул подступивший к горлу комок. — Ее лошадь понесла. Лан не удержалась в седле — упала. Врачи ничего не могут сделать. Хотя мой отец господин Сию-гю не бедный человек. Она лежит грустная почти десять дней. Она не может ходить. Ужасно, если это навсегда. Но мы все надеемся. А я виноват в этом, — закончил Фенг.

Дэй помолчал, обдумывая всё, что он услышал, затем сказал:

— Во-первых, ты ни в чем не виноват. У каждого человека своя судьба. Без Неба не делается ничего. Так было угодно Ему. Во-вторых, если девочка чувствует ноги, еще не всё потеряно. И... почему ты отца называешь «господин Сию-гэ»?

— Потому что он не мой родной отец. Господин Сию-гэ купил меня на рынке рабов и воспитал как собственного сына.

— Хм... тебе повезло. А ты помнишь своего родного отца?

— Смутно. Мне было всего шесть лет, когда на нашу Маленькую деревню напали разбойники.

И снова в памяти Дэя мелькнуло смутное воспоминание и ушло.

— Не надо приумножать неприятности, Фенг. Твоим родителям и так нелегко. Вчера ночью тебя могли убить, покалечить. И уж точно оставили бы замерзать на улице.

Фенг опустил голову. Старик был прав.

— Я могу осмотреть твою сестру, Фенг, если твой отец не будет против.

В глазах Фенга мелькнула надежда. Но что может старик в бедной одежде? И что он, Фенг, скажет отцу?

— Вижу, ты сомневаешься, юноша. В таких делах лучше сделать всё возможное, лучше использовать все шансы, которые дает Небо.

— Я понял вас, — ответил Фенг. — И скажите, как мне вас называть?

— У меня короткое имя, но длинные руки, — улыбнулся Дэй. — Зови меня Дэем.

— Где-то я слышал это имя, — задумчиво произнес Фенг и встряхнулся, после съеденной каши ему стало намного лучше: — Давайте пойдем быстрее ко мне домой. Здесь недалеко.

— А твой отец сейчас дома?

— Нет, он на службе.

— Тогда будет лучше, если ты один придешь домой и всё расскажешь. А я загляну завтра утром.

— Да, я расскажу отцу, что вы спасли меня.

— И, надеюсь, ты по дороге не завернешь в харчевню и не потеряешься, — улыбаясь, сказал Дэй, внимательно глядя на Фенга.

— Конечно нет, — засмеялся Фенг. — Запоминайте, где я живу.

Когда Фенг ушел, Дэй задумался: два раза его память подавала ему знак. Это не может быть случайностью. Но Дэй, сколько ни напрягался, не мог понять, откуда идут смутные

воспоминания. Ничего. Небо всё устроит — оно знает, когда открывать тайны.

Глава 22

В поспешности скрыты ошибки

Когда Шучун привели обратно в «синий дом», а Мин исчез и больше не появлялся, она как будто застыла: сначала плакала, а потом застыла в своем горе. Шучун всё делала механически, не выражая эмоций.

Девочки пытались расспрашивать, как она сбежала, где была и что теперь будет, но потом, видя, что Шучун не собирается делиться с ними, отстали от нее.

Госпожа Чжэн Ши сначала сильно злилась — господин Тао не пожелал после того, что произошло, покупать Шучун. Ему нужна была девственница, а теперь не пойми что. Хозяйка «синего дома» даже хотела продать Шучун в дешевый притон, но спустя две недели, узнав, что Шучун осталась девственницей, передумала. Ничего, пройдет время, всё забудется — репутация ее заведения не пострадает. А Шучун подрастет, и через год-два ее можно будет отдать дороже.

Госпожа Чжэн Ши даже пожалела девочку — что, у нее сердца нет, сама была молодой и глупой: вызвала к себе и сделала подарок — коробочку разноцветных рисовых конфет.

Но реакция Шучун на конфеты оказалась совсем не такой, какую ожидала хозяйка. Шучун вспомнила, как Мин дарил ей конфеты. Девочка заплакала и убежала, не взяв подарок.

На уроках она сидела тихая, молчаливая — лишь бы ее не трогали и только на занятиях по рукоделию оттаивала, работая иглой и думая о своем.

Госпожа Чжэн Ши велела присматривать за Шучун — как бы чего не натворила.

Между тем жизнь «синего дома» шла своим чередом. И вот уже Лупи отправилась в паланкине в дом к мужу, но она и хотела замуж — непоседливой любознательной Лупи надоело однообразие «синего дома».

Лупи попрощалась со всеми девочками, а Шучун сказала:

— Шучун — жизнь не сказка, но мы хотя бы не умираем от тяжелой работы на рисовых полях. А тебе я немного завидую — в твоей жизни сказка была.

Шучун, вытирая набежавшие слезы, обняла Лупи и сказала вдруг то, чего не ожидала сама от себя:

— Будь счастлива, Лупи. Спасибо тебе за всё. А у меня еще будет сказка.

Лупи удивленно посмотрела на Шучун, но больше ничего не произнесла.

Но после того разговора девочка как будто прибавила в росте: она перестала печалиться, старалась быть разговорчивой и даже веселой. Активно вела себя на уроках.

Никто не узнавал Шучун — все решили, что девочка, наверное, повзрослела и смирилась.

И только по ночам, когда все засыпали, Шучун доставала красную ленточку, которую ей подарил Мин, сжимала ее в руках и плакала. Она знала, что если бы Мин был живой, то обязательно пришел и забрал ее отсюда.

Шучун твердо решила никогда не выходить замуж и при любом удобном случае отомстить госпоже Чжэн Ши за смерть Мина, хотя она только догадывалась, кто приложил руку к его исчезновению. А потом, если получится, сбежать. Лучше тяжелая работа на рисовых полях, думала она, чем противные, похожие на червей, «липкие» посетители. Шучун так представляла себе клиентов «синего дома».

В это время Мин в бедной хижине рыбака метался в бреду — он долго пробыл в холодной воде и застудил легкие. Две силы боролись за его тело и душу. То два Духа смерти — Черный и Белый приходили забирать его в Царство теней, то Дух долголетия тянул его к жизни. А иногда к нему приходил Дух Желтой реки, который упустил жертву и хочет вернуть ее обратно.

Мина, связанного по рукам и ногам, бросили ночью в реку Чаобайхэ. Но он не пошел ко дну — сильное течение подхватило тело и понесло. Мин плыл, пока не застрял в сетях. Хорошо, что старому рыбаку Дуийю не спалось и он не поленился пойти ночью на берег — проверить сети.

Дуий сразу понял, что в сетях бьется большая рыба, и пожалел, что не взял с собой сына. Ну да он вытащит и сам.

Старый рыбак с трудом подтянул сети, и Мин оказался на берегу. Дуий охнул, увидев, что за рыбу он поймал, и кинулся распутывать и развязывать Мина. Потом Дуий прижал ухо к сердцу утопленника. Ничего не услышал — или перед ним мертвый человек, или Дуий стар и тугоух. Он вскочил и побежал за сыном. Удивленный сын расслышал сердцебиение лежащего человека, и они с отцом занесли «улов» в дом. С тех пор много раз луна появлялось на небе, а человек, которого отдала река, никак не мог выздороветь.

Но сегодня утром «дар реки» кашлял меньше обычного и осмысленно смотрел по сторонам — может, удастся с ним наконец-то поговорить. Старому Дуий было интересно, кого он спас и кто кинул этого человека в реку.

Старик подошел и осторожно присел рядом, поглядывая на незнакомца.

Мин всё вспомнил, и первый вопрос его был: как долго он здесь лежит?

— Да давненько. Ветер сорвал уже почти все листья на деревьях, — ответил Дуий.

— Ты спас меня старик? — спросил Мин и, не дожидаясь ответа, стал благодарить: — Спасибо тебе. Я отблагодарю, как только встану на ноги.

— Теперь уже встанешь. Но Духи смерти долго не хотели отпускать тебя из Царства теней.

— А где я нахожусь?

— Как где? У меня в хижине, — удивленно ответил старик. — Мы живем здесь с сыном и рыбачим, а жена моя умерла две весны назад.

— Сочувствую вашему горю. — Мин помолчал. — Далеко ли до Пекина, старик? — по-другому спросил Мин.

— До города Пекина близко. День пути на волах.

Мин подумал, что он поступил невежливо, не назвав свое имя и не узнав имя своего спасителя.

— Меня зовут Мин, уважаемый, — представился он.

— Хорошее имя. А меня называй Дуий.

Мин устал от разговора — он закашлялся, и это заметил старый рыбак.

— Отдыхай, Мин. У нас еще будет время поговорить.

Шучун тем временем обдумывала план мести — что можно такое сделать, чтобы насолить хозяйке. Она представляла госпожу Чжэн Ши то разгневанной, кричащей, то плачущей от горя — хотя это трудно было представить, то, страшно сказать, лежащей на полу и корчащейся от ран, и чтобы она задыхалась от боли. Но всё это была боль физическая,

а Шучун хотела заставить страдать госпожу Чжэн Ши, как страдает сама Шучун, — от одиночества и безысходности, от потери любимого.

Быть может, фантазиям Шучун и суждено было сбыться, но госпожа Чжэн Ши приняла на работу новую служанку Сонг — расторопную, бойкую на язык молодую женщину. Она сразу выделила из всех девочек Шучун и, конечно, узнала ее историю. Сонг старалась, чем могла, помогать Шучун: оберегала ее от сплетен, приносила тайком вкусности с кухни. Шучун сначала недоверчиво отнеслась к новой служанке, но, чувствуя заботу Сонг, подружилась с ней. А потом и поделилась тайной о мести госпоже Чжэн Ши, и рассказала о желании убежать при первом удобном случае.

— Шучун, девочка, какая ты еще маленькая! — сетовала, улыбаясь, Сонг. — Разве от судьбы убежишь?

— Но я уже убегала. Значит это возможно, — горячилась Шучун.

— И куда ты пойдешь — без денег, без родных? Что ты будешь есть? Где ты будешь спать?

— Я могу прийти к тем людям, которые меня приютили в прошлый раз. Может быть, они знают, где Мин? — с надеждой проговорила Шучун.

— Так тебя там и будут искать! И потом, ты не можешь всё время прятаться. Надо на что-то жить. У китайской женщины один путь — удачно выйти замуж.

— Я не хочу замуж! Вернее, я хочу, но только за Мина.

— Шучун! — Сонг погладила девочку по голове и по-матерински прижала к себе — если бы ее дочка не умерла много лет назад, то была бы сейчас такой же взрослой и... глупенькой. — Замуж — это хорошо. Ты родишь девочку, похожую на тебя, и будешь счастлива. И каким бы ни был муж, он будет о тебе заботиться.

Шучун молчала, но по выражению ее лица было видно, что она не очень-то соглашается.

Сонг же думала о том, как бы девочка не наделала глупостей. Она стала больше присматривать за Шучун. Ничего: подрастет — поумнеет.

Постепенно Мин окреп настолько, что смог встать с постели, а потом и выходить на улицу. Дом рыбака находился совсем недалеко от реки. Туда и стал ходить Мин. Ему необходимо было восстановиться после болезни.

Он, разумеется, не сказал правду старику Дуий и его сыну. Придумал, что шел по улице, его стукнули по голове, ограбили и скинули в реку. Однако старый рыбак не увидел раны на голове Мина, но не стал ничего говорить — у каждой судьбы своя тайна, и часто лучше ее не знать, чтобы не накликать беду на свою судьбу.

А Мин казнил себя за то, что недооценил госпожу Чжэн Ши, за то, что вмешался в судьбу девочки и не помог, а только навредил. Что теперь стало с Шучун? Если хозяйка «синего дома» так расправилась с ним, то наверняка она не пожалела и Шучун. Ответить на этот вопрос можно было только тогда, когда Мин вернется в столицу Поднебесной. А главное, он еще и провалил задание «Белого лотоса» — следить за высокими чиновниками, посещающими дом госпожи Чжэн Ши, и прислушиваться, о чем они говорят. Он, монах-воин, поставил долг ниже, чем всё остальное.

Мин теперь частенько помогал рыбакам ловить рыбу. Тяжелая работа тренировала его ослабевшее тело. Старый рыбак радовался такому помощнику, а Мин думал о том, как исправить свои ошибки.

Мин решил опустить бороду и усы, чтобы его не узнавали. Одеться под простолюдина — широкие штаны и длинная рубаха. На голове — треугольная бамбуковая шляпа.

И однажды ранним туманным утром старый рыбак проводил Мина в дорогу, дав немного рыбы. Старику было жаль, что Мин уходит, — такой сильный работник, но ничего не поделаешь.

А Мин шагал по дороге, стараясь прятать лицо под шляпой, чтобы кто-нибудь его случайно не узнал.

Глава 23

На войне не возбраняются хитрости

Все доклады шпионов о чиновнике Сию — его перемещениях и встречах говорили о том, что он не предан Поднебесной и династии Цин, что он замышляет недоброе в отношении императора Цзяцина.

После очередного доклада, в том числе и о неудачном падении с лошади дочери чиновника Сию, император Цзяцин решил сам убедиться в том, что Сию не предан ему. Императору Цзяцину не верилось, что человек, занимающий столь важный пост, имеющий всё, что доступно немногим, пошел на предательство, рискуя потерять и должность, и семью, и жизнь, в конце концов. Поэтому, поразмыслив, император Цзяцину вызвал чиновника Сию на разговор, чтобы во всем убедиться самому и, если откроется правда, арестовать и казнить предателя.

Сию с тяжелым сердцем отправился в Запретный город — он понимал, что может больше никогда не выйти оттуда.

Господин Сию попрощался с детьми — Фенгу он наказал, если получится, предупредить заговорщиков, и если он не вернется через два часа от императора, во всем слушаться госпожу Чунтао. С женой господин Сию переговорил еще раньше — на случай его разоблачения. В случае провала тогда казнят не только его, но и всех родственников.

Были приготовлены деньги, лошади и наняты надежные люди. Семье придется спасаться бегством.

Господин Сию медленно, как никогда, шел по Запретному городу — и в этот раз его не радовали ни осенние цветы, ни сложные композиции обрезанных деревьев, также медленно он поднимался по лестнице во дворец императора — в Зал умственного развития, где император принимает чиновников. Наконец двери в зал распахнулись перед ним, и он, опустив голову в поклоне, вошел к Посланнику Неба.

— Приветствую вас, Ваше Императорское Величество, — торжественно, с подобострастием произнес господин Сию.

— Здравствуй, Сию, — просто поздоровался император. — Как обстоят наши дела с вокоу? — издалека начал император Цзяцин, внимательно наблюдая за чиновником.

— Боюсь, ничего нового пока сказать не могу. — Господин Сию задержал голову в поклоне и подумал: «Позавчера он делал доклад. Что могло измениться? Или император принял решение по вокоу, о котором он, Сию, еще не знает».

— Я слышал, что в вашей семье горе.

— Да, Ваше Императорское Величество.

— Может, тебе нужна помощь? У меня лучшие лекари.

— Спасибо, Ваше Императорское Величество, — еще раз поклонился господин Сию.

— Сию! — немного раздраженно сказал император — ему надоела игра в вежливость, нетерпелось всё окончательно выяснить. — Сию, мои люди докладывают, что ты не очень честен со мной. Что ты и твой приемный сын ходят на сборища и... Так что вы там делаете? — уже с угрозой спросил император, не отрывая взгляда от чиновника. — Как видишь, я не поверил, что господин Сию может замышлять что-то против Сына Неба. Разве он обойден должностью, деньгами и милостью императора Поднебесной?

Господин Сию упал на колени. Он понимал, что сейчас от его слов зависит всё. Он

знал, что за ширмой находятся вооруженная охрана, которая по знаку императора быстро схватит его.

— Выслушайте меня, Ваше Императорское Величество! Разве посмел бы я, червь червей, замышлять что-то против Сына Неба, императора Великой Поднебесной, который так милостив ко мне. Да, мы с сыном ходим на сборища, но только затем, чтобы собрать все сведения, выяснить все связи людей, болтающих неподобающие вещи об императоре. Я не докладывал Его Императорскому Величеству, потому что нити заговора ведут во дворец. — При этих словах император Цзяцин подался вперед, внимательно слушая. — Везде есть уши и глаза. Мне нужно узнать, кто предает Ваше Императорское Величество, до того, как этот кто-то доберется до меня, — Господин Сию замолчал. Струйка пота текла у него по щеке, но он не посмел вытереть ее.

Император Цзяцин откинулся на спинку трона. Он ожидал чего угодно — обычно провинившиеся чиновники падали на колени и просили о пощаде, но только не того, что услышал.

— Встань, Сию, — задумчиво проговорил император. Одно покушение на него уже было десять лет назад, поэтому вполне возможно, что готовится второе. — Если ты говоришь правду... я хочу знать, кто предатель. Ты можешь назвать мне его имя?

— Нет, Ваше Императорское Величество. Мне нужно время. Если сейчас схватите заговорщиков, мы можем ничего не узнать. Имя знает только главарь. Я еще не подобрался к нему так близко. Я не знаю, где его логово. Но я сделаю всё возможное и доложу Вашему Императорскому Величеству.

— Император Поднебесной не забудет тебя, Сию. Иди.

Господин Сию на непослушных ногах вышел от императора. У него дрожали руки. Он долго не мог прийти в себя.

И только дома господин Сию выдохнул. Он радостно смотрел на свою семью — ему повезло, ему дали такую возможность.

То, что Фенг напился и не ночевал дома, теперь показалось ему такой мелочью, такой ерундой — мальчик вырастет. Он подумал, что сможет воспользоваться милостью императора и пригласить других врачей, и с нежностью смотрел на дочь. Он с любовью смотрел и на свою умную, преданную жену.

Фенг тоже радовался, что всё закончилось хорошо. Но надо еще Лан поставить на ноги, а господин Сию-гэ, наверное, забыл, о чем говорил ему Фенг вчера.

— Господин Сию-гэ, пришел тот старик, что спас меня и приютил у себя в комнате. Позвольте ему войти и осмотреть Лан.

— Конечно, Фенг, пусть старик заходит. Я отблагодарю его. А Лан будут лечить лучшие врачи — мне обещал император.

Фенг привел Дэя.

Господин Сию оглядел бедно одетого старика и произнес:

— Ни хао, уважаемый! Да будут благословенны и продолжительны твои земные годы!

— Здравствуйте, господин Сию. Ваш сын назвал мне ваше имя. Продолжительность лет не имеет значения, если они не наполнены смыслом.

— Ты прав, старик, — согласился господин Сию и с интересом посмотрел на стоящего перед ним Дэя. — Я и вся наша семья хотели бы отблагодарить тебя.

— Меня уже отблагодарило Небо — я получил возможность сделать доброе дело и встретиться с вами и вашей семьей, господин Сию.

Господин Сию удивился еще больше — не каждый образованный чиновник так ответит. — И всё же, я хотел бы знать, как отблагодарить тебя, старик?

— Много лет назад я потерял семью — жену и дочь. Они думали, что я утонул в море при сильном шторме. Я думал, что погибли они. И вот недавно я узнал, что моя жена вышла замуж господина Шона и живет в пригороде Пекина. Но пригород Пекина, да не закончится никогда его история, очень большой. Я бы хотел, чтобы вы, господин Сию, помогли мне найти жену и дочь.

— Что ж, буду рад помочь тебе, старик, — искренне пообещал господин Сию. — Я сделаю всё, что в моих силах и возможностях.

— Еще ваш сын рассказал мне о сестре, которая упала с лошади. Я мог бы сделать еще одно доброе дело — помочь ей, если это возможно.

Господин Сию замялся — сам император предложил ему лучших врачей, а что может старик? Но и отказать ему было бы невежливо.

Дэй, конечно, всё прочел по лицу господина Сию и поспешил помочь ему выйти из неловкого положения.

— Нельзя отвергать то, что послано Небом. Ему виднее. К тому же в таких делах дорогое время.

И господин Сию сдался — еще один осмотр ни на что не повлияет, и потом, а вдруг этот непростой старик действительно что-то может.

Лан лежала грустная, впрочем, как и всегда в последнее время. Темные круги легли у нее под глазами. Сначала она оживилась, увидев вошедших, но снова потухла, как только поняла, что привели очередного врача, да еще бедно одетого, совсем седого старика.

— Лан, девочка моя, — обратился господин Сию к дочери. — Пусть этот уважаемый известный врач осмотрит тебя, — слукавил он, придавая вес способностям старика.

Они с Фенгом вышли. С дочкой осталась госпожа Чунтао и служанка.

Дэй попросил воды помыть руки. Потом подошел к Лан и ласково посмотрел на девочку — где-то сейчас, совсем близко находится и его дочка.

— Ты упала на спину, Лан? — спросил Дэй.

— Да, — еле слышно ответила девочка.

— Повернись на живот. Я осмотрю твой позвоночник.

Дэй медленно, осторожно прощупывал каждый позвонок. Когда он дошел до того места, на которое пришлось падение, Лан вскинулась — ей было больно.

— Это хорошо! — с радостью в голосе сказал Дэй.

Потом он сгибал и разгибал ей ноги, вертел их в разные стороны. Лан несколько раз ойкала, чувствуя боль. Госпожа Чунтао при этом каждый раз порывалась помочь дочери, но Дэй взглядом останавливал ее.

Наконец Дэй вынес вердикт:

— Девочке можно помочь. Но будет очень больно. Я вправлю позвоночник — поставлю всё на место. Через два-три дня она встанет на ноги. — Дэй сказал это таким уверенным голосом, что никто не засомневался в правдивости его слов. — Я сделаю так, что она уснет ненадолго и не почувствует боли.

— Что ж, я верю тебе, старик, и пусть поможет тебе Небо, — сказал господин Сию. — «Сегодня такой день — день подарков: мне удалось обойти казнь, может, удастся победить и болезнь Лан», — подумал он.

Дэй склонился над девочкой и точным движением указательного пальца надавил на

точку, находящуюся на шее. Лан расслабилась и закрыла глаза — сознание ее отключилось.

Дэй повернул девочку на живот и, нащупав на позвоночнике нужное место, вправил еле незаметный выступающий бугорок. Потом повернул Лан на бок и укрыл одеялом.

— Пусть она поспит. Завтра утром попробуем подвигаться.

Дэя накормили ужином и оставили ночевать, хотя он сопротивлялся. Но господин Сию был непреклонен — только появилась надежда, и вдруг что-то случится с этим диковинным стариком.

Утром после завтрака господин Сию отправился на службу. Он обещал, что разузнает, о господине Шоне и о том, где находится его дом.

Перед тем как отправиться в комнату к девочке, Дэй решил поговорить с Фенгом — Небо явно подсказывало ему, что когда-то давно он слышал о Фенге или они даже были знакомы.

— Фенг, а ты не помнишь, как звали твоего родного отца, мать? Может быть, у тебя были братья и сестры?

— Я помню, что отца звали Бо, а маму — Суин, — ответил Фенг.

Но эти сведения пока мало что говорили Дэю.

— А еще у меня был старший брат — Донг. Я не знаю, где он. Может быть, и его схватили разбойники и продали в рабство. Была и сестренка, младше меня. Меня купили, а мама и сестра остались на рынке. Наверное, потом их тоже купили, — с грустью сказал Фенг.

Дэй, у которого частично пропадала память, собирал в кучу обрывки воспоминаний. Казалось, он нащупал нужное воспоминание, но оно раз за разом ускользало от него.

— Хорошо, Фенг. Если я что-нибудь вспомню, то обязательно расскажу тебе. А теперь посмотрим, как чувствует себя твоя сестра.

Госпожа Чунтао встретила их улыбкой — от этого бедно одетого старика шла энергия силы, он излучал надежность и был полон уверенности в себе, что всегда чувствуют женщины.

Лан посматривала с интересом — она, проснувшись рано утром, сама, без разрешения попробовала опустить ноги с кровати и подняться. Было немного больно, но она сумела встать на ноги. Сделать шаг Лан побоялась.

Дэй еще раз осмотрел девочку и велел медленно встать с кровати. Лан выполнила просьбу.

— Очень хорошо, Лан. Вечером попробуем сделать шаг. А сейчас отдыхай. — Дэй радовался, значит, он не ошибся и всё правильно сделал.

Фенг тоже радовался. Чувство вины, мучавшее его все эти дни, отступило. Да, он виноват, но он и исправил положение — Лан наверняка выздоровеет и будет ходить.

К ужину вернулся господин Сию — и тоже с хорошими новостями. Ему удалось узнать, где живет господин Шон. Оказалось, что это не так далеко от их дома. Господин Сию даже предложил Дэю свои услуги: помочь добраться до нужного дома, а если надо, переговорить с господином Шоном.

Но Дэй отказался — он всё разрешит сам.

После ужина в комнату Лан пришли не только близкие родственники, но и набились слуги. Всем очень хотелось посмотреть на чудо — как девочка начнет ходить.

Лан, чувствуя всеобщее внимание, гордилась собой и немного волновалась.

Но вот первый шаг сделан. Лан потеряла равновесие, но устояла. Последовал второй шаг

— Лан стояла и улыбалась. Все смотрели с восхищением и радостью.

— Пока хватит, — сказал Дэй и отнес девочку на кровать. — Завтра сделаем три шага.

Господин Сию не знал, как еще отблагодарить старика. На что Дэй ответил:

— Вы сделали для меня самое главное — подарили надежду. На полную луну я покину вас. Я так долго не видел жену и дочь! Я должен идти к ним.

Глава 24

Если воды много, она выливается

Всякая дорога когда-нибудь заканчивается. Закончилась она и для отряда Донга. Утром, после трех дней пути, они прибыли в Пекин.

Решили обустроиться в гостинице, а на следующий день поехать в пригород и разузнать всё о матери Ксу.

Донг, несмотря на то, что нога заживала, сильно устал в дороге. Ему необходим был отдых. Поэтому он Ксу и Юн остались в гостинице, а Киу с Изао отправились на базар купить еды и лекарственные травы для быстрого заживления раны на ноге Донга.

Базар — самое важное место в любом городе и используется оно не только для торговли. Сюда приходят прогуляться, присмотреть, прицениться, завести знакомства, а для мошенников всех мастей и заработать денег.

Киу с Изао уже больше часа толкались на базаре, то теряли друг друга в толпе, то снова находили. Киу купил еды и заказанную Донгом мазь из подорожника и собирался возвращаться в гостиницу, но от него отстал Изао. Киу прошелся по рядам и у фруктового прилавка наконец-то увидел товарища. Там толпились подростки и несколько покупателей постарше. Киу подошел ближе — Изао смотрел не на обилие и разнообразие фруктов, его увлекла простая, но от этого не менее азартная игра в апельсин.

Нужно положить на кон одну монету или несколько. Выбрать понравившийся апельсин и сказать, сколько косточек содержится в нем. Продавец разрезает апельсин, вытаскивает косточки и считает. Если игрок угадал количество косточек, то продавец выплачивает ему пять монет на каждую поставленную монету. Если игрок не угадал, сколько косточек в апельсине, то он платит за этот апельсин и еще в пятикратном размере за каждую поставленную монету.

Азарт настолько захватил Изао, что уже не замечал ничего вокруг. Первый раз он не угадал количество косточек, но проиграл немного, так как поставил всего одну монету. Второй раз у Изао получилось выиграть, и он смело стал ставить на кон монеты. Однако удача раз за разом отворачивалась от него, что еще больше распаяла бывшего вою, а деньги закончились.

— Киу, дай мне денег отыграться? — наконец-то Изао заметил стоящего рядом товарища и обрадовался, что продолжит игру.

— Изао, брось! Нам надо идти, — ответил Киу на просьбу о деньгах.

— Ну я прошу тебя! Последний раз.

Киу сдался и стал внимательно следить за руками продавца. Обычно в апельсине определенное количество косточек, и их число нетрудно угадать. Но игроки выигрывали только по одному разу, потом удача надолго отворачивалась от них.

Изао выбрал апельсин, немного подумал, назвал цифру и поставил на кон три монеты. Продавец взял выбранный игроком апельсин и разрезал его пополам. Натренированный глаз продавца быстро считал количество выдавленных косточек, и в последний момент, что заметил Киу, его пальцы подсунули в мякоть апельсина еще одну косточку. Начался подсчет — Изао, конечно, проиграл. Он снова умоляюще посмотрел на Киу, прося денег.

— Нет, Изао, отдохни. Теперь сыграю я, — решительно произнес Киу.

Он выбрал апельсин, сказал, что косточек в нем будет пятнадцать, и положил на кон не

мелочь, а бумажную кушюру.

По толпе из игроков и случайных зевак прошла волна удивления и предвкушения. Круг желающих посмотреть, чем закончится дело, сдвинулся к фруктовому прилавку.

Продавец медленнее, чем обычно, разрезал апельсин и начал выдавливать косточки из его первой половины.

— Раз, два, три... — медленно считал он.

В первой половине оказалось восемь косточек. Чтобы Киу выиграл, во второй половине должно остаться семь косточек.

Продавец начал выдавливать оставшуюся половину апельсина.

— Раз, два, три...

Киу, конечно, подготовился — он незаметно взял две косточки и зажал их между пальцами, пока шла предыдущая игра. Если ему не будет хватать косточек, то он их подкинет, если будет перебор, то незаметно уберет.

— ...четыре, пять, шесть... — считал продавец, тоже приготовившийся «подправить» число.

— Четырнадцать! — громко объявил он.

— Ты не до конца выдавил апельсин! — закричал Киу и, выхватив у ничего не успевшего сделать продавца смятую половинку, начал сжимать ее.

Из половинки выпала косточка.

Толпа загудела: одни были на стороне продавца, но другие, особенно сильно проигравшиеся, стали ругать продавца и защищать Киу.

Началась потасовка.

Киу успел схватить свои деньги. Он дал знак Изао — уходим. Однако на шум прибежали и любопытствующие прохожие, и те, кому платил за безопасность продавец.

И вот уже двое кинулись на Киу.

— Беги! Я догоню! — Киу сумел вытолкнуть товарища из толпы.

Он не сильно, но прямо в кость ударил в ногу одному нападающему на него и тем самым вывел его из борьбы. Второй успел двинуть кулаком в живот Киу, но стальной, накачаный пресс было не так-то легко пробить. К тому же Киу не стал ждать следующего удара, а ударил сам. Его кулак пришелся противнику прямо в челюсть. Тот качнулся назад, но не смог устоять на ногах и рухнул.

Киу даже не стал смотреть на его падение — он стал пробираться через дерущихся, утихомиривая кулаками тех, кто пытался его задержать. Могли прийти стражи порядка — а это совсем не входило в планы Киу.

Он старался побыстрее уйти с базара, лавируя в толпе. Наконец показался долгожданный проулок, куда можно было свернуть. Но тут Киу услышал за спиной крик:

— Вот он! Держите его!

Киу оглянулся и увидел троих, бегущих прямо на него. Можно было убежать, но Киу принял другое решение. Он развернулся и двинулся на противников, двое из которых стали его обходить, чтобы ударить в спину. Места для маневров здесь было больше, и длинноногий Киу мог наносить удары ногами. Что он и сделал, уложив сначала того, кто находился справа и слишком близко подобрался к его спине. Потом успел, сделав фальшивый выпад, оказаться за спиной второго противника, наступавшего на него по прямой, и, схватив его, бросить на третьего, обходившего монаха-воина с левой стороны. Пара ударов ребром ладони по шее завершили дело.

Киу, не оглядываясь, поспешил прочь.

Когда Киу вернулся в гостиницу, все были в сборе, кроме Изао. Сначала не беспокоились — думали, что он вот-вот появится. Но Изао не появился ни в полдень, ни к ужину.

Донг бросал укоризненные взгляды на Киу, а вечером они вдвоем отправились прогуляться.

— Киу, ты увлекся и не подумал о последствиях. Мы прибыли сюда не играть в азартные игры. Ладно Изао, но ты старше и опытнее. Ты должен был предвидеть, что начнется драка. И тебя, и Изао запросто могли убить, — увещевал Донг друга.

А Киу при этих словах усмехнулся — пусть кто-нибудь попробует это сделать, хотел бы он посмотреть на этого смельчака.

Донг между тем продолжал, не обращая внимания на усмешку Киу:

— Пока вы «развлекались» в «апельсин», я сходил к тому, кто помогает «Черному лотосу», и получил письмо от Шифу.

Киу подобрался: Шифу — это серьезно, наверняка они получают задание.

— Шифу приказывает слиться с нашим отрядом монахов-воинов. Их десять человек. Скоро начнется восстание. Мятежники хотят скинуть ненавистную маньчжурскую династию Цин. В нескольких местах поднимутся на борьбу вооруженные китайские отряды. Мы должны быть готовы драться в Запретном городе.

— Вот это новости! — присвистнул Киу.

— Да! Но у нас проблемы. Надо найти Изао, пока всё не началось, и отвезти Ксу... — при этих словах Донг запнулся, — к матери.

— У нас есть время? Шифу сообщил, когда всё начнется? — озабоченно спросил Киу.

— Восстание начнется через два дня после того, как на воротах одного богатого дома появится желтый дракон.

— А если он уже там?

— Нет, я проверил. Дракон должен появиться рано утром.

— Где же искать Изао в таком большом городе?

— Я завтра с Ксу поеду в пригород Пекина. Мы найдем дом ее матери. А Изао... Изао с акцентом говорит по-китайски и могут заподозрить, что он японец. Тогда заподозрят, что он шпион вокоу. Надо проверить, может, его схватили стражи порядка. И это сделаешь ты. Я должен к вечеру вернуться и проверить, нет ли на воротах изображения дракона.

Донг помолчал, решая, говорить Киу или нет, о своих сомнениях. Но подумал, что будет лучше всё выяснить сейчас.

— Киу, Шифу еще просил передать на словах: мы должны не вмешиваться по возможности в драку. А потом поддержать тех, на чьей стороне окажется победа. Я думаю, что мятеж приведет к братоубийству и ослаблению Китая, чего только и ждут внешние враги. Власть должна передаваться мирным путем. Наш долг — служить Поднебесной империи. Но я не хочу убивать и восставших китайцев — пусть Небо рассудит их.

Киу никогда не задумывался над такими глобальными вопросами. И сейчас не знал, что ответить. Но он всецело доверял другу.

— Я с тобой. Как скажешь, так и будем делать. Но я не понимаю, как мы будем стоять в стороне и наблюдать?

— Я сам не знаю, Киу. Думаю, что нам лучше быть на стороне императора и

действовать по обстоятельствам. Ведь можно не убивать, а «убирать сознание».

— Та еще задачка: тебя будут убивать, а ты вгоняй всех в состояние младенца, — заулыбался Киу.

— И еще я думаю, что Изао и Юна мы оставим пока в гостинице. Дадим денег. Им хватит на первое время. Потом пусть решают сами, что делать, — это на случай, если мы не вернемся. Небо направит их.

При этих словах уверенный в своих силах и везучести Киу снова усмехнулся: куда они денутся — вернуться.

Друзья поднялись на второй этаж в сою комнату в надежде, что вернулся Изао, но японца не было.

Утром Донг дал денег Киу на случай, если придется подкупать чиновников, чтобы выпустили Изао. А Юну строго-настрого приказал сидеть в комнате и никуда не выходить, пока не придет Киу и, как будет угодно Небу, Изао.

Сам Донг вместе с Ксу отправился в пригород Пекина к дому господина Шона, чтобы вернуть беглянку.

По дороге Донг успокаивал девушку, говорил, что скоро вернется и всё устроит, а сам думал: не могут жена и дочь Дзя страдать. Он обещал Дэю, что найдет его родных и позаботится об их благополучии. Еще он должен рассказать о последних часах, проведенных с Дэем в бамбуковой роще, и вообще о том, что сделал для него Дэй. А пока Ксу лучше побыть с матерью.

Ксу думала по-другому. Донг не знает характер господина Шона и на что он способен. Поэтому будет лучше встретиться с мамой тайно, а не появляться в доме господина Шона.

Глава 25

Только Небо знает, когда закончится твой путь

Ранним осенним утром, когда туман еще собирал в свои молочные объятия улицы Пекина, деревья, пожелтевшие листья и одиноких прохожих, верхом на лошади медленно ехал старик. Впрочем, по осанке, уверенной позе и ясному взгляду можно было сказать, что это и не старик вовсе, а рано поседевший мужчина.

Это был Дэй.

Как он ни сопротивлялся, но господин Сию дал ему на дорогу коня.

— Ты же вернешься, старик, чтобы долечить мою дочь. Я хочу, чтобы ты на коне сделал возвращение быстрым.

Вскоре Дэй покинул город. Он то подгонял лошадь, то, задумавшись, ехал медленно. Воспоминания обрушились на него: и сладкие, и горькие. Дэй вспоминал тот день, когда он впервые увидел Аи. Их первое свидание — с каким трудом Аи удалось выскользнуть из дома. Он помнил рождение дочери — тогда только-только растаял снег, а стойкая слива уже цвела яркими светло-розовыми и нежными белыми цветами. Поэтому дочку они с женой назвали Роу — «нежная».

Дэй вспомнил и тот день, когда им пришлось расстаться. Растерянные глаза жены и испуганные глаза пятилетней дочки. Как высокая штормовая волна обрушилась на джонку, и он очутился в холодной воде. Как отчаянно пытался плыть за уходящей всё дальше джонкой, понимая, что это бесполезно.

Время в пути пролетело незаметно. Скоро покажется дом господина Шона. Нужно привязать коня, подойти к дому и понаблюдать. Быть может, Аи выйдет, и он узнает ее и окликнет.

От волнения сердце у Дэя билось, как при первом свидании. Казалось, что исчезли морщины и он возвратился в свою молодость. Кровь заиграла во всем теле.

Большой дом господина Шона, с высокой оградой и синей крышей, был виден издалека. Трудно пройти мимо и не заметить его.

Дэй легко спрыгнул с коня. Ему повезло — из массивных ворот по виду вышла служанка. Дэй, стараясь не напугать ее, быстро подошел и спросил, это ли дом господина Шона.

Служанка оглядела бедно одетого старика с седыми волосами, собранными в хвост, заметила и лошадь — решила ответить:

— Да, уважаемый, это дом господина Шона, но сегодня он и госпожа Эхуанг в отъезде.

Дэй облегченно вздохнул — Небо на его стороне.

— Я приехал к госпоже Аи по поручению ее матери. Госпоже Юнру совсем нездоровится. Она хочет повидать дочь, — с волнением в голосе быстро проговорил он.

Служанка испуганно посмотрела на него.

— Но госпожа Юнру была у нас семь дней назад на похоронах своей дочери. Кто ты? — закричала она. — Злой дух?!

Вмиг постаревший Дэй поспешил сесть на коня и ускакать.

Он ехал по дороге обратно в Пекин, ничего не замечая вокруг. Всё теперь потеряло смысл, всё, чем он жил долгие годы, — мечтой о встрече. Всё разрушилось. Он не успел. Он не успел спасти свою Аи — нежную, маленькую, но храбрую женщину.

Донг с Ксу, хотя теперь уже можно называть ее настоящим именем — Роу, почти шагом ехали по дороге. До этого они скакали — Роу устала, да и Донгу надо было поберечь ногу.

На одном из поворотов Донг увидел ехавшего им навстречу старика. Казалось, он совсем не управляет лошадыю и вообще ему плохо — вот-вот упадет. Донг с Роу проехали мимо. Но Донгом овладело смутное беспокойство — как будто внутренний голос шептал ему: «Поверни обратно. Найди старика».

Донг доверял своей интуиции. Значит, старик не случайно появился на этой дороге и проехал мимо них.

Донг приказал Роу спешиться и ждать его у дороги, а сам развернулся и поскакал за стариком. Объяснять что-либо девушке было некогда.

Когда Донг приблизился к старику, тот ехал безразличный ко всему окружающему. Горе и полная безысходность читались по его ссутулившейся спине и опущенной голове.

— Простите, уважаемый! — сказал Донг, поравнявшись со стариком. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

Старик поднял голову, мельком взглянул на юношу и мотнул головой, давая понять, что он не нуждается в помощи.

— Простите еще раз, но мне кажется... — Донг не мог найти причину, чтобы разговорить старика и выяснить, что с ним случилось. — Мне кажется, что мы когда-то встречались, — наконец выпалил он, соображая, что сказать дальше.

Старик поднял голову и более осмысленно посмотрел на случайного путника. Взгляды их встретились. И Донг отшатнулся, потом привстал на стремени и снова сел. Он узнал этот мудрый, теплый, всегда готовый помочь взгляд. Он мог принадлежать только одному человеку из его жизни — Дэю.

— Дэй?! Дэй, это ты, ты! Я узнал тебя, Дэй! — радовался Донг, не понимая, почему Дэй не узнает его. Он не мог ошибиться. — Это же я — Донг! Тот мальчик, которого ты спас от бандитов. Мы жили в Маленькой деревне на берегу моря. Тебя нашел в море наш сосед Минь. Ты учил меня защищаться и не пасовать в драках.

В сознании Дэя медленно появлялись и складывались картинки из далекого прошлого. Но он никак не мог полностью ухватить связь между ними, соотнести прошлое и настоящее. И Донг видел это.

— Моего отца звали Бо, а маму Суин, — пытался помочь Дэю Донг. — А еще у меня была сестра Шучун и брат Фенг.

При упоминании имени Фенг Дэй тряхнул головой — он знает одного Фенга, но он сын высокопоставленного чиновника.

— Их, мою маму, сестру и брата, угнали в рабство и наверняка продали на рынке рабов, — с отчаянием в голосе говорил Донг.

Дэй вспомнил: да, Фенг рассказывал ему, что он приемный сын, купленный на рынке.

— Ты отвел меня в деревню, где монахи «Черного лотоса» набирали мальчиков в свой монастырь.

Сознание Дэя прояснилось, и всё встало на свои места, все картинки наконец-то выстроились в правильный ряд.

— Донг? Это ты, мой мальчик. — Они остановились, слезли с коней и обнялись. — Каким ты стал большим, Донг! Ты стал монахом-воином. Я горжусь тобой!

— Дэй, я думал, что ты погиб, там в бамбуковой роще. Но я никогда не забывал тебя и

твою просьбу — найти твоих родных. Поехали со мной. Я встретил твою дочь Роу, и сейчас мы едем к твоей жене и матери Роу — Аи.

Лицо Дэя снова стало печальным.

— Я еду оттуда — Аи умерла семь дней назад. Я не успел.

— Дэй, я сочувствую твоему горю. Но у тебя осталась дочь. Поехали, она ждет и точно обрадуется, что у нее есть отец.

Они поскакали обратно, к тому месту, где Донг оставил девушку.

Роу волновалась, куда и почему так внезапно уехал Донг. Ее лошадь щипала траву, а Роу сидела рядом. Она вскочила, когда увидела приближающихся Донга и старика.

Донг и Дэй спешили.

— Роу, ты только не волнуйся, — немного торжественно и сам, волнуясь, сказал Донг.

Дэй жадно оглядывал девушку, пристально всматривался в ее лицо. Он искал знакомые черты — черты его Аи. И конечно, находил.

— Роу — это твой отец, Дэй!

— Мой отец? — недоверчиво проговорила Роу и посмотрела на стоящего перед ней старика.

— Да, Роу, это твой отец! — подтвердил Донг. — Смотри! — Донг вынул свою нить-оберег в форме мотыги. — Это Дэй дал мне, и у тебя такой же. — Девушка вынула свой амулет — точно такой же. — А эту нить тебе надел твой отец, Дэй, когда ты была маленькая.

— Да, мама рассказывала мне. — Роу сделала несколько неуверенных шагов в сторону Дэя и бросилась к нему.

Они стояли обнявшись. Роу плакала от счастья. По лицу Дэя катилась скупая слеза. Предстояло еще сказать ей, что мама умерла.

Наконец Роу вспомнила то важное, зачем они поехали в пригород Пекина, и еще больше обрадовалась.

— Отец! Поехали с нами, мы едем к маме. Там все встретимся! Мама будет счастлива. Она всегда любила только тебя и не хотела выходить замуж. Она сделала это ради меня, чтобы я в будущем ни в чем не нуждалась, — торопливо рассказывала Роу.

— Роу, девочка моя... Я еду оттуда... Мамы больше нет... — Дэй снова прижал к себе дочь. — Видишь, как распорядилось Небо: я потерял жену, но нашел тебя и Донга. Мы не в силах изменить судьбу.

Роу плакала. Донг и Дэй стояли рядом. Всякое горе нужно пережить.

Потом они ехали обратно и то печалились о смерти Аи и что не смогли застать ее в живых, то радовались долгожданной встрече.

В это время Киу по распоряжению Донга прошелся мимо дома господина Сию — на воротах яркой желтой краской был нарисован дракон. Это означало, что переворот начнется через два дня, тоже рано утром. Киу встретился и с отрядом монахов-воинов, которые послал на подмогу Шифу. Правда, надо еще разобраться, кому помогать. Но это забота Донга, а Киу предстояло найти так и не появившегося в гостинице Изао. Видимо, Дух игры овладел Изао а потом и Киу, когда он начал играть, вместо того чтобы возвращаться домой.

Донг вчера предположил, что Изао могли схватить стражи порядка. Скорее всего, так и есть. Киу без рассуждений двинулся к тюрьме, расположенной возле базара.

Для начала он решил выяснить, где содержат вчерашних задержанных, кто начальник

подследственной тюрьмы и самое главное — есть ли среди задержанных Изао.

Это легко было сделать, потолкавшись среди родственников заключенных. Оставалось самое главное — попасть к начальнику тюрьмы, от которого зависело освобождение Изао.

Киу совсем не хотел идти в здание тюрьмы, да и кто бы его пустил. Он дождался, когда начальник тюрьмы поедет после службы домой.

Киу встретил его, причем далеко в стороне от тюрьмы.

— Многоуважаемый Да Синь! Да будут долгими ваши дни! У меня к вам просьба, вернее взаимовыгодное предложение, — произнес Киу, кланяясь.

Да Синь привык к бесконечным просьбам родственников заключенных. Он сразу оценивал и стоимость одежды просящего, и его уверенность, поэтому всегда безошибочно знал, продолжать разговор или нет, сможет он пополнить свои денежные запасы или нет, ведь он не получает жалованья.

В отношении Киу Да Синь сомневался, и монах-воин это заметил.

— Многоуважаемый Да Синь, один человек по ошибке, ну конечно, Небо никогда не ошибается и мы все получаем по заслугам, но человек, пребывающей в вашей строгой, но справедливой тюрьме, уже получил наказание. Думается, что ему хватит на всю оставшуюся жизнь, перевел дух Киу и сделал жест рукой, показывающей на карман.

— Как зовут вашего человека? — Начальник тюрьмы всё прекрасно понял.

— Изао, уважаемый. Его зовут Изао. — Киу достал деньги и передал их чиновнику.

— Что ж, если ваш Изао не в чем не виновен, через несколько дней он будет отпущен, — пообещал начальник тюрьмы, засовывая деньги в карман.

— Сегодня, многоуважаемый Да Синь, сегодня, — попросил Киу и протянул еще несколько купюр.

— Да, сегодня. Зачем невинному томиться в тюрьме еще несколько дней, — подытожил разговор довольный Да Синь, снова засовывая деньги в карман.

А уж как был доволен Киу!

Через пару часов он встретил похудевшего, как ему казалось, Изао у ворот тюрьмы.

— Обнимать не буду. Сначала нужно тебя отмыть.

Изао радовался, кивал и беспрестанно благодарил Киу.

— Надеюсь, ты теперь никогда не сядешь играть, — шутил Киу, глядя на товарища. — А то никаких денег не хватит тебя вызволить.

Вечером все собрались в гостинице — разговоров, открытий тайн прошлого хватило всем. Киу понравилось настоящее имя Ксу — Роу и что она дочь легендарного монаха-воина Дэя. Донг радовался, что нашел Дэя, что отец и дочь наконец-то вместе после стольких лет разлуки. Все радовались и за чудесное освобождение Изао.

Но радость омрачалась важными заботами. Надо было подумать и о делах, причем делах серьезных. Теперь и от них, монахов-воинов, зависела судьба Поднебесной, конечно, после Неба. Скоро пробьет час, который поставит всех перед выбором: власть, данная Небом, но власть маньчжурской династии и мятеж против этой власти, за власть китайской династии.

Глава 26

В одном лесу два тигра не живут

Вот и наступило тревожное утро — утро судьбы Поднебесной и воли Неба.

Снова по улицам расплзался густой туман, как будто Небо, так много видевшее, не хотело в этот раз наблюдать кровавую бойню между людьми — всегда одно и то же или хотело помочь, спрятать, укрыть от безумных глаз. Чьих? Кого? Будет понятно потом — когда всё закончится, когда победитель от радости поднимет руки и будет благодарить Небо.

Донг с Киу, оставив в гостинице Дэя с дочерью, Изао и Юна — как хорошо, что есть Дэй, присмотрит за всеми — отправились к Запретному городу. Они шли медленно, стараясь ни с кем не столкнуться и не сбиться с дороги.

Донг уже представлял, как по городу малыми отрядами на разных улицах двигаются мятежники — к одной точке, чтобы ударить по главным воротам Запретного города. Он знал, что и в пригороде Пекина поднимется восстание и распространится на ближайшие провинции, а там, если будет угодно Небу, и по всей Поднебесной.

Донг предвидел и другое — отсеченные головы на шестах по всем дорогам страны. Жестокая, страшная месть власти Цин. Страх, горе, разруха и беспорядки, которые приведут к ослаблению Великой Поднебесной. А за ней всегда зорко наблюдают внешние враги, желая поживиться, — легче поймать рыбку в мутной воде.

Донг старался не думать об этом, он будет действовать, как подскажет ему разум, сердце и Небо.

Господин Сию попрощался с женой — всё давно было обговорено на случай и провала, и победы мятежников. Господин Сию верил, что он справится и выйдет сухим из воды при любом раскладе. Если мятежников схватят — он помогал императору выявлять шпиона в стане врага, если мятежники захватят власть — он помогал им, не пожалев сына. Господин Сию не хотел, чтобы с Фенгом что-то случилось. Но его придется взять с собой — чтобы не вызвать подозрение.

Он зашел и к дочке, которая быстро поправлялась благодаря стараниям Дэя.

Лан теперь была всегда в хорошем настроении. Непоседливая от природы, она так устала лежать, так хотела прыгать и бегать, что родителям приходилось ее сдерживать — как бы снова ничего не случилось.

Девочка как будто почувствовала, опасность и тревогу отца. Смотрела на него серьезно.

— Всё будет хорошо. Лан. Я скоро приеду. Того требуют дела, — пытался обманом успокоить дочку господин Сию.

Потом он и Фенг скрылись за воротами — они шли к Запретному городу. Сосредоточенность и серьезность читались в облике Фенга. А в глазах, на самом доньшке, плескалось волнение и совсем немного страха.

Он, конечно, еще не знает, что приготовило ему Небо.

Да и никто не знает.

Шифу поспешил уехать из Пекина и как можно быстрее добраться до монастыря «Черный лотос». Здесь гораздо безопаснее.

За поворотами истории лучше наблюдать из надежного укрытия.

Он сделал всё от него зависящее: если победят мятежники — он помогал через господина Сию им, если мятежники проиграют — он выявил шпиона, опять же в лице господина Сию, к тому же послал отряд монахов-воинов на подмогу Его Величества. Да, монахов жалко: лучшие бойцы, но в такой игре без жертв не обойтись.

В конце концов, пусть докажут, что они лучшие бойцы. Лучших не так-то просто убить.

Император Цзяцин перевернулся на спину — душно, вчера сильно натопили слуги. Вставать не хотелось — предрассветный сон крепок, к тому же вчера он вернулся с охоты и очень устал.

Скоро, очень скоро Сын Неба проснется окончательно — вбежит охрана и доложит, что в Запретный город прорвались мятежники.

Между тем ручейки двигавшихся по улицам Пекина вооруженных людей соединились в одном месте — у ворот, ведущих внутрь Запретного города. Их собралось не меньше двухсот. Всем раздали белые повязки на голову, чтобы отличаться от охраны императора.

Подкупленные евнухи открыли ворота, но охрана уже подняла шум и приготовилась биться.

Началась бойня.

Вокруг кричали, подбадривая себя, корчились от боли, стонали, падали то люди в белых повязках, то стражи императора. Казалось, сам воздух накалился и звенел от ударов мечей и энергии злости.

Сражение шло с переменным успехом.

Стража с большим трудом, но сумела закрыть ворота. Больше половины мятежников остались за высокой стеной. Другие, хоть и остались в меньшинстве, охваченные страстью борьбы, теснили охрану, продвигаясь к главному дворцу императора.

Донг с Киу, которые договорились обвязаться красными поясами, как и весь отряд монахов, оказались среди тех, кто сумел пробраться внутрь Запретного города.

Они старались держаться рядом, чтобы в случае опасности успеть помочь друг другу. Но в настоящей драке часто всё идет не по плану.

Донг, перебросив через себя очередного противника, почувствовал боль — его задела мечом по еще не зажившей ноге. Он захромал, но, преодолевая боль, стал пробираться к Летнему саду императора, по пути оглядывая дерущихся — где же Киу?!

Донг, оценив ситуацию, понял, что надо уходить, пока на помощь императору не подошли войска, тогда уйти будет труднее, если вообще возможно. Отряд мятежников, пробравшихся внутрь Запретного города, таял на глазах.

Господин Сию с приемным сыном Фенгом тоже были среди тех, кто оказался у ворот Запретного города, но господин Сию отстал, Фенг же смог пробиться в пределы императорских владений.

Он, подбадривая себя воинственными криками, лез вперед и дрался, пусть и не так умело, но пока удача была на его стороне.

Вскоре силы стали покидать его — белая повязка слетела, ханьфу была разорвана.

Кто-то толкнул Фенга сзади. Он запнулся о лежащее перед ним тело и упал. Но быстро поднял голову и увидел убегающего без белой повязки на голове. Фенг вскочил и ринулся за ним.

Донг добежал, прихрамывая, до Летнего сада. Он хотел скрыться за деревьями и незаметно дойти до стены, огораживающей Запретный город, чтобы потом попытаться залезть на нее и уйти.

Но Донга догнал, судя по дорогой одежде, брат или сын богатого чиновника. Лицо его закрывала маска с прорезью для глаз, но движения говорили о молодости и небольшом опыте сражений.

Донг спешил, а воинственный юноша представлял собой досадную помеху.

Монах даже не стал вставать в стойку — подобранным мечом он ударил по плечу. Однако юноша оказался проворным и вовремя отклонился, лишь разорванный рукав висел да царапина на руке набухла кровью.

Донг собирался сразу нанести второй удар и бежать дальше, но замер, увидев на оголенном плече большое, неправильной формы родимое пятно.

Такое же пятно было у его брата — Фенга. Он точно помнил — именно на этом месте.

— Фенг?! Это ты, Фенг? Сними маску! — закричал Донг — еще не хватало убить брата.

Но юноша, казалось, не слышал Донга. Он лез вперед, продолжая нападать, и Донг вынужден был защищаться.

Наконец Донгу удалось сорвать маску. При этом юноша оступился и упал в императорский пруд. Холодная вода остудила его пыл.

— Вот еще в детстве был упрямый, — радостно проворчал Донг, окончательно убедившись, что перед ним его брат Фенг. — Давай руку и бежим отсюда, пока не пришли императорские войска.

— Чем ты докажешь, что ты мой брат? Мой брат совсем не умел драться и всего боялся, — всё еще не доверяя, спросил Фенг.

— Мы жили в Маленькой деревне. Отец Бо рыбачил. Мама Суин, сестра Шучун. Что тебе еще надо, чтобы ты поверил? — Донг стал злиться — они теряют время. — А теперь твой брат воин и еще поучит тебя драться!

Медлить больше было опасно — в Летнем саду стали появляться группы дерущихся.

Донг рывком поднял брата из пруда и, прихрамывая, потащил за собой к стене.

— Мы не сможем перелезть ее, Донг!

— Вставай мне на плечи. Ты-то у нас высокий, — не удержался от усмешки Донг.

— А ты? Как ты? — волновался Фенг.

— Я... За меня не беспокойся.

Донг огляделся, увидел дерево, достаточно близко стоящее от стены. Он вскарабкался на него и с толстой ветки, раскачавшись, прыгнул на стену. Немного не рассчитал, но руки цепко ухватились за край стены. Донг подтянулся и спрыгнул уже по ту сторону Запретного города.

А в городе и его пригородах начался кровавый хаос.

Китайцы пошли убивать и грабить маньчжуров. Маньчжуры пошли убивать и грабить китайцев. «Веселые люди» всех мастей пошли убивать и грабить тех, и других — лишь бы побогаче, пока власти не навели порядок.

— Пойдем к нам, Донг! — предложил Фенг. — У нас высокая ограда и крепкие ворота.

— Пойдем, я тебя провожу, — усмехнулся Донг. — Потом мне нужно найти друга. —

Донг помолчал и спросил о том, о чем давно хотел спросить: — Ты не знаешь, где наша мама и сестра Шучун?

— Нет, меня купил господин Сию-гэ и воспитал как своего сына.

— А ты помнишь Дэя? Ну, которого нашел в море сосед Минь.

— Да!

— Я нашел его, Фенг.

— А по-моему, я его нашел раньше — он вылечил мою сестру и помог мне, — только сейчас Фенг сообразил, почему ему казалось, что он знает Дэя.

Они подошли к дому, где жил Фенг.

— Хорошо, что ты встретил меня, Фенг. А то бы сейчас кормил рыб в императорском пруду, — улыбался Донг.

Братья обнялись.

— Подавились бы рыбы.

— Я приду, Фенг, жди меня.

Донг как мог быстро зашагал к гостинице — он очень надеялся увидеть там всех живыми и здоровыми.

Донг шел по гудящим улицам города: слышались крики, плач и ругань, навстречу ему то и дело попадались темные люди с баулами, было много пьяных, лежали окровавленные тела мужчин и женщин, в той позе, как застала их смерть — от ножа или от удара. Пахло гарью — совсем рядом горела лавка и два дома.

Донг остановил испуганную, без хозяина лошадь, взобрался на нее и поскакал. Шов у него на ноге стал расходиться, показалась кровь. Донг не обращал на это внимания.

У самой гостиницы Донг спешился — он прибыл вовремя.

Внутри, на первом этаже, бились Дэй и Киу, стараясь не пустить на второй этаж, где в комнате сидели испуганные Роу и Юн, пьяную толпу, громящую всё вокруг.

Им пытался помочь хозяин гостиницы, но безуспешно — вскоре он осел возле одного из столов, держась за голову.

Донг даже не смог сосчитать, сколько было нападавших, — десять-пятнадцать. Но очень порадовался, что Киу живой и с ними.

Донг схватил стоящий у входа стол и ринулся в толпу. Опрокинув несколько человек, он стал кричал, чтобы Дэй забрал всех и уходил. Во дворе стояли лошади.

Руки Киу буквально летали, отражая и нанося удары. Но и ему досталось — чей-то нож полоснул по спине, бровь была рассечена.

Дэй поднялся на второй этаж, по пути скинув с лестницы двоих.

— Прыгайте в окно! — кричал Донг.

Он удачно уложил бородатого толстяка ударом в челюсть и скрылся на кухне, вскоре выбежав с пылающим факелом. Донг поджег бамбуковую перегородку. Первый этаж наполнился дымом. Стало трудно дышать.

— Горим!!! — закричал Донг.

Драка остановилась. Нападавшие повыскакивали на улицу.

— Бежим! — закричал Донг Киу и кинулся по лестнице на второй этаж. Они спрыгнули из окна и бросились прочь от гостиницы.

Донг и Киу не знали, что Изао, который не послушался и вышел на улицу в поисках

друзей, чтобы помочь, наткнулся на грабивших дом бандитов. Старик-хозяин пытался сохранить свое имущество и умолял пощадить его. Бандиты смеялись, отталкивая старика.

Изао бросился на помощь, и даже повалил одного на землю, но тут же упал сам с ножом в спине.

Он так и застыл, уткнувшись лицом в пожелтевшую траву.

Донг и Киу не знали, что Мин, воин-монах из «Белого лотоса», с которым Донг дрался в каюте капитана и который пытался помочь его сестре Шучун, почти дошел до Пекина. Но в одной из деревень он бросился защищать многодетную маньчжурскую семью от озверевших соседей-китайцев. Мин легко раскидал четверых, но не увидел пятого, прыгнувшего на него сверху с крыши сарая.

Мин умер не сразу. Его мускулистое, натренированное тело сопротивлялось. Но удар в висок был сильным и точным.

Донг не знал, что его сестра Шучун именно в это тревожное утро выскользнула из дверей «синего дома», который находился на соседней улице с Запретным городом.

Шучун слышала крики, видела бегущих людей и зарево пожаров. Она так испугалась, что решила вернуться обратно — под защиту госпожи Чжэн Ши.

Но было поздно.

Толпа пьяных бандитов осаждала закрытые двери «синего дома».

Госпожа Чжэн Ши, видя, что спасения нет и двери вот-вот рухнут, вспомнила о спрятанном пистолете. Полгода назад один из клиентов обронил его, а госпожа Чжэн Ши сохранила нечаянный подарок.

Она взяла оружие и вышла к выломавшей двери толпе — госпожа Чжэн Ши защитит свой дом и своих девочек.

Раздался выстрел.

Бежавший впереди молодой, сально улыбающийся парень согнулся и упал.

Никто не захотел быть следующим.

Следы Шучун затерялись в мутных городских потоках.

Солнце вставало над городом, освещая всё и одаривая всех теплом. Казалось, оно говорило:

«Люди, что вы делаете! Опомнитесь! Пашите землю, ловите рыбу, рожайте детей. Живите друг для друга в радости и любви. Меня хватит на всех вас».

А ещё Донг не знал, что маленькая, еле заметная точка появилась у него на запястье. В том месте, где находилась татуировка — черный лотос.

Точка обозначилась под лотосом.

Она показывала скорую смерть.

Глава 27

Бытие рождается из небытия

Донг с Киу благополучно выбрались из Пекина. Им предстояло добраться до монастыря «Черный лотос».

Донгу очень хотелось поговорить с Шифу. Он не знал, сколько монахов-воинов осталось в живых. Почему Шифу отдал такой приказ: защищать императора, но быть с мятежниками?

— Донг, зачем мы вообще пошли туда? — спросил Киу, он тоже хотел бы знать.

— Киу, наш долг защищать страну, а следовательно, и тех, кто управляет страной, — ответил Донг.

— Это понятно. Но если бы власть захватили мятежники? Что бы тогда делали мы?

Донг ответил не сразу. Да и как тут ответить сразу.

— Киу, я думаю, нам, как монахам-воинам, всё равно нужно исполнять свой долг. Но как просто гражданам Поднебесной делать то, что пойдет ей на пользу.

— Вот и разберись! Еще бы понять, мятеж ей на пользу или нет! Ну ты напустил тумана, — засмеялся Киу. — Ладно, одно ясно — я твой друг и я с тобой.

— Да, Киу. И я с тобой. А об остальном хотелось бы спросить Шифу, — ответил Донг и перевел разговор на то, что его волновало сейчас больше: — Киу, как ты думаешь, где сейчас Дэй?

— Ну, у Дэя такая команда! — Веселое настроение не покидало Киу — оно и понятно. выбраться из такой передряги.

— Киу, я серьезно!

— Да что тут гадать, Донг? Дэй мудрый, он сообразит, что делать. И потом, ему поможет Изао, да и поваренок не промах! — снова засмеялся Киу и уже серьезно добавил: — С Роу не должно ничего случиться, Донг. Я это чувствую.

Монахи-воины старались объезжать селения стороной. Мятеж начался в нескольких провинциях Китая, постепенно обретая всё больше сторонников.

Раньше малоезжие дороги сейчас становились востребованными: кто-то убегал, надеясь перебраться в тихое место, кто-то скрывался от расправы, а кто-то их догонял и нападал — почему не поживиться.

Поэтому Донгу и Киу всё же не удалось остаться в стороне — объехать чужое горе.

Однажды они двигались в густом лесу по едва заметной дороге. Им часто приходилось спешиваться и вести лошадей за собой, чтобы перебраться через упавшие на дорогу деревья. Иногда колея от дороги терялась, и нужно было найти ее, чтобы продолжить путь и не заблудиться.

— Тише, Киу, — шепотом произнес Донг и сделал знак рукой остановиться.

Киу замер, прислушиваясь.

Совсем рядом доносились голоса. Порывы ветра то усиливали их, то заглушали, не давая разобрать, что там происходит.

— Киу, привяжем лошадей и подойдем ближе, — сказал Донг и первым, стараясь не наступать на сухие ветки, двинулся в ту сторону, откуда раздавались голоса.

Киу, держась немного в стороне, последовал за ним.

Они, перебегая от одного дерева к другому, приблизились к небольшой поляне.

Всё, что увидел Донг, ему не понравилось.

Здесь совсем недавно произошло нападение шайки разбойников, карауливших добычу у дороги, на обоз беженцев. Судя по одежде, это была маньчжурская семья и не бедная. Слуги и отец семейства яростно сопротивлялись — Донг насчитал девять человек, лежащих на земле. Но всё же силы были неравные — бандитов оказалось больше.

Под одним из деревьев сидела мать семейства в окружении трех испуганных дочерей. Она плакала — возле нее лежал без движения мальчик лет пятнадцати, сын. Отец, без шапки, с раной на голове, ползал на коленях перед главарем, умоляя пощадить их. Рядом стоял разграбленный обоз — перевернутый паланкин и телега с утварью.

Главарь, приземистый, в одежде, явно с чужого плеча, и с самодовольной усмешкой на лице, наслаждался моментом. Рядом стояли еще двое, остальные собирали оружие и всё мало-мальски ценное.

— А почему я должен тебя пощадить, маньчжур! — Все засмеялись. — Разве ты сдался сразу? Разве ты пощадил моих людей?

Отец семейства молчал, опустив голову.

Донг увидел, как трое бандитов подошли к сидящим под деревом. Они, смеясь, схватили одну из девочек, ударом отбросив кинувшуюся на помощь мать. И как та ни сопротивлялась, потащили в кусты.

Донг кивнул Киу — он находился ближе к тем троим.

Отец семейства вскочил на ноги и тоже кинулся на помощь, но не сделал и двух шагов — под смех бандитов упал от сильного удара в спину.

Крики девочки в кустах прекратились. Это Киу сначала уложил на землю двух стоящих рядом — ребром ладони по шее одного и ударом в позвоночник другого. Третьего он поднял двумя руками и ударил головой об дерево.

Потом Киу повернулся к девочке и шепотом сказал, чтобы она сидела тихо.

В это время Донг, подобравшись как можно ближе, выбежал из засады. В руках он держал толстую сломанную ветку березы. Донг зашел со спины, и первый удар пришелся веткой по голове главаря. Ветка переломилась, а главарь упал на бок. Не останавливаясь, вторым ударом в грудь кулаком Донг опрокинул того, кто находился слева от главаря. Третий, стоявший справа, успел повернуться и достать нож. Он кинулся на Донга. Монах отклонился влево, нож разрезал воздух. Донг ударил по руке, и нож полетел на землю. Следующий удар в челюсть сразил бандита.

А Киу уже дрался на поляне. Он метнул подобранный нож в горло одному. Броском через себя ударил об край перевернутого паланкина второго. Третий предпочел скрыться в лесу, но запнулся и упал. Прыжок Киу на его спину больше не позволил бандиту подняться.

Отец семейства сумел встать. Он благодарил монахов и Небо, пославшее их.

Донг и Киу проводили маньчжурское семейство до ближайшего селения. А сами двинулись дальше — в горы, к монастырю.

Когда до монастыря оставалось совсем немного, Киу вдруг предложил:

— Донг, а давай поднимемся наверх по другой стороне горы. Мы должны, в конце концов, узнать, что там. Есть там монастырские помещения или нет?

— Это опасно, Киу. Мы можем сорваться.

— Ну, если так думать... Столько лет мы хотим это выяснить. По-моему, сейчас подходящее время. Да там и подъем не крутой, и выступов хватает.

— Хорошо. Мне самому интересно, — сдался Донг.

Они отдохнули в той самой деревне, куда больше десяти лет назад пришли, чтобы попасть в монастырь «Черный лотос», а потом двинулись знакомой дорогой.

Примерно на полпути до монастыря свернули, чтобы освоить другой путь.

Здесь рос лес, а дальше начиналась стена, по которой нужно было взобраться.

Шли осматриваясь, уверенные, что осуществят задуманное.

У самой горы по дороге стали попадаться кости.

— Почему здесь столько костей, Донг?

— Не знаю, — удивленно ответил Донг. — Может, здесь поселилось крупное животное.

— Ага, а вот и черепа... — Киу наклонился, чтобы разглядеть поближе.

Донг тоже наклонился.

— Это же человеческие черепа, Киу!

— Может, ты ошибся?

— Ты что, не видишь! Детские черепа! — раздраженно сказал Донг. — Они летели как раз оттуда, куда мы хотим забраться.

— Похоже.

— Ты помнишь, Ки? Ну такой маленький, он постоянно болел. Или этого, ленивого Бао? Он ничего не хотел делать, только есть и спать, — спросил Донг.

— Помню.

— Нам говорили, что неспособных к обучению отправляют в другие монастыри.

— Ты хочешь сказать, что их скидывали с горы? — опешил Киу.

— Не знаю. Но зачем? Проще было сделать из них простых монахов или прислужников.

— Вот залезем и разгадаем эту тайну, — твердо сказал Киу.

Первые метры подъема дались легко — кое-где еще встречались кустарники. Дальше гора пошла круче, но эта дорога особой сложности для тренированных монахов не представляла. Но вскоре они остановились перед почти вертикальной стеной. Хорошо, что она не выглядела гладкой. Нужно было преодолеть ее, и всё — они наверху.

Здесь было ощутимо холоднее.

— Я полезу первым, Донг, — предложил Киу. — А потом, может быть, найду там веревку и скину тебе.

— Будь осторожен, Киу. Не спеши.

— Да здесь всего метров шесть.

Киу полез. Сильными пальцами рук он крепко цеплялся за выступы, переставляя ноги. Вот и три метра позади. Еще немного.

Ветер поднялся. Но только порывами.

Надо переждать порыв и двигаться, переждать и двигаться.

Вот и конечная цель — зайти за поворот, подтянуться, и он залез.

Киу поднял руку, но сильный порыв ветра не дал ему никаких шансов.

Монах пошатнулся и полетел вниз.

Донг видел, как падает Киу, но ничего не мог сделать. Слишком большое расстояние.

Донг закрыл глаза и стал медитировать — он должен залезть, ради Киу, ради тех детей.

И Донг полез. Киу сорвался, потому что не переждал ветер, поторопился. На последних метрах нужно всё делать, как на первых.

Донг шел по следам Киу. Но он был меньше ростом, поэтому ему приходилось искать свои выступы. Вот здесь упал Киу. Нет, не надо смотреть вниз. Восстановить дыхание. Ветер

стих. Пошел. Поворот пройден. Стоп. Ветер стих. Вперед.

И тут Донг, глядя на свою руку, заметил проявившуюся черную точку под лотосом. Что это значит? Ему рассказывал Дэй. Эта точка означает смерть. Неужели он сорвется и умрет? Станет бессмертным? Но Дэй выжил. И он, Донг выживет. Он уйдет потом, не сейчас.

Донг сделал еще несколько движений вперед, подтянулся и вылез. Он лег на спину, чтобы отдышался. Слезы душили его, но он не мог дать им волю. Надо было осмотреться и понять, что здесь происходит. Какую страшную тайну хранит монастырь «Черный лотос», что за нее платят жизнью детей?

Донг подполз к краю и заглянул вниз. Там, далеко, у подножия горы, темнел лес. Здесь стена была намного круче. Донг не увидел Киу.

Он поднялся и пошел к строению, находившемуся метрах в тридцати от него. Чем ближе подходил Донг, тем отчетливее он слышал плач. Даже не плач, а всхлипы, переходящие в поскуливание.

Донг распахнул дверь и увидел комнату, где стоял стеллаж с книгами, стол из камня и два бамбуковых табурета. На полу лежали циновки.

В комнате никого не было, но две двери указывали на то, что есть еще помещения. Одна дверь вела в монастырь, туда, где находились основные помещения и храм. Донг понял, что эта дверь ведет в комнату к старейшим монахам, куда они с Киу никак не могли пробраться. А вот вторая дверь ведет туда, где плачет ребенок.

Донг резко распахнул дверь. Он увидел, что в комнате на коленях стоял маленький монах, а перед ним сидел Шифу.

Когда Донг вошел, ребенок замолчал и поднял удивленные глаза на незнакомца. Шифу резко обернулся. Конечно, он узнал Донга.

— Донг?! Ты один? Проходи, — сказал Шифу, быстро оправившись от удивления, а потом обратился к мальчику: — Си, оставь нас. Побудь пока в той комнате.

Когда маленький монах ушел, Донг, еле сдерживая себя, заговорил первым.

— Я хотел бы знать, Шифу, почему ты отдал такой странный приказ? За что погибли монахи в Запретном городе? Но еще больше я бы хотел знать, что за детские черепа лежат у подножия горы? Что ты делаешь с маленькими монахами?

— Донг, ты еще молод. Политика — сложная штука. Иногда приходится идти на жертвы. Но, поверь, всё делается для благополучия монастыря. А монастырь всё делает для процветания Поднебесной. Что касается второго вопроса... — Шифу прошелся по комнате и встал напротив Донга. Между ними было не больше одного жэня. — Донг, когда ты появился в монастыре, я, конечно, заметил талисман, висящий у тебя на шее. Да, монета в форме мотыги. Такой талисман был у одного монаха... Дэя. Но он, как ты, наверное, знаешь, предал монастырь, свернул с пути монаха-воина. Думаю, его уже нет на этом свете, раз талисман у тебя. Наверное, ты нашел монету. Или Дэй был твоим учителем? — резко спросил Шифу, но не стал дожидаться ответа, а продолжил, глядя на Донга, чуть выше глаз. — Это неважно. Я не трогал тебя, потому что ты был способным учеником. Как и твой друг Киу. А, кстати, где он? — снова резко спросил Шифу и снова не стал ждать ответа Донга. — Это тоже неважно. Мы с Дэем были самыми способными учениками, поэтому нам старейшины доверили тайну монастыря «Черный лотос». Но Дэй, как ты знаешь, покинул нас. Поэтому тайну храню я. В монастыре есть очень редкая книга. Она одна. В других монастырях ее нет, и о ней не знают, иначе давно бы предприняли попытку ее отнять. Тебе, конечно, интересно, что написано в этой книге. Я скажу: там собраны практики медитаций,

знания по медицине, редкие техники ведения поединка, но самое главное — там описана техника уничтожения взглядом.

Донг стоял не шелохнувшись и ничего не говорил. Он понял, зачем Шифу нужны были мальчишки, — для тренировки.

Шифу усмехнулся и продолжил:

— Человек, в совершенстве владеющий такой техникой, сможет стать властелином мира. А это так заманчиво, правда? А если он еще обучит преданных ему людей!.. Но если таких людей станет много, в мире начнется хаос. Поэтому книга хранится в монастыре и о ней знают избранные. Да и далеко не каждый способен овладеть этим.

Донг не смог пошевелиться — пристальный взгляд шифу как будто сковал его. Но неужели Дэй тренировался так же, мелькнула мысль.

— Теперь ты знаешь всё. Ты знаешь главную тайну монастыря. Я думал попробовать обучать тебя, как самого способного ученика, но ты слишком добр и наивен. И, как ты понимаешь, я не могу тебя отпустить — тайна должна остаться здесь.

Донг почувствовал, как похолодели его ступни и ладони. Как холод постепенно захватывал всё тело, подбираясь к сердцу. Сознание угасало. Донг еще попытался уйти от этого сверлящего взгляда, сбросить его убивающую энергию, но не смог. Сознание почти покинуло его. Но он не мог и закрыть глаза, неведомая сила не давала ему сделать это. Сердце стало биться через раз, всё реже и реже. Донг опустился на пол, продолжая смотреть в глаза Шифу, и застыл на полу с открытыми глазами.

Дверь в комнату неожиданно открылась — на пороге стоял Дэй.

Дэй, который знал не только тайну монастыря, но и владел этой смертоносной техникой. Вот почему за ним охотились и хотели убить. Но Дэй тренировался на растениях, что еще сложнее. Когда растение увядало, он всегда пробовал воскресить его. Если у него это не получалось, то просил прощение у погибшего создания. И вот почему обратившиеся к нему больные почти всегда выздоравливали.

Дэй чувствовал, что Донгу грозит опасность. Он отвез дочку Роу и Юна к бабушке. Конечно, она приняла родную внучку. А сам Дэй поспешил в монастырь.

Они стояли друг против друга — лучшие монахи-воины монастыря «Черный лотос», его старейшины. И один из них сейчас должен умереть. Уйти к бессмертным.

Они молча смотрели друг на друга. Им уже нечего было выяснять — всё расставило по местам жизнь и Небо. Сейчас они выясняли, кто сильнее и что сильнее на этой земле: любовь или ненависть, война или мир, сострадание или равнодушие.

Когда в комнату робко вошел маленький Си, он увидел трех лежащих монахов. Никто из них не шевелился. Си бросился к Донгу и стал теревить его и плакать — ведь это он своим появлением спас его от Шифу. Но Донг не оживал. Тогда он подошел к совсем седому старику в старой одежде и тоже потряс его за плечо. Старик лежал неподвижно. Си бросил боязливый взгляд на Шифу, но и тот лежал с открытыми глазами, которые ничего больше не видели.

Три монаха плыли по Царству теней. Неужели и в мире бессмертных они будут вместе? Неужели и там не успокоятся их души? Неужели и там идет битва за людей? За человека в человеке.

Господин Сию, когда мятеж с трудом, но был подавлен, доложил императору Поднебесной Цзяцину, что предателем, близким к Его Императорскому Величеству, был Шифу. Он через господина Сию вел переговоры с мятежниками и даже послал отряд монахов им в помощь.

Император послал войска к монастырю «Черный лотос» и приказал убить всех монахов, в том числе и детей, а сам монастырь сжечь.

Так закончилась одна из трагических страниц в истории монастыря «Черный лотос», унеся с собой жуткую тайну — технику уничтожения всего живого.

Донг медленно приходил в себя, то возвращаясь в мир людей, то снова погружаясь в сумрак теней. Он то видел перед собой маленького монаха, который тряс его и что-то говорил — Донг никак не мог разобрать слова. То наслаждался покоем плавного течения иного мира.

Наконец слезы Си, падающие на лицо Донга, окончательно вернули монаха-воина в мир людей.

Донг несколько раз открыл и закрыл глаза, пошевелил руками и ногами. Мышцы плохо слушались его, но Донг сделал попытку подняться, затем вторую. Си радостно бегал возле него, стараясь помочь — он тянул спасшего его монаха за рукав. Третья попытка удалась — Донг встал. Он с ненавистью посмотрел в сторону лежащего с открытыми глазами Шифу — при этом голова у Донга закружилась. Монах закрыл глаза и стал медитировать, чтобы окончательно прийти в себя. Он знал, что рядом лежит Дэй, но смотреть на покинувшего этот мир Дэя совсем не хотелось. Еще где-то глубоко в сердце теплилась надежда — а если и Дэй жив! Но разум говорил Донгу, что это невозможно. И всё равно, как только Донгу стало лучше, он опустился на колени рядом с Дэем и послушал, бьется ли его сердце. Потом с большим трудом, но закрыл Учителю глаза. Дэй в который раз спас его — опоздай он хоть на минуту, и Донга унесли бы Белый и Черный дух смерти.

Си с печальным лицом стоял рядом.

Послышались шаги и возбужденные голоса.

В комнату стремительно вошли старейшины и сопровождавшие их монахи. Они столпились у порога, увидев страшную картину. Но дело их касалось настолько важных вещей, что некогда было предаваться печали и читать молитвы. Все встали возле каменного стола — нужно было срочно принимать решения.

— Дозорные доложили, что сюда идут — и они совсем близко — войска, посланные императором Поднебесной Цзянцином, — коротко сообщил один из старейшин.

— Нам нужно решить, что делать, — дополнил его второй монах-старик.

Донг сразу понял, что это последствия непродуманных действий Шифу — не надо было посылать монахов на помощь мятежникам. Но сделанного не вернешь.

— Я думаю, что надо собрать всех детей, старейшин и уходить в горы. Остальные должны сражаться, чтобы задержать продвижение войск. Монастырь «Черный лотос» существовал тысячу лет. Он не может исчезнуть. Дело «Черного лотоса» должно быть продолжено, — твердо сказал Донг.

Монахи закивали в знак согласия.

Но тут выступили старейшины.

— Мы останемся защищать нашу обитель.

— Монахов поведешь ты, Донг. Возьми самых толковых и выносливых себе в помощники.

— Мы верим, что ты возродишь монастырь «Черный лотос».

И снова все согласились.

Донг собрал всех монахов, каждому велел положить в котомку еду, чтобы хватило на первое время, и священные книги — знания, накопленные предыдущими поколениями монахов, не должны исчезнуть. Сам он нес казну и одну-единственную книгу, которую не

доверил никому. Теперь он был хранителем тайных знаний монастыря «Черный лотос».

Киу лежал в неудобной позе — с вывернутой назад рукой. Кровь запеклась у него на голове. При падении он ударился головой о камень. Но всё это мелочи по сравнению с тем, что Киу был жив и даже смог прийти в сознание и пошевелиться. Холод и ветер не дали ему долго лежать в беспомощности.

Киу приподнял голову, вытащил повернутую за спину руку, повернулся с живота на бок и осмотрелся. Он лежал один на осыпи, покрытой мелкими камнями.

Киу приподнялся и снова лег. Он помнил, что до цели — до верха, где, как они предполагали с Донгом, находились тайные помещения монастыря, — оставалось сделать всего три движения. Но он поспешил — и слишком резкий порыв ветра не дал ему удержаться на стене. Киу и в полете не растерялся. Он пытался цепляться руками и ногами за всё, что попадалось при падении. Может, это смягчило удар и спасло его.

Он с трудом поднялся и стал оглядываться в поисках палки. Но кругом, кроме камней, ничего не было. Куда идти? Вниз? В сторону? Наверх? Киу посмотрел вверх на гору. Он искал склон, откуда сорвался, чтобы сориентироваться, где он находится, и выбрать направление, куда идти.

Но осмотр ничего не прояснил.

Участок осыпи заканчивался метрах тридцати впереди. Киу решил пойти туда — может, так он поймет, где оказался.

Киу пошел быстро, чтобы не терять время, но очень скоро понял, что такая быстрая ходьба здесь не получится. Мелкие камни при движении не давали твердо ставить ногу — она проваливалась. Камни сыпались. Киу перешел на медленный плавный шаг, чтобы не упасть. Наконец он добрался до места, где заканчивалась осыпь. Оставалось сделать пар тройку шагов, как нога Киу провалилась в присыпанную камнями расщелину. Монах сумел вовремя распластать руки и задержаться. Киу подтянулся на руках и вылез из расщелины.

Он присел и заглянул внутрь разлома. Киу понял, что не упал бы — открывшаяся дыра была всего метра два глубиной, но дальше она расширялась и вела... Куда она вела, Киу решил проверить. Он спрыгнул в яму и сначала пополз на коленях, потом встал во весь рост.

Расщелина петляла и всё время поднималась вверх. Она привела Киу к груде крупных и мелких камней. Киу привык к темноте и хорошо видел, что камни завалили вход. Монах предположил, что когда-то произошло землетрясение, и камни сдвинулись.

Киу полез наверх и стал сбрасывать камни, чтобы расчистить проход.

Донг повел свой отряд в горы, подальше от монастыря. Они спускались вниз — там не так холодно и есть кустарники и деревья, а еще дальше внизу находится лес, в котором будет где укрыться. Главное — не столкнуться с войсками императора, которые лезли вверх, к монастырю. И передвигались они быстро, скорее всего, у них был проводник, который хорошо знал дорогу.

Оставшиеся в монастыре монахи приготовились к обороне. Дозорный встретил военных у скалы, внутри которой был проход к монастырю. Узкий проход позволял двигаться только по одному. Обойти скалу или залезть на нее не представлялось возможным.

Молодой, но опытный монах Да, стоявший в дозоре, первым принял бой. Он бился отчаянно, не жалея себя. Солдаты падали от его точных ударов, пока не завалили проход. Тогда командир отряда отдал приказ вынести тела, и сам, разозленный, полез в проход.

Офицеры императорской армии династии Цин тоже владели боевым искусством монахов — их обучали специальные инструкторы.

Уставший обороняться Да не ожидал встречи с серьезным противником. К тому же в узком проходе всё решало умение наносить короткие точные удары и защищаться от них.

Руки у офицера были длиннее, поэтому его удары чаще доставали Да. Неизвестно, сколько бы продлился поединок, но монах пропустил очень сильный удар в живот, замер и пропустил еще один удар в голову — всё было кончено. Отряд императора двинулся вперед по проходу — путь к монастырю стал свободным.

Но впереди был веревочный мост через горную реку. На нем стоял монах Ки. Первые солдаты, побежавшие по мосту, оказались в воде. Ки легко скидывал их в реку одного за другим. Офицер приказал натянуть луки. Ки ринулся к монастырю, но остановился, чтобы мечом обрубить веревки. Он успел, но успела и одна из стрел — она вонзилась в спину Ки. Он упал лицом вниз.

Солдаты пришлось повозиться, пока они соорудили переправу через реку и подобрались к стенам монастыря. Им предстояло пройти по каменным ступеням, которые поднимались всё круче и круче.

Монахи стали кидать камни на головы поднимающихся солдат. Но многие из них тоже пали от метких стрел. Солдат было больше, намного больше, чем оставшихся защищать монастырь монахов. Поэтому вскоре солдаты оказались наверху. Начался бой в монастырских комнатах. Монахи дрались самоотверженно. Особенно тяжело солдатам императора достался вход в храм. Святыни защищали до последнего. Но в конце концов и храм пал под натиском нападавших.

После этого офицер приказал поджечь монастырь.

Огонь разгорался медленно, не желая заглатывать в огненную пасть тысячелетнее творение истории. Но ветер и солнце настолько иссушили деревянные постройки, что они всё же вспыхнули, обдавая сильным жаром всех, кто находился рядом.

Солдаты во главе с офицером поспешили вниз.

Приказ императора Поднебесной был выполнен.

Донг спешил со своим отрядом скрыться в лесу. Но неожиданно послышался всё нарастающий гул. Сначала посыпались мелкие редкие камешки, потом их становилось всё больше и больше. Начался камнепад.

— Всем лечь! — скомандовал Донг. — Головой вперед! — падая на живот, прокричал он.

Им повезло, что камнепад так же быстро прекратился, как начался. Но им не повезло, что их заметили солдаты, тоже спускающиеся вниз.

Приказ императора выполнен не до конца.

Офицер распорядился догнать и уничтожить оставшихся монахов.

Донг велел нести самых маленьких на плечах и двигаться как можно быстрее.

Но их настигали. Тогда от отряда отделились трое подростков. Они будут прикрывать отход товарищей.

Бой длился недолго, но этого времени хватило, чтобы обогнуть скалу.

Он нес на плечах Си и знал, что если даже они останутся вдвоем, то монастырь возродится.

И снова их стали настигать солдаты. Донг огляделся — укрыться негде, а до леса еще

далеко.

Донг закрыл глаза — никогда не просил он помощи у бессмертных, но, видимо, это время пришло.

И они направили его.

«Беги прямо. У валуна остановись», — прогудело в голове Донга.

Донг не понял, в чем спасение, но побежал к валуну, одиноко лежащему среди мелких камней.

— Сюда, Донг! — закричал высунувшийся из расщелины Киу. — Здесь старинный подземный ход монахов. Помнишь, мы читали о нем в старой книге?

Донг смотрел на Киу, как на пришедшего из Царства мертвых, но быстро подавал ему маленьких монахов. Подростки спустились сами. Донг залез последним, попытавшись сдвинуть валун, чтобы закрыть вход в расщелину. Но у него ничего не получилось. Киу пришел на помощь, и вдвоем они завалили вход.

— Так ты выжил, Киу? С такой высоты?

— Ну я же знал, что тебе нужна будет помощь, друг, — засмеялся Киу. — Пойдем, там есть вода. Так что можно спокойно отсидеться два-три дня.

Конечно, не все монахи пережили суровую зиму в горах. Но те, что остались, возродили монастырь — построили его на новом месте. Набрали новых учеников.

Так началась новая страница в истории монастыря «Черный лотос».

Ничего не заканчивается — всё переходит в кого-то или во что-то.

Больше книг на сайте - Knigoed.net